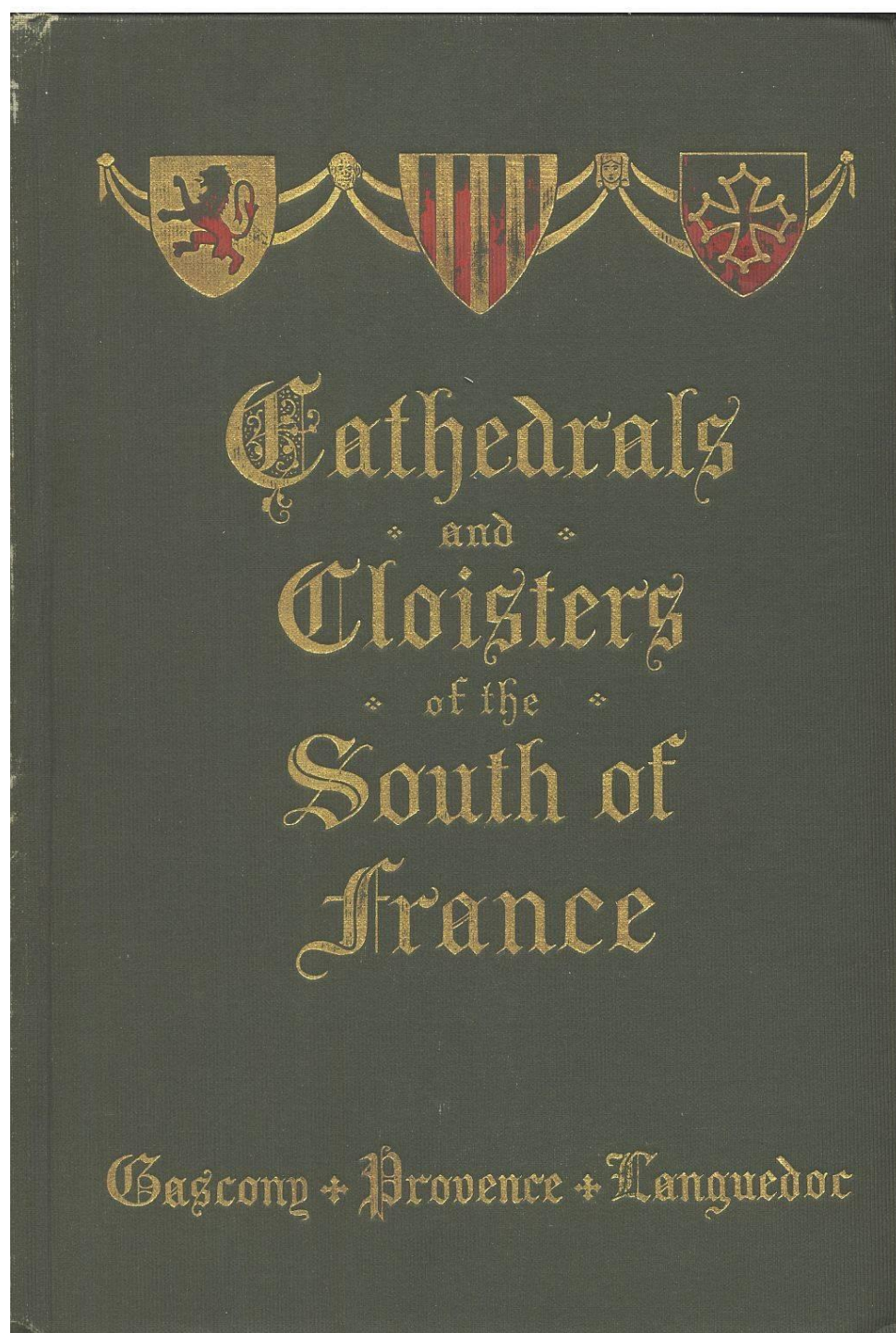

Соборы и обители Юга Франции, том 1

Элиза Уитлок Роуз

Электронная книга проекта Гутенберга о соборах и монастырях Юга Франции, том 1

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Соборы и монастыри Юга Франции, том 1

Автор: Элиза Уитлок Роуз

Иллюстратор: Вида Хант Фрэнсис

Дата выхода: 22 сентября 2007 г. [Электронная книга № 22718]

Последнее обновление: 3 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Джульет Сазерленд, Марсия Брукс и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СОБОРЫ И МОНАСТЫРИ ЮГА ФРАНЦИИ", ТОМ 1 ***

СОБОРЫ И МОНАСТЫРИ ЮГА ФРАНЦИИ

Передняя обложка

Родез.

“Отвесно и прямо возвышаются колонны ... и арка за аркой теряются в тени узких сводов бокового прохода”. [\[К списку\]](#)

СОБОРЫ И МОНАСТЫРИ ЮГА ФРАНЦИИ

АВТОР ЭЛИЗА УИТЛОК РОУЗ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ИЗ ОРИГИНАЛЬНЫХ ФОТОГРАФИЙ

АВТОР ВИДА ХАНТ ФРЭНСИС

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ I.

СЫНОВЬЯ Г. П. ПАТНЭМА

НЬЮ-ЙОРК И ЛОНДОН

Издательство "Никербокер Пресс"

1906

Авторское право, 1906 г.,

от

G. P. PUTNAM'S SONS

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В течение многих лет авторы этой книги проводили летнее время в странствиях по Франции; их приводила сюда слава о каком-нибудь старинном памятнике или туда какой-нибудь исторический случай. Они открыли для себя настоящую, неиспорченную Францию, часто не исследованную никем, кроме самих французов, и практически неизвестную иностранцам, даже вездесущему составителю путеводителей. В течение нескольких недель они путешествовали вместе, не встретив ни одного англоговорящего человека. Поэтому неудивительно, что они не смогли найти в какой-либо удобной форме на английском языке книгу о соборах Юга, которая была бы одновременно точной и полной. Ибо соборы этой страны являются памятниками не только архитектуры и ее истории, но и истории народов, психологии обращения в христианство и объединения варваров и галло-римлян, и многого другого, что, возможно, выражено в старых словах “борьба между миром, плотью и дьяволом”. На французском языке работы о соборах многочисленны и исчерпывающи; но либо настолько объемисты, что непрактичны разве что для специалиста, — как тома Виолле-Дюка, — либо настолько техничны, что их трудно понять. Каждый Собор кажется единым целым в бесконечной, монотонной процессии, отличающейся от других только размерами, стилем и возрастом. Это явно несправедливо по отношению к этим старым церквям, у которых есть личности и идиосинкразии, столь же реальные, как и у отдельных людей. Целью создателей этой книги было представить на фотографии и в рассказе — не критически или исчерпывающе, но наводяще и точно — кафедральный собор средиземноморских провинций таким, каким он существует сегодня, с его особыми архитектурными и историческими особенностями. Они описали только те церкви, которые видели, они проверили каждый факт и дату, где такая проверка была возможна, и полагались на местную традицию только там, где это было все, что оставалось рассказать о прошлом; и они будут чувствовать себя щедро вознагражденными за путешествия, исследования и терпеливое изучение башен, крипт и архивов, если неторопливый путешественник, стремящийся к удовольствиям, найдет в этих томах хотя бы намек на интерес и очарование,

которые могут пробудить великолепная архитектура, история и непревзойденный климат Южных Земель.

За неизменную вежливость и неослабевающий интерес, за бесплатный доступ как к частным, так и к церковным библиотекам, за разрешение фотографировать и копировать, за безграничное гостеприимство и пересказ многих старинных легенд они выражают огромную благодарность католическому духовенству, от архиепископа до кюре и викария. За редкие старые фрагменты информации, за историческую проверку и за бесконечные усилия по обеспечению точности печатной продукции они горячо благодарны миссис Уилбур Роуз, мисс Фрэнсис Кайл и миссис Уильям Х. Шелмайр-младшей. За критику и обучение искусству фотографирования они должны выразить не меньшую признательность мистеру Джону Г. Баллоку и мистеру Чарльзу Р. Панкоусту.

Э. В. Р.

В. Х. Ф.

Содержание.

- [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
-
- [СПИСОК ПРОСМОТРЕННЫХ РАБОТ.](#)
-
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ.](#)
-
- Страница
-
- **Юг Франции**
- I. Юг Франции [3](#)
- II. Архитектура Прованса, Лангедока и Гаскони [29](#)
-
- **Прованс**
- I. Морские соборы [55](#)
- Marseilles—Toulon—Fréjus—Antibes—Nice
- II. Соборы горных городов [72](#)
- Карпантра—Динь—Форкалькье—Ванс—Грасс
- III. Соборы на берегу реки [101](#)
- Авиньон—Везон—Арль—Антрево—Систерон
- IV. Соборы долин [178](#)

- Оранж—Кавайон—Апт—Риз—Сенез—Экс
 -
 - **Лангедок**
 - I. Городские соборы [237](#)
 - Nîmes—Montpellier—Béziers—Narbonne—Perpignan—
 - Каркассон—Кастр—Тулуза—Монтобан
-

Иллюстрации

- Страница
-
- Родезский [Фронтиспис](#)
- “Отвесно и прямо возвышаются колонны...
- и арка за аркой теряются в тенях
- узкий свод бокового прохода.
- “Неуязвимый Каркассон” [5](#)
- “Башня раннего морского собора” — [Agde 10](#)
- “Неф в более раннем стиле” — [Арль, 15](#)
- “Неф более позднего стиля” — [Родез, 19](#)
- “Нежный хор Сен-Назера” — [Каркассон 23](#)
- “Южный монастырь” — [Эльне, 27](#)
- “Романский проход” — [Арль 31](#)
- “Скульптурные порталы Сен-Трофима” — [Арль 33](#)
- “Готический проход” — [Менде 35](#)
- “Соответствующие различия в стиле” — [Каркассон 39](#)
- “Укрепленная готика, построенная из кирпича” — [Альби 43](#)
- “Церковная крепость” — [Магуэлонн 45](#)
- “Величественное готическое великолепие” — [Презерватив 47](#)
- [Entrevaux 52](#)
- “Люди собираются вокруг почтовой кареты, когда она отправляется в путь
- ежедневный привал перед подъемным мостом”.
- “Новый собор” — [Марсель 57](#)
- “Осквернение маленького монастыря” — [Фрежюс 65](#)
- “Военное знамение—башня” — [Антиб, 70](#)
- “Интерьер собора Парижской Богоматери” — [Динь 77](#)
- “В интерьере нет ни клерестории, ни трифория” — [Динь 81](#)
- “Большая квадратная башня служила смотровой площадкой” — [Форкалькье 86](#)
- “Наводящий на размышления вид из бокового прохода” — [Forcalquier 87](#)
- “Старая круглая арка Епископского дворца” — [Ванс 92](#)

- “Низкие, широкие арки и огромные поддерживающие колонны” —*Vence*[93](#)
- “Выше их всех возвышается собор” —*Грасс*[97](#)
- “Авиньонский мост”[99](#)
- “Внутри есть неглубокий балкон с изящными балюстрадами” —*Авиньон*[103](#)
- “Крыльцо, такое классическое в деталях” —*АВИНЬОН*[107](#)
- Со старой гравюры
- “Собор Парижской Богоматери” -*Авиньон*[111](#)
- “Башня Филиппа Красивого”—*Вильнев-ле-Авиньон*[114](#)
- “Большой дворец”—*Авиньон*[119](#)
- “На берегу приятной маленькой речки находится Везон”[123](#)
- “Разрушенный замок графов Тулузских” —*Везон*[125](#)
- “Весь конец апсиды” -*Свод*[127](#)
- “Южная стена, которая хорошо видна с дороги” —*Везон*[129](#)
- “Два отсека, выходящих на землю” —*Vaison*[131](#)
- “Большие опоры и маленькие прочные колонны” —*Везон*[133](#)
- “Посреди богатства античных руин” —*Арль*[135](#)
- “Фасад сен-Трофима” —*Арль*[137](#)
- “Нужная деталь—портал”—*Арль*[141](#)
- “Деталь слева—портал”—*Арль*[145](#)
- “Под сводами монастыря” —*Арль*[147](#)
- “Неф большой и стройной высоты” —*Арль*[149](#)
- “Красота целого”—*Арль*[151](#)
- “Готическая аллея”—Монастырь—*Арль*[153](#)
- “Этот интерьер”—*Entrevaux*[156](#)
- “Романская прогулка”—Монастырь—*Арль*[157](#)
- “Один из трех малых разводных мостов” —*Entrevaux*[159](#)
- “Опускная решетка”—*Entrevaux*[160](#)
- “Форт, возвышающийся на острой вершине” —*Entrevaux*[161](#)
- “Настоящий ”Плацдарм“” —*Entrevaux*[163](#)
- “Длинная линия стен, зигзагообразно спускающаяся по склону холма” —*Entrevaux*[165](#)
- “Церковная башня выделялась на фоне скалистого пика” —*Entrevaux*[169](#)
- “Собор находится рядом с тяжелыми круглыми башнями внешних крепостных валов” —*Систерон*[172](#)
- “Мост через Дюранс”—*Систерон*[173](#)
- “Входы на две узкие улочки” —*Систерон*[176](#)
- “Это был маленький мрачный монастырь с низкими сводами”—*Кавайон*[182](#)
- “Башня собора” —*Кавайон*[187](#)
- “Основная часть церкви” —*Апт*[191](#)
- “Богородица и Святая Анна — кисти Бенцони”—*Квартира*[194](#)
- “Сен-Мартен-де-Бром с его высокой стройной башней”[197](#)
- “Укрепленный монастырь тамплиеров” —*близ Греу*[199](#)
- “Башня Нотр-Дам-дю-Сиеж”—*Риз*[201](#)

- “Ничто не могло быть более причудливо старым и скромным, чем Баптистерий” —*Риз*[202](#)
- “Между колоннами был установлен алтарь” —Баптистерий, *Риз*[203](#)
- “Прекрасные гранитные колонны”—*Riez*[207](#)
- “Почтовая карета сенеса”[211](#)
- “Открытая площадь”—*Сенез*[213](#)
- “Дворец его прелатов”—*Сенес*[214](#)
- “Собор”—*Сенез*[215](#)
- “Собор”—*Сенез*[218](#)
- “Стены хора украшены гобеленами”—*Сенез*[219](#)
- “Между ветвями, усыпанными яблонями, - церковь, какой ее увидел кюре” —*Сенез*[221](#)
- “Южный проход”—*Экс*[224](#)
- “Романский портал”—*Экс*[225](#)
- “Монастырь”—*Экс*[227](#)
- “Кафедральный собор”—*Экс*[231](#)
- “Амфитеатр, соперничающий по искусству с Колизеем”—*Ним*[238](#)
- “Общий эффект в некотором роде напоминает портвейн”—*Монпелье*[244](#)
- “Самый прекрасный вид открывается из апсиды”—*Монпелье*[245](#)
- “Башня с часами очень квадратная и толстая” —*Безье*[248](#)
- “Причудливый и красивый фонтан” —*Безье*[250](#)
- “Врата монастыря”—*Нарбонна*[255](#)
- “Это место пустынного одиночества” —*Нарбонна*[257](#)
- “Эти выступающие контрфорсы придают экстерьеру самый любопытный и прекрасный эффект” —*Нарбонна*[261](#)
- “Все старинные здания города испанского происхождения”—*Перпиньян*[265](#)
- “Незаконченный фасад”—*Перпиньян*[267](#)
- “Каменистая улица на склоне холма”—*Каркассон*[269](#)
- “Древний Крест”—*Каркассон*[272](#)
- “Часто на ступицу тратится слишком мало времени”—*Каркассон*[275](#)
- “Хор XIV века” —*Каркассон*[279](#)
- “Прямой и массивный фасад” —*Каркассон*[281](#)
- “Романская перспектива”—*Каркассон*[283](#)
- “Неф XIII века представляет собой помещение без проходов, низкое и с широкой аркой” —*Тулуза*[291](#)
- “Нынешний собор представляет собой сочетание стилей” —*Тулуза*[294](#)

СПИСОК ПРОСМОТРЕННЫХ РАБОТ.

Байет.	<i>Précis de l'Histoire de l'Art.</i>
Bodley.	<i>Франция.</i>
Bourg.	<i>Viviers, ses Monuments et son Histoire.</i>
Choisy.	<i>Histoire de l'Architecture.</i>
Кугни.	<i>L'Art au Moyen Age.</i>

Cook.	<i>Старый Прованс.</i>
Разъедающий.	<i>Римская архитектура.</i>
"	<i>Готическая архитектура.</i>
Кокс.	<i>Крестовые походы.</i>
Дарсель.	<i>Le Mouvement archéologique relatif au Moyen Age.</i>
Ès.	<i>L'Église Saint-Etienne, Cathédrale de Toulouse.</i>
Демпстер.	<i>Приморские Альпы.</i>
Ducéré.	<i>Bayonne historique et pittoresque.</i>
Дюруй.	<i>Histoire de France.</i>
Ферри.	<i>Статьи о французских соборах, появляющиеся в "Architectural Record".</i>
Гардер.	<i>Saint-Pierre de Condom et ses Constructeurs.</i>
Гулд.	<i>В стране трубадуров.</i>
Гизо.	<i>Histoire de France.</i>
"	<i>Histoire de la Civilisation en France.</i>
Халлам.	<i>Средневековье.</i>
Заяц.	<i>Юго-восточная Франция.</i>
"	<i>Юго-западная Франция.</i>
—	<i>История Иоанны Неаполитанской, королевы Сицилии (опубликовано в 1824 году).</i>
Ханневелл.	<i>Исторические памятники Франции.</i>
Джеймс.	<i>Небольшое путешествие по Франции.</i>
—	<i>Le Moyen Age (avec notice par Roger-Milès).</i>
Изучено.	<i>Церкви и замки средневековой Франции.</i>
Lasserre, L'abbé.	<i>Recherches historiques sur la Ville d'Alet et son ancien Diocèse.</i>
Лечвалье	
Шевиньяр.	<i>Les Styles français.</i>
Макгиббон.	<i>Архитектура Прованса и Ривьеры.</i>
Марлавань.	<i>Histoire de la Cathédrale de Rodez.</i>
Martin.	<i>Histoire de France.</i>
Masson.	<i>Людовик IX и XIII век.</i>
"	<i>Франциск I и XVI век".</i>
Мериме.	<i>Этюды по искусству моей эпохи.</i>
Мишле.	<i>Histoire de France.</i>
Мишле и	
Массон.	<i>Средневековье во Франции.</i>
—	<i>Monographie de la Cathédrale d'Albi.</i>
Монталамбер.	<i>Les Moines d'Occident.</i>
Мильман.	<i>История латинского христианства.</i>
Палуэстра.	<i>L'Architecture de la Renaissance.</i>

Пастор.	<i>Жизни римских пап.</i>
Пеннелл.	<i>Играйте в Провансе.</i>
Кичера.	<i>Mélanges d'Archéologie au Moyen Age.</i>
Renan.	<i>Études sur la Politique religieuse du Règne de Philippe le Bel.</i>
Révoil.	<i>Architecture romane du Midi de la France.</i>
Розьер.	<i>Histoire de l'Architecture.</i>
Schnasse.	<i>Geschichte der bildenden Künste. (Том III и др.)</i>
Сентец.	<i>Сент-Мари д'Ош.</i>
Сорбеты.	<i>Histoire d'Aire-sur-l'Adour</i> [Pg 17].
Soulié.	<i>Интересные старых романов, чьи сюжеты прокладываются на юге Франции:—</i>
"	<i>“граф де Тулуз.”</i>
"	<i>“Ле-виконтом де Безье.”</i>
"	<i>“Ле-Шато-де-Пиренеи,” и т. д.</i>
Стивенсон.	<i>Путешествует с ослом по Севеннам.</i>
Тэн.	<i>Древний режим.</i>
"	<i>Путешествия по Франции".</i>
"	<i>Истоки современной Франции".</i>
"	<i>Экскурсия по Пиренеям".</i>
—	<i>Между Францией и Испанией.</i>
Viollet-le-Duc.	<i>Histoire d'une Cathédrale et d'un Hôtel-de-Ville.</i>
"	<i>Entretiens sur l'Architecture.</i>
"	<i>Dictionnaire raisonné de l'Architecture française du XIe au XVIe siècle.</i>

Юг Франции.

Я.

[Наверх](#)

ЮГ ФРАНЦИИ.

Если мы только усилием воли можем оценить доблесть Колумба в XV веке, его тайные сомнения, его безрассудство, то насколько слабее наше представление о героизме первых средиземноморских мореплавателей. Пар разрушил для нас ужасающее величие расстояния, и мы никогда не сможем осознать необъятность этого “великого моря” древних. Для Вергилия приключения “благочестивого Эния” были поистине героическими. Западные берега Средиземного моря были тогда “краем земли”, и даже в первые века нашей эры тот, кто отваживался выйти за пределы Гибралтарского пролива, искушал либо Провидение,

либо дьявола и был должным образом наказан, упав за край земли навстречу вечной гибели. “Почему, ” спрашивает средневековый учебник естествознания, “ солнце вечером такое красное?” И за этим следует убедительный ответ: “Потому что оно смотрит вниз на Ад”.

За столетия до христианской эры Юг Франции вместе с Испанией лежал на неизвестной западной оконечности Моря. Вдоль его восточных берегов располагались цивилизации, поседевшие от времени; Карфаген на юге умирал; Греция жила за счет престижа своего славного прошлого, в то время как Рим становился всемогущим. Легенда гласит, что предприимчивые финикийцы и греки открыли французское побережье, что Ним был основан тирийцем Геркулесом, а Марсель - около 600 г. до н.э. финикийским торговцем, который женился на дочери вождя и поселился в устье Роны. Но эти ранние поселения были всего лишь изолированными городами, которые не были взаимозависимыми; едва ли это было нечто большее, чем торговые посты. Именно Рим подчинил себе южную Галлию и по римскому обычаю построил города и поселки и объединил их в хорошо управляемые провинции; и именно с римского правления начинается связанная с этим история Галлии.

С самого начала мы сталкиваемся с одним основным фактом, который так трудно осознать, когда Франция рассматривается как единая страна, - существенной разницей между Севером и Югом. Цезарь обнаружил на Юге частичную римскую цивилизацию, готовую для его организации, и старые, процветающие города, такие как Нарбонна, Экс и Марсель. На Севере он обнаружил, что люди продвинулись не дальше племенной стадии, а Париж — даже не Париж по названию — представлял собой скопление глинобитных хижин, которые из-за своего стратегического положения он превратил в лагерь. Два последующих столетия, период расцвета римского владычества во Франции, усилили эти различия. Север находился под властью римлян, никогда ими не ассимилировавшихся и не цивилизованных. Юг жадно впитывал всю культуру Имперского города; его религии и удовольствия, его прекрасные Храмы и огромные амфитеатры, наконец, его мораль и изнеженность, пока во II веке нашей эры о любом, кто вел роскошную веселую жизнь, в народе не говорили, что он “отплыл в Марсель”. По сей день Юг может похвастаться тем, что он был неотъемлемой частью Рима, и Рим не замедлил признать это притязание. Галльские поэты воспевали славу Августа, галл был мастером Квинтилиана, а Антонин Пий, хотя и родился в Имперском городе, по происхождению был уроженцем Нима.

“НЕУЯЗВИМЫЙ
КАРКАССОН”. [\[Перечислить\]](#)

Не на грубый Север, а в это общество, такое языческое, такое любящее удовольствия, прибыли первые миссионеры новой христианской веры, чтобы встретить на аренах Галлии судьбу своих единоверцев в Риме, спрятаться в подземных пещерах и склепах, терпеть, упорствовать и, наконец, победить. В III и IV веках были основаны многие великие епископства, в том числе Авиньон, Нарбонна, Лион, Арль и замки Сен-Поль-Труа; но в те же годы произошли политические перемены, которые, казалось, угрожали как Церкви, так и государству.

Римское могущество шло на убыль. Племена из-за Рейна собирались в северной Галлии, и их дух был враждебен довольству богатых средиземноморских провинций. Племена были храбрыми, безжалостными и варварскими. Мир раздражал их неконтролируемое беспокойство. Галло-римляне были артистичными, литературными, праздными и роскошными. Они пали сначала от рук более мягких, но еретических врагов, затем от рук свирепого, но ортодоксального Франка, и история последующих лет стала хроникой войн.

Подобно огромному рою саранчи, сарацины - завоеватели от Индии до Испании — обрушились на Юг. Они взяли Нарбонну, Ним и даже Неуязвимый Каркассон. Они осадили Тулузу и почти уничтожили Бордо. Другие города, возможно, столь же великие, как эти, были стерты с лица земли, и даже их названия теперь забыты. Европа оказалась под угрозой; Юг Франции был практически разрушен.

Снова спустились франки; и подобно сильному ветру, сдувающему тучи с грозового неба, Карл Мартелл отбросил арабов и спас христианство. Незадолго до 740 года он в третий раз вернулся на Юг, но не как освободитель, а из чистой любви к завоеваниям; и, разрушив Ним, приморские города Магуэлон и Агд и взяв мощные крепости Арль и Марсель, он проложил путь своему великому потомку, который номинально объединил “всю Францию”.

Но империя Карла Великого развалилась на куски; и как Карловинги сменили Меровингов, так и в 987 году Капетинги сместили слабых потомков могущественного главы “Священной Римской империи”. Карта менялась с ошеломляющей частотой; и в результате этих изменений дворяне — более стабильные, чем их короли, — превратились в настоящих лордов своих нескольких владений. История говорит о Франции от Хлодвигу до Революции как о королевстве; но даже позже Первого крестового похода королевство находилось где-то между Парижем и Лионом; Королевские владения, а не Франция, какой мы знаем ее сейчас. Герцогство Аквитания, герцогство Бретань, Бургундия, графства Тулуза, Прованс, Шампань, Нормандия и многие более мелкие владения были столь же гордо отделены по духу, как Норвегия и Швеция, и часто столь же политически отличались от Дании.

Посреди этих смутных времен Церковь неуклонно росла. Каждое изменение, каким бы фатальным оно ни было для Севера или Юга, придавало ей новые силы. Столкнувшись с культурным язычеством в первые века, кровь ее мучеников стала поистине плодотворным семенем для ее побед; и позже, столкнувшись с язычеством другой, более дикой расы, она более мирно восторжествовала в одном высшем обращении Хлодвигу; и преданность и интерес, которые с того дня росли между Церковью и королем, постепенно сделали ее величайшей силой страны. После упадка римской культуры Церковь была единственной интеллектуальной, почти мирной и совершенно непреодолимой силой. Великие лорды презирали ученость. Один аббат, необычно выражая веру Церкви, сказал, что “каждая буква, написанная на бумаге, - это меч, вонзенный в бок дьявола”. Когда война прекратилась, занятие людей, начиная со времен Хлодвигу и на протяжении всего средневековья, прекратилось. Они не умели читать; они не могли писать; радость охоты со временем иссякла. Они были беспокойными, потерянными. Правосудие, вершимое великими лордами, слишком часто было правом сильного. Но на Орлеанском соборе в 511 году церковь была объявлена неприкосновенным убежищем, где слабые должны быть в безопасности до тех пор, пока их дело не будет рассмотрено спокойно и справедливо. Благотворную заботу Церкви трудно переоценить. Между 500 и 700 годами у нее было восемьдесят три совета в Галлии, и едва ли один из них не привел к реформе - реальному облегчению трудностей.

Кое-что из общей организации ее великой власти в те суровые времена заслуживает большего, чем обычное исследование. Даже на своем маленьком месте в “Соборах и монастырях Юга Франции” это интересный фрагмент церковной политики и психологии.

“БАШНЯ РАННЕГО МОРСКОГО СОБОРА”.

—AGDE. [\[К списку\]](#)

Церковная традиция Франции восходит к самым первым годам христианской эры. Лазарь, Мария Магдалина, Марфа и Мария, Мать Иакова, - это лишь немногие из тех, кто был тесно связан с Самим Христом, кто, как полагают, пришел в Галлию; и в своих усилиях систематически и уверенно насаждать христианство они основали первые французские епископства. Это традиция. Но даже история II века повествует о почтенном, принявшем мученическую смерть епископе Лионском, ученике того Поликарпа, который знал святого Иоанна; а в III веке Галлия добавила не менее четырнадцати кафедр к тем, которые у нее уже были. Отбросив восторженную традицию, очевидно, что миссионерский пыл галльских священников был велик; и слава их ранних побед полностью принадлежит той ветви Церкви, которая известна как “светское духовенство”.

Другая великая ветвь, “Религиозные ордена”, были созданы позже. Из восточных пустынь Фиваиды, где святой Антоний рано практиковал аскетизм монашеской жизни, святой Мартин черпал вдохновение для монашества Запада. Но только в конце IV века он основал близ

Пуатье первый большой монастырь во Франции. Успех этой формы благочестивой жизни, если и не был полностью назидательным, был незамедлительным. Религиозные излишества были менее распространены в умеренном климате Франции, чем под палящим восточным солнцем, и все же у этого самого причудливого из восточных фанатиков, "Святого Столпа", был по крайней мере один ученик в Галлии. Он — добрый Брат Вульфайлыч — начал праведную жизнь с того, что взобрался на колонну близ Трева и приготовился стоять на ней босиком всю зиму и лето, пока, по-видимому, ангелы с триумфом не отнесут его на небеса. Но Запад - это не Восток. И добрые епископы по соседству отошли, вместо того чтобы ждать у колонны, подобно тому, как возвышенный император смиренно стоял под колонной святого Симеона Столпника. Далекие от благоговейного трепета, они были шокированы; они заставили Вульфайлу спуститься со своего возвышения и разрушили его. Это один из первых галльских примеров антагонизма между "светской" и "регулярной" ветвями преподобного духовенства.

С незапамятных времен во французской церкви эти две великие силы были объединены, маршируя к одной и той же великой цели, но никогда не маршировали вместе. Утверждается, что они были и остаются враждебными. Теоретически, в идеале, ничто не могло быть дальше от истины. На самом деле они иногда были недружелюбны; и чаще всего взаимно подозрительны. Ибо великий настоятель неизбежно жил в епископской резиденции; и с человеческими темпераментами под их церковными одеяниями аббат и епископ не всегда могли прийти к согласию. Епископ был главой духовенства, верховным в своей епархии; но если он призывал к ответу самого низкого монаха какого-либо монастыря, милорд аббат отвечал, что тот "подотчетен только папе", и удалялся в свой досадный "*imperium in imperio*".

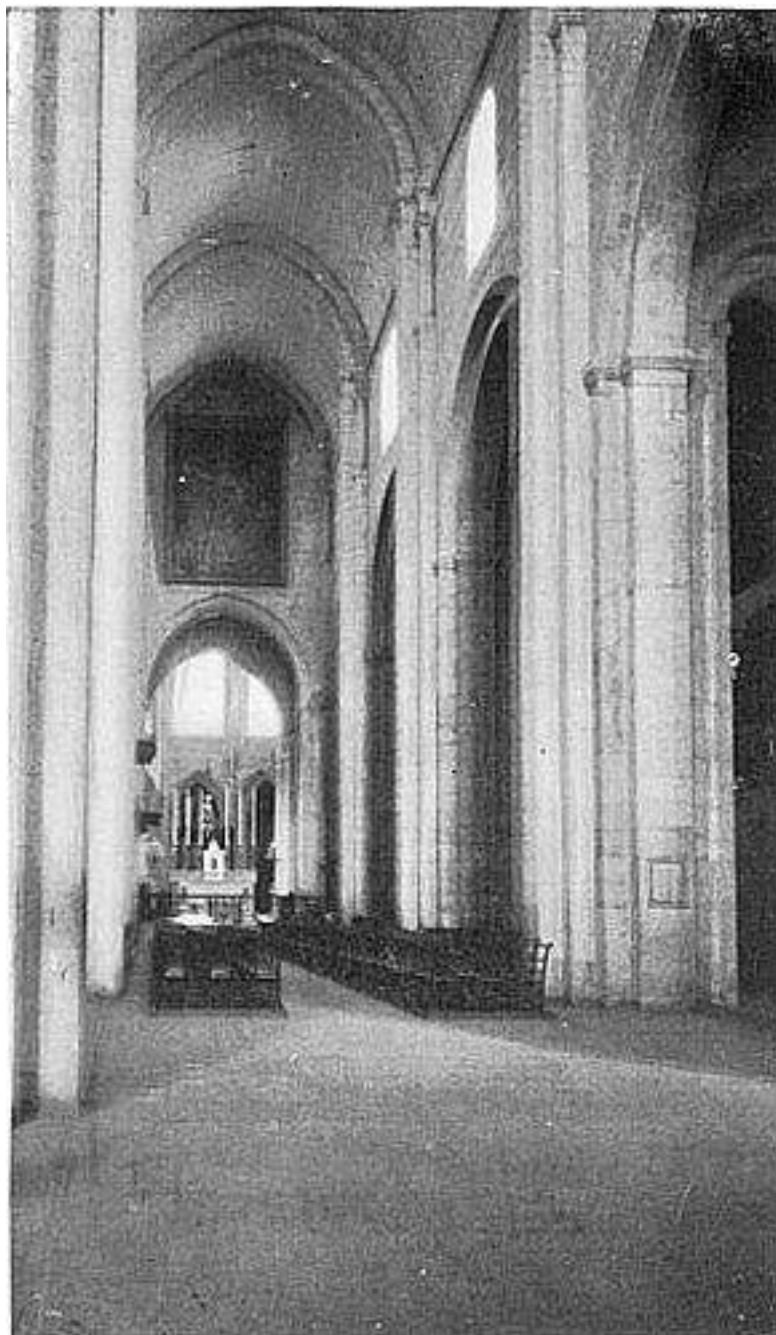
В начале VI века в монашеской жизни было много необычного. Вся страна находилась либо в состоянии войны, либо в тревожном ожидании войны. Многим аббатствам еще предстояло быть основанными; многие находились только в процессе основания. Странствующие братья, естественно, подвергались опасностям и искушениям неустроенной жизни и, если верить истории, впадали во многие грехи и даже позорили свою одежду распущенностью. В этот беспорядок пришел великий и святой Бенедикт, "ученый невежда, мудро необразованный", истинный организатор Западного монашества. Под его мудрыми "Правилами" аббатство VI века было преобразовано. Оно стало "не только местом молитвы и размышления, но и убежищем от варварства во всех его формах". И в этом доме книг и знаний были всевозможные отделы, а его подворья образовывали то, что мы бы сегодня назвали "образцовой фермой". Там можно было найти примеры активности и трудолюбия для рабочего, обычного земледельца или самого землевладельца. Это была школа, - продолжает Тьерри, - не религии, а практических знаний; и если учесть, что во времена Хлодвиги таких школ было двести тридцать восемь, то станет ясно, что власть Орден, хотя и возникла с опозданием, стала такой же большой, как и власть епископов".

Из этих двух ветвей произошло все самое великое в церковной архитектуре Франции. По мере того как их сила росла, были построены соответствующие церкви, и сегодня, в знак их двоевластия, у нас есть Аббатство и Кафедральный собор.

Епископская церковь имела свой прототип в местах первых христианских собраний в Риме и была спланирована исходя из двух основных идей: части римского дома, которая была посвящена раннехристианскому богослужению, и растущих требований самого ритуала. В самом начале христианской эры новообращенные встречались в любой комнате, но эти маленькие группы так скоро превратились в общины, что потребовалось место побольше, и "базилика" дома стала общим и общепринятым местом богослужения. "Базилика" состояла

из длинного зала, иногда с галереями, и полукруга; а ее общий контур напоминал букву Т. В это чисто светское здание были введены христианские церемонии. Полуцикл стал апсидой; галерея - кладовой; холл - центральным нефом. Здесь были установлены атрибуты новой церкви. Алтарь находился в апсиде; а между ним и нефом, с обеих сторон, была установлена кафедра или стол для чтения. Епископ и священники сидели вокруг алтаря, люди - в нефе. Такое расположение духовенства, людей и убранства священной канцелярии, по сути, соответствует сегодняшнему собору. Однако было много дополнений первого типа. Форма базилики Т была увеличена до формы креста; и развивались все более красивые архитектурные формы. Одной из первых была башня ранних итальянских церквей. Эта единственная башня была удвоена во французском романском стиле, часто снова умножалась готическими строителями, а в византийских церквях увеличивалась до семи и даже девяти куполов. Были добавлены трансепты, и по мере того, как одно за другим искусства становились достоянием Средневековья и Возрождения, каждое из них было поставлено на службу строителям собора. Интерьер стал таким красивым благодаря резьбе, окнам из чудесно раскрашенного стекла, богатым гобеленам и фрескам, что ритуал с каждым годом казался все более впечатляющим и внушающим благоговейный трепет. Старый, приземистый внешний вид первых дней был забыт благодаря новому росту и величию, и собор стал доминирующим зданием города.

Хотя страна была рано обращена в христианство, и на карте Меровингской Франции почти все нынешние кафедральные города Средиземноморья были резиденциями епископств, сейчас мы не можем увидеть все последовательные этапы церковной архитектуры Юга. Основная эпоха зданий, дошедших до нас, - это XI-XIV века. О более ранних типах и этапах мало что известно, мало что сохранилось.

“НЕФ В БОЛЕЕ РАННЕМ СТИЛЕ”.—

АРЛЬ. [Список](#)

В целом предполагается, что галльские церкви были базиликанскими, при всей бедности более древнего стиля. Архитекторы Карла Великого, имея в виду Сан-Витале, придали небольшой импульс строительству отдаленной часовни в Экс-ла-Шапель, а Григорий Турский сообщает нам, что епископ Перпетуй построил “великолепную” церковь в Туре. Но его описание скудно. После нескольких математических деталей он возвращается к вещам, более близким его сердцу, — атмосфере святости Церкви, символическому сиянию света свечи, экстазу верующих, которые, казалось, “дышали райским воздухом”. А святой Григорий - это религиозный, некритичный дух своего времени, которого интересовали церковные учреждения, а не церковная архитектура. Церквей там было множество, но они не были архитектурными достижениями. Их строительство было подобно водружению флага; они были новыми форпостами, знаками продвижения Веры. При таком миссионерском духе в Церкви, при том, что священники все еще занимались обращением в христианство, а монахи обосновывались в своих владениях, при очень общем невежестве в искусстве, при

всепоглощающем интересе сильных мира сего к военным действиям и очень серьезной борьбе бедных за существование, у архитектуры до X века было мало учеников или защитников. У Франции не было ни достаточного политического мира, ни церковного богатства для создания сложных церковных структур. Ни у одного главы Церкви или государства не было достаточно вкуса и времени, чтобы начать такие работы.

Многие причины объединились, чтобы разрушить такие церкви, которые тогда существовали. Если они и избежали разрушений и пожаров во время осады, то часто были уничтожены молнией или пришли в упадок с годами; а некоторые из фрагментов, сохранившихся до XIII века, были снесены, чтобы освободить место для более красивых зданий.

Именно в XI и XII веках началось строительство великих соборов как на Севере, так и на Юге. Это были годы, когда религия была доминирующей идеей западного мира, когда все, даже военные действия, было поставлено ей на службу. Вместо того, чтобы опустошать свою собственную страну и страну соседей, христианские армии опустошали Святую Землю; делая с неверным во имя своей религии то, что он во имя своей ранее сделал с ними. Взятие Иерусалима триумфально завершило Первый крестовый поход; Церковь повсюду одерживала победы, а Папа фактически был самым могущественным монархом земли. Это были дни, когда крик Петра Отшельника “такова воля Божья” пробудил мир и побудил его к самым разнообразным свершениям.

Одной из форм этой деятельности было строительство церквей; но для общего великолепия усилий были и другие причины, помимо религии. Среди них была общинная гордость, интересный, полузабытый мотив многого из того, что было замечательным в средневековом строительстве.

Средневековые старых авторов кажется бесконечным театрализованным представлением, в котором бесконечно великолепные армии “маршируют в гору, а затем снова маршируют вниз”; в более поздних историях это исчезло в длительной борьбе одного класса с другим; и ни в том, ни в другом мы не доходим до личности и не видим повседневной жизни людей, составляющих хребет нации. И все же это те люди, которых мы должны знать, если хотим иметь правильное представление о месте собора в жизни средневековья. Ибо Епископская церковь была во всех смыслах популярной церковью. Аббатство было построено в первую очередь для своих монахов, а аббатская церковь - для их медитации и богослужения. Французский собор принадлежал народу, он был построен на их деньги, а не на деньги из казны аббатства. Он не стоял, как Английский собор, величественно и обособленно, в уединении; он находился на открытой площади города; вокруг него проводились рынки и ярмарки; двери в его спокойствие и покой открывались прямо перед самой оживленной повседневной суетой. Это не просто архитектурная реликвия, поскольку ее строительство никогда не было простым архитектурным подвигом. Это символ прошедшего этапа жизни, величественная часть картины, которая возникает перед нашим мысленным взором, когда мы размышляем о средневековье.

“НЕФ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО СТИЛЯ”. —РОДЕЗ.

[\[К списку\]](#)

Такая картина города другой страны и позднего средневековья присутствует в драме Рихарда Вагнера "Мейстерзингеры"; а его Нюрнберг XVI века с изменениями местного колорита является прообразом всех средневековых городов. Обычные путешествия были неизвестны. Активность на больших дорогах проявлялась в маршировании армий, бродяжничестве мародеров, путешествиях предприимчивых торговцев или хорошо вооруженных рыцарей. Ночью небезопасны были не только дороги, но даже улицы; и после захода солнца тот, кто днем разгуливал свободно и беспечно, оставался дома или выходил на улицу с большой осторожностью. Когда армии стояли лагерем у ее стен, город, несомненно, был сильно занят внешними событиями. Но когда лагерь распался и война была далеко, ее сапожник мастерил свою обувь, ее ювелир - изящные цепочки и безделушки, ее торговцы торговали на рыночной площади. Их интересовали уличные драки, романы, новые "привилегии", работа или праздник дня — словом, городские темы. И все же, будучи такими же людьми, бюргеры также были пробуждены энергией эпохи, и вместо того,

чтобы растрачивать ее на приключения и войны, их интерес принял форму сильной местной гордости, узкой, но с элементами величия, редко эгоистичной, но гражданской.

Это отсутствие личного элемента нигде не проиллюстрировано лучше, чем в строительстве собора. Обо всех действительно великих людях, которые проектировали соборы Франции, почти ничего не известно; и при поиске мало что можно выяснить. Кто может назвать точную дату, не говоря уже о живом факте, касающемся жизни того Жерве, который задумал великую готическую высоту Нарбонны? Кто может назвать хотя бы имя того, кто спроектировал мрачные зубчатые стены Агде, или того великого человека, который впервые увидел в поэтическом видении изящный хор Сен-Назера в Каркассоне? У художников хорошо сохранилась индивидуальность, у строителей соборов — нет. Роберт из Лузарша, задумавший “Парфенон всей готической архитектуры”, и человек, спроектировавший величественный Сенс и богатство Кентербери, нам так же неизвестны, как каменоломни, из которых добывались камни для их соборов. Это не собор, построенный Робертом из Лузарша, принадлежащий Амьену, так как это Успенский собор Рубенса, принадлежащий Антверпену. Вряд ли это собор его покровителя, святого Фирмина. Это кафедральный собор Амьена.

“НЕЖНЫЙ ХОР СЕН-НАЗЕРА”.—КАРКАССОН. [\[К списку\]](#)

Мы слышим много ученых рассуждений об упадке искусства церковного строительства. Нехватка времени в наш стремительный век, недостаток терпения, упадок религиозного рвения или изменение веры - вот некоторые из популярных причин этого архитектурного вырождения. Как ни странно, ни одно из них не оказало такого мощного влияния, как изобретение книгопечатания. Первый печатный станок был изготовлен в середине XV века, после зачатия великих соборов. В более раннюю эпоху, когда величайшие не умели ни читать, ни писать, а рукописи даже в монастырях были редкостью, скульптура и резьба по дереву были книгами мирян, а соборы были не только местами поклонения, они были народными религиозными библиотеками, где литература высекалась из камня.

На Севере самой уникальной формой этой литературы была драма “Бретонская Голгофа”, в которой изображался один—единственный сюжет - "Жизнь и страсти Христовы", взятые из Пророчеств, Преданий и Евангелий. Соборы, как Северные, так и Южные, использовали повествовательную форму. Они рассказывали историю за историей; и их создатели

продемонстрировали глубокое знание библейских преданий, которое сделало бы честь самому прилежному студенту-богослову. В Ниме, церкви, отнюдь не самой богатой резьбой, помимо Страшного суда и воздаяния Злым и праведным, о которых должен знать даже поверхностный христианин, есть множество историй из Книги Бытия. В Арле есть Сон Иакова, Сон Иосифа, Благовещение, Рождество Христово, Очищение, Избиение Невинных, Бегство в Египет; почти Библия в камне. В наши дни книг и спешки мало кто взял бы на себя труд изучать такие скульптурные сказки. Но их значение для неграмотных людей Средневековья трудно переоценить, и стимул к великолепию художественной концепции был соответственно велик.

Основная эпоха строительства соборов одинакова по всей Франции. Но с общей датой все произвольные параллели между Севером и Югом резко обрываются. Север начал эволюцию готики, новой формы, укоренившейся на его почве; Юг продолжил романский стиль, ее эволюцию пересаженного стиля, и долгое время не знал другого. Она привыкла отдавать на север, а не получать; и это было во времена правления Людовика Святого, прежде чем она начала усваивать архитектурные идеи острова Франс и строить в готическом стиле, именно восхищение новыми идеалами побудило строителей Юга изменить те из своих планов, которые еще не были осуществлены, и попытаться с помощью этих иностранных и красивых пристроек придать своим церквям самую совершенную форму, которую они только могли себе представить.

И так из паутины Судьбы, в которой, как и во всех судьбах, переплетается множество нитей, возникли Соборы и Монастыри Юга. Превосходят ли они Северян? Уступают ли они им? Лучше всего сказать: "Сравнение бесполезно". Кто сделает выбор между елями и оливами— между прекрасным порядком северного леса и странной, поразительной роскошью южных зарослей? Что лучше — хорошо рассказанная история о соборах Севера с процессией царственных гостей или почти нерассказанная история соборов Юга, где история все еще остается легендой, традицией, романтикой - историей фанатичного рвения и еще более фанатичной ненависти?

“ЮЖНЫЙ МОНАСТЫРЬ”.

—ЭЛНЕ. [\[К списку\]](#)

II.

АРХИТЕКТУРА ПРОВАНСА, ЛАНГЕДОКА И ГАСКОНИ.

Наверх

Нельзя найти лучшего места, чем средиземноморские провинции, чтобы рассмотреть истоки самого раннего южного стиля. Здесь романские соборы возникли посреди обширных руин имперской древности, здесь они приобрели странное сходство с иностранными

стилями, купола наводят на мысль о Востоке, греческие мотивы напоминают Византию, а детали напоминают Сирию. И вот поле битвы для той великой армии, которая осуждает или защищает римское влияние. Одни хотят заставить нас поверить, что романский купол привезен с Востока; другие - что он натурализован; третьи - что он местный. План романского купола сильно отличается от византийского, но общая концепция кажется восточной. Если это возможно для восточного сознания, то почему не для западного? И все же, несмотря на некоторые местные особенности структуры, почему бы не заимствовать общую идею? Кто должен решать? В такой книге, как эта, не могут обсуждаться спорные вопросы, которые включают в себя такое множество деталей и такие недоказуемые аргументы.

Однако неразумно сомневаться в том, что римское влияние доминировало на Юге, который сам по себе является продуктом римской цивилизации; и как в любопытной неискоренимой склонности Юга к ереси мы более чем подозреваем тонкое проникновение греческих и восточных извращений, так и в архитектуре логично предположить, что средиземноморские торговцы, крестоносцы и, возможно, предприимчивые архитекторы, которые, возможно, путешествовали по их следам, приносили слухи о зданиях Востока, которые были заимствованы с оригинальными или необходимыми изменениями. Виоле-ле-Дюк, подводя итог этому широко обсуждаемому вопросу, написал, что “в романском искусстве Запада, бок о бок с устойчивыми латинскими традициями, почти всегда обнаруживается византийское влияние, о чем свидетельствует появление купола”. При прискорбном отсутствии записей о большинстве соборов рассуждения о происхождении должны быть индуктивными и более или менее образными и не иметь законного места в рамках книги, целью которой является описание существующих условий и проверенной истории Южных соборов.

“РОМАНСКИЙ ПРОХОД”.—АРЛЬ. [\[К](#)

[списку\]](#)

Кихера, которому есть что сказать на архитектурные темы, определяет романский стиль как искусство, “которое перестало быть римским, хотя в нем есть многое от римского, и которое еще не готическое, хотя оно уже предвосхищает готику”. Это не очень полезная интерпретация. Романский стиль, в том виде, в каком он существует во Франции сегодня, как правило, более ранней постройки, чем готический; это более старый и гораздо более простой стиль. Это был не быстрый, блестящий всплеск, подобный готике, а долгая и медленная эволюция; и поэтому в нем есть обдуманность и достоинство, а не спонтанность северных творений; сила и временами большая энергичность, но не щедрость, не расточительность искусства, богатства и украшений, которыми был расточителен более молодой стиль. Немногие обобщения безупречны, но можно с уверенностью сказать, что романским соборам не хватает великолепия; и в подавляющем большинстве случаев обнаружится, что им также не хватает внушительности огромных размеров; что они почти лишены изящных окон или витражей, примечательной резьбы или богатства декоративных

деталей. Их искусство — простое искусство, трезвое искусство, и в его ближайшем приближении к роскоши - в скульптурных порталах Сен-Трофима Арльского или Сен-Жиль-де—Лангедока - все еще присутствует сдержанность, а не буйная и бесконтрольная демонстрация богатства.

“СКУЛЬПТУРНЫЕ ПОРТАЛЫ СЕН-ТРОФИМА”.—АРЛЬ. [\[К списку\]](#)

По какому простому, поверхностному признаку может быть распознана эта архитектура теми, кому предстоит увидеть ее впервые? Он существует “везде и всегда” на юге Франции; но бок о бок с вторжениями и дополнениями других стилей, как его можно легко отличить? Кихерат пишет, что главной характеристикой романского стиля является “la voûte”, а большой округлый туннель крыши - это отличие, которое не встретишь ни в какой другой форме. Но самое простое из поверхностных различий - это форма арки, которая в портале, окне, своде или тимпане круглая; где бы ни использовалась аркадная форма, — всегда круглая. Благодаря этому предложению очертаний и универсальным принципам стиля, простоте и достоинству, а также отсутствию крупных украшений, путешественник, не знакомый с техникой, может отличить романский стиль Юга, и если он сродни путешественнику, рассказывающему истории об этих соборах, интерес и очарование, которые пробуждает старая архитектура, приведут его к тому, что он сам обнаружит множество различий, которые очевидны между аскетической силой одного и великолепием и блистательностью другого.

“ГОТИЧЕСКИЙ ПРОХОД”.

—МЕНДЕ. [\[К списку\]](#)

Прованс.

[Наверх](#)

Три провинции, составляющие Юг Франции, - это Прованс, Лангедок и Гасконь, и из них Прованс в архитектурном и историческом плане является первой, привлекающей наше внимание. В эпоху колонизации он был наиболее тщательно романизирован, а в первые века христианства первым полностью подчинился систематической организации Церкви. Здесь находится большая группа очень старых соборов, и это лучшая учебная площадка для общего изучения и оценки того стиля, который строители Юга ассимилировали и развивали до тех пор, пока, так сказать, они не натурализовали его и не сделали одной из двух величайших форм архитектурного самовыражения. В Провансе нет самых впечатляющих образцов романского стиля. Два аббатства на крайнем Нормандском Севере являются более законченными и гармоничными образцами искусства, а Лангедок в базилике Сен-Сернен в

Тулузе имеет более благородный интерьер, чем любое другое в Миди, и многие другие церкви Лангедока и Гаскони являются наиболее интересными примерами стиля, который принадлежал им так же, как и Провансу.

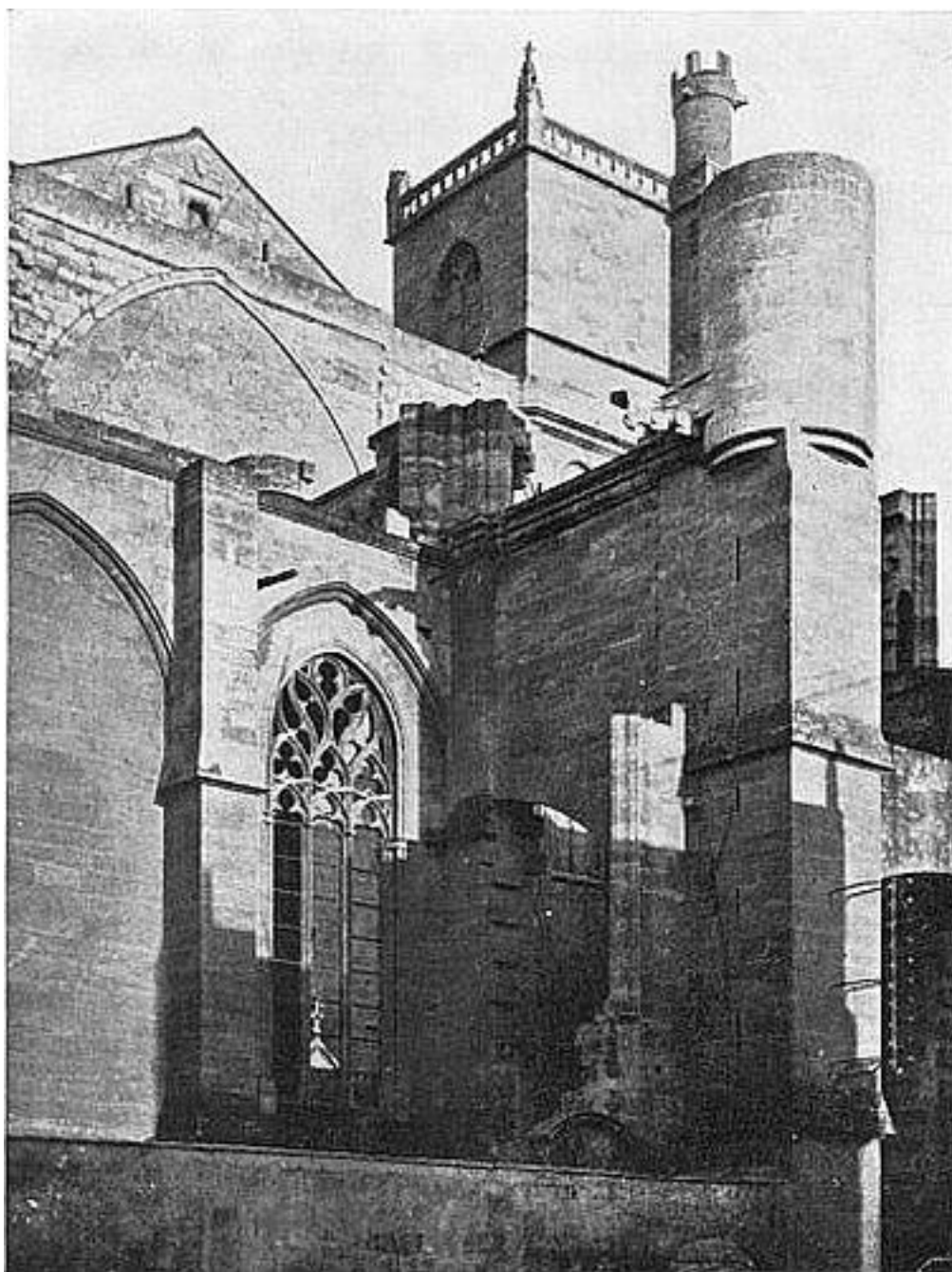
Однако именно в этой провинции романский язык изучается лучше всего. Ибо здесь великая междоусобная борьба — как политическая, так и религиозная - Средневековья не была такой разрушительной, как в Лангедоке и Гаскони; Прованс был солнечной страной, где Сонеты процветали пышнее, чем Святая инквизиция. Таким образом, ее церкви сохранились в их первоначальном виде в большем количестве, чем в двух других провинциях. Они представляют все типы романского стиля, все стадии его развития, от маленьких и простых соборов, которые были построены, когда церковная казна не была переполнена, до более крупных, которые иллюстрируют очень продвинутые и достойные этапы архитектурного развития; и в целом они демонстрируют нормальную пропорцию неудач и успехов в стремлении к идеалу.

Лангедок.

Наверх

Леон Ренье, ученый преподаватель Коллеж де Франс, говорит: “Примечательно, что изменения, доработки, модификации архитектуры, подаренные Римом всем странам, находящимся под его властью, были задуманы в провинциях задолго до того, как они были воспроизведены в Италии. Рим больше не давал; он получал ... переливание новой крови, более живой и насыщенной”. В Лангедоке было разрушено большее количество памятников этой древней архитектуры; а те, что выросли из них, более поздние романские, подвергались такому многократному изуродованию, что соборы этой провинции представляют собой еще большую путаницу оригиналов, реставраций и дополнений, чем соборы Прованса. К множеству дат должны быть добавлены соответствующие различия в стиле. Каждая архитектурная школа, естественно, считала, что она обладает своего рода монополией на хороший вкус и красоту или, по крайней мере, что это улучшение предшествующей манеры; и было бы слишком ожидать, что в эпоху, когда анахронизмы не признавались, церкви должны были быть восстановлены в их созвучном первоначальном стиле. Архитекторы готического периода не смогли устоять перед соблазном продолжить романский неф хором собственной школы, а строители XVIII века пошли еще дальше и добавили к скромному романскому собору эффектный фасад в стиле Людовика XV. Некоторые церкви, построенные во времена религиозных бурь и стрессов, свидетельствуют об озабоченности их покровителей или отсутствии таланта у их строителей; другие принадлежат епископствам, которые были созданы гораздо позже, чем епархии Прованса, и в этих случаях новый прелат выбирал церковь, уже начатую или достроенную, и шел на компромисс с требованиями епископской помпезности путем пристройки, обычно в другом стиле. Многочисленные изменения, политические и религиозные, в средневековье Лангедока, оказали такое значительное и разнообразное влияние на архитектуру провинции, что невозможно, как в Провансе, проследить непрерывную эволюцию одного стиля. Лангедокец, как правило, более поздний строитель, чем провансалец; он смелее. Имея в качестве выбора романский и готический стили, он выбирал по своему желанию и, казалось бы, наугад. Ему были присущи спонтанность, энтузиазм, задор; и когда ни одна принятая модель не пришлась ему по вкусу, он воссоздал ее по своему вкусу. Таким образом, Лангедок обладает восхитительными качествами, которых не хватает Провансу; и в его величественных соборах часто присутствует оригинальность, которая обусловлена скорее гениальностью, чем эксцентричностью. В Каркассоне есть нежная готика, в Нарбонне - возвышенная готика, Сент-Сесиль Альби - это укрепленная готика, построенная из кирпича. Интерьер Сен-

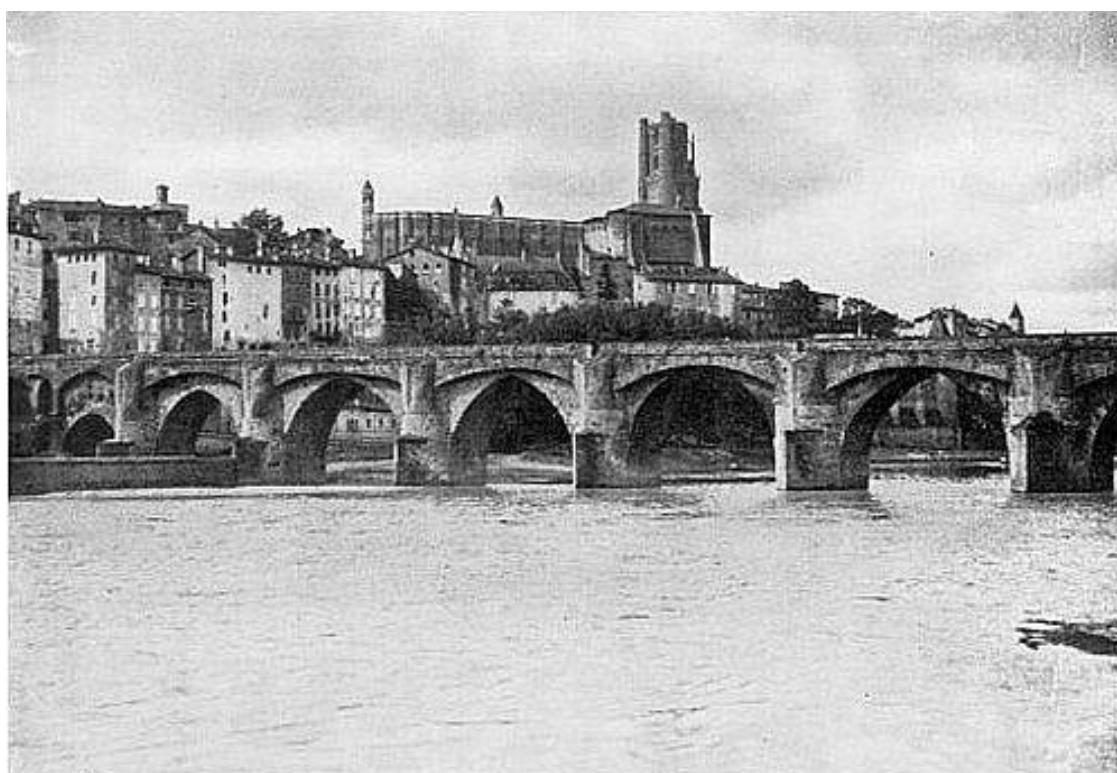
Сернена в Тулузе является апофеозом строгого романского стиля, а Сент-Этьенн в Агде - приятным прообразом Приморской церкви Миди.

“СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РАЗЛИЧИЯ В СТИЛЕ”.—КАРКАССОН. [\[К списку\]](#)

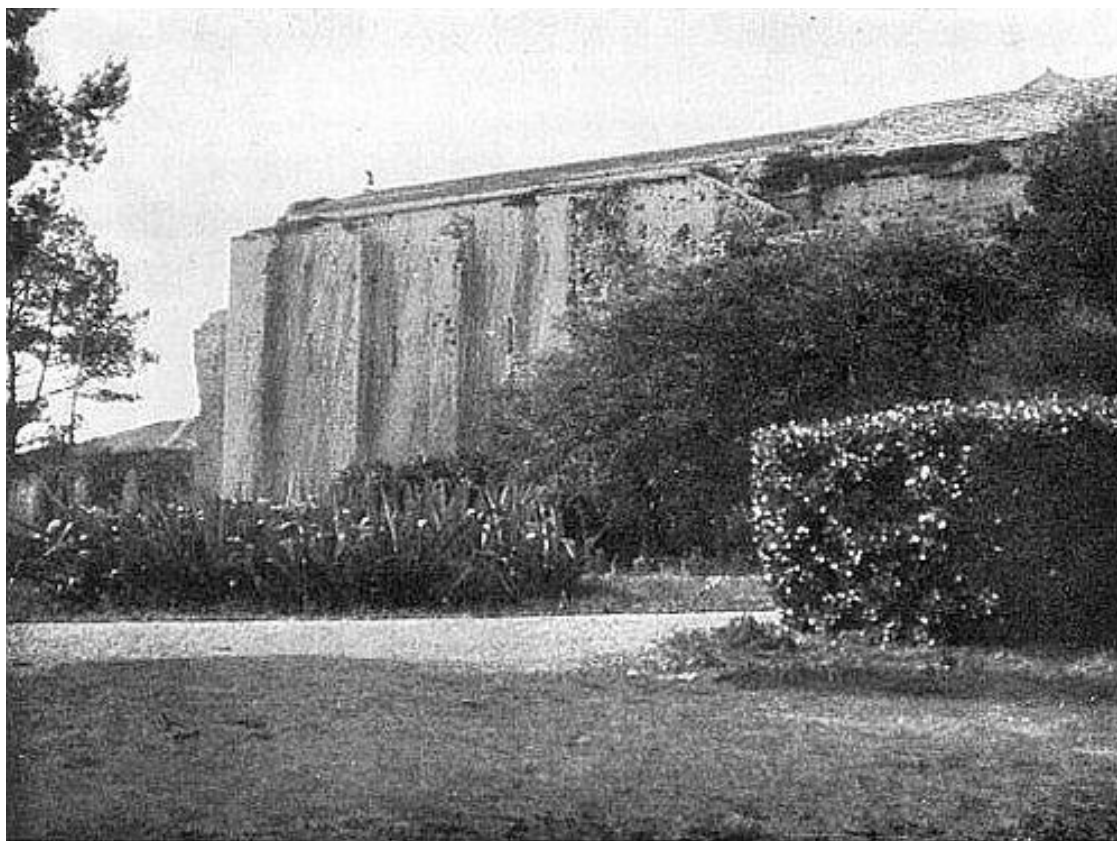
Этот морской собор является достойным примером особого типа архитектуры, который существует также в Провансе, — череды церквей-крепостей, которые простираются вдоль Средиземного моря от Испании до Италии подобно вершинам горной цепи. Ничто не может лучше проиллюстрировать непрерывные войны и набеги на Юге Франции, чем эти странные церкви и их многочисленные укрепленные аналоги внутри страны, как в Лангедоке, так и в Гаскони. Замков и окруженных стенами городов было недостаточно, чтобы защитить южанина от вторжений; его церкви и соборы даже до XIV века были цитаделями, более подходящими для воинов, чем для священников, и, по-видимому, посвященными какому-то богу войны, а не кроткой Деве Матери и Святым-мученикам, под защитой которых они номинально обитали.

Хотя военная церковь внутренних районов и является самой интересной, она редко бывает епископской церковью. Напротив, морская церковь почти всегда является кафедральным собором со странно любопытными легендами и эпизодами. Французское побережье Средиземного моря было ареной непрерывных грабежей. Гунны, норманны, мавры, сарацины, неизвестные пираты и вольные сапожники всех национальностей сочли очень прибыльным и удобным напасть на прибрежный город и сбежать так же легко, как и пришли, на своих лодках, нагруженных добычей. “Еще в XII веке, ” пишет Барр Ферри, - пираты зарабатывали на жизнь, охотясь на мирных и безобидных жителей деревень и городов. Соборы, как самые важные здания и наиболее бросающиеся в глаза, были сильно укреплены, как для защиты их содержимого, так и для того, чтобы служить оплотами для горожан в случае необходимости. Таким образом, в этих церквях архитектура приняла свою наиболее утилитарную форму, и здания представляют собой настоящие укрепления с зубчатыми стенами, прочными и тяжелыми башнями и маленькими окнами, а также снабжены другими элементами романской архитектуры чисто военного типа ”.

“УКРЕПЛЕННАЯ ГОТИКА, ПОСТРОЕННАЯ ИЗ КИРПИЧА”.—АЛЬБИ. [\[К списку\]](#)

Время с трудом справилось с ними. Королевская власть, укрепившаяся в Париже, развивалась с острова Франс. Богатство, которое когда-то обогащало плодородные земли Юга, переместилось на север, и крупные торговые города Севера стали важнейшими центрами деятельности. Затем южные города начали приходить в упадок”, и здания, которые сохранились, чтобы наиболее точно представлять “Церковь-крепость”, - это не те, что в Провансе, которые “залатаны” и “отреставрированы”, а те, что в Лангедоке, Агде, Магуэлоне и Эльне из соседней страны Руссильон.

“ЦЕРКОВНАЯ КРЕПОСТЬ”.—МАГУЭЛОНН. [\[Перечислить\]](#)

Гасконь.

[Наверх](#)

Гасконь, последняя из южных провинций и самая удаленная от Рима, процветала под властью Империи. Туда эмигрировало много патрициев, были построены дороги, процветала торговля, и, как в Провансе и Лангедоке, города превратились в большие и хорошо зарекомендовавшие себя города. Христианство сравнительно рано завоевало провинцию; и в начале IV века при архиепископстве Оз было создано одиннадцать суффраганских епископств. В Гаскони много старых кафедральных городов, и в ней было много древних соборов; но после падения Римской империи в V веке началась серия войн, которые уничтожили не только христианскую архитектуру, но и почти все следы римского богатства и культуры. Сохранились небольшие башни, предполагаемые святилища Меркурия, покровителя торговли и путешествий; найдены фрагменты статуй; но Храмы, Амфитеатры, Форумы исчезли, и еще более бесследно исчезли грубые христианские церкви того раннего периода.

Хотя провинция не имеет побережья Средиземного моря и не могла подвергнуться нападению мародеров с этого бурного моря, она лежала непосредственно на пути следования армий между Францией и Испанией; и не будет “гасконадой” сказать, что на протяжении веков она была одним из величайших полей сражений Юга. Вандалы, вестготы, франки, сарацины, норманны, гасконцы против карловингов, Север против Юга — все они жгли, совершали набеги и разрушали Гасконь до XI века. Поэтому неудивительно, что здесь найдено меньше следов древности, чем в Провансе и Лангедоке. Даже те немногие названия разрушенных городов, которые уцелели, обозначали города на новых местах. Оз, ранее находившийся на реке Гелиз, долгое время лежал в руинах и, наконец, был отстроен заново в километре от берега. Лектур и Ош уже давно ушли с берегов реки Джерс и укрылись

на холмах, где находились в настоящее время, в то время как другие города пришли в полное запустение.

“ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ГОТИЧЕСКОЕ ВЕЛИКОЛЕПИЕ”.—ПРЕЗЕРВАТИВ. [\[Перечислить\]](#)

1000 год, последовавший за этими событиями, был годом предсказанного и ожидаемого конца света. Экстравагантность христиан того времени хорошо известна: пожертвования всего имущества Церкви, отказ от мирских занятий, страхи многих, тревога самых спокойных, эмоциональные эксцессы, которые заставляли людей жить на деревьях, чтобы они могли быть ближе к небесам, когда зазвучит “великая труба” — “Mundi fine arripinquante”. Но труба не зазвучала, и Рауль Глабер, монах XI века, пишет, что по всей Италии и Галлии его времени была большая спешка в восстановлении и перестройке церквей, общее соперничество между городами и между странами по поводу того, кто мог строить лучше всего. “Эта деятельность,” говорит Кишерат, - может свидетельствовать о желании возобновить союз с Творцом”. Это, безусловно, доказывает, что у поколения 1000-го года были свежие архитектурные идеи.

Для Гаскони это был период восстановления сил и перестройки. Монахи VIII, IX и X веков с усердием и успехом посвятили себя возделыванию почвы. Они приобрели плодородные поля и, желая мира, поставили себя в положение, когда их сила защитит их, когда их святое призвание не будет уважаться. Эти монастыри были местами убежища и вскоре дали свое название и свою защиту городам и деревням, которые начали группироваться вокруг них. За исключением приходящих в упадок поселений времен римской империи, в Гаскони в X веке было мало городов; и многие из ее самых важных городов современности обязаны своим основанием, своим существованием и своим процветанием этим бенедиктинским монастырям. Оз вновь обрел свою жизнь после основания монастыря, и в XI, XII и XIII веках настоятели Сито, епископы и даже лорды-миряне занялись созданием новых городов. Многие города средневекового периода обладали широкими муниципальными и

коммерческими привилегиями, они приобрели значение “коммун” и епископств, а некоторые даже называли себя “Республиками”.

Хотя это были времена большого переустройства, реставрации и осуществления старых планов церковной архитектуры, XI и XII века, тем не менее, были наполнены бесчисленными частными войнами, а в 1167 году началась кровавая и упорная борьба с Англией. В городе Эйр в свое время проживало всего двенадцать человек, и ужасы средневековой осады повторялись не раз. В этих войнах соборы, так же как города и их жители, были покрыты шрамами и ранами. Едва эти разногласия закончились в 1494 году, как при Карле IX начались Религиозные войны, и Гасконь снова стала одним из самых ужасных полей сражений. Здесь демонический энтузиазм обеих сторон превзошел даже ужасные проявления Лангедока. Королевская семья Наварры была открытой протестанткой и внесла больше, чем кто-либо другой, в военные организации своей Веры. Жанна д'Альбре в 1566 году, желая отплатить нетерпимостью на нетерпимость, запретила религиозные процессии и церковные похороны в Наварре. Народ восстал, и на следующий год королева была вынуждена даровать терпимость обеим религиям. Позже король Франции выступил в поход и послал армию против беарнских гугенотов, Жанна в отместку призвала себе на помощь Монморанси; и с основательностью, порожденной благочестивым рвением и ненавистью, каждая армия начала жечь и убивать. Все монастыри, все церкви были разграблены протестантами; все города, взятые Монлюком, главой католиков, были разграблены. Тарб был опустошен одним, Рабестан - другим, а Памьерский собор был разрушен. С резней Святого Варфоломея в 1572 году борьба началась снова, и Лига расцвела во всем своем пагубном энтузиазме. “Такого беспорядка, который был введен, ” говорит писатель того периода, “ такого мародерства не было никогда с тех пор, как началась война. Офицеры, солдаты, последователи и добровольцы были настолько перегружены добычей, что испытывали при этом неудобства. И после этого разбоя окрестные крестьяне [Бигорре] бросили свои фермы из-за нехватки скота, и большее их количество уехало в Испанию”.

В течение долгих веков такого религиозного и политического опустошения архитектурная энергия Гаскони тратилась на замену церквей, которые были разрушены и снова подлежали разрушению или повреждению. Было бы несправедливо ожидать от этой провинции великого великолепия, которым, по мнению ее храбрых, жизнерадостных и экстравагантных маленьких жителей, она “когда-то обладала”, или ожидать среди такого беспорядка спокойного роста какого-либо архитектурного стиля. В этой стране мало соборов, причудливых церквей, построенных для войны и молитв, и таких случайных вспышек великолепия, какие можно увидеть в романском портале Сен-Пьера Муассакского и в величественном готическом великолепии соборов в Кондоме и в Байонне. Это страна, где соборы окружены прекраснейшими пейзажами, и где с каждым из них связана какая-нибудь легенда или предание об англичанах, Лиге, о Черном принце или о Львином сердце, о Генрихе IV, которого по-прежнему обожают, или о Симоне де Монфоре, которого по-прежнему ненавидят, где города по-настоящему исторические, а горы по-настоящему величественные.

Прованс.

Я.

[Наверх](#)

МОРСКИЕ СОБОРЫ.

Марсель.

Возможно, финикийское поселение, несомненно, карфагенский рынок, позже греческий город, а в последние годы языческой эры, захваченной римлянами, ни один город Франции не испытал более разнообразного влияния античной цивилизации, чем Марсель, ни один не отреагировал с большей гордостью на свои древние возможности; и он был не только коммерчески богат и знаменит, но и настолько богат школами, что его называли “другими, новыми Афинами”. Это также был порт предприимчивого народа, который основал Ниццу, Антибы, ла-Сьота и Агду и исследовал часть Африки и Северной Европы; а после падения Римской империи он стал, благодаря своим богатствам и безопасной гавани, предметом зависти и добычей череды варварских и “неверных” захватчиков. В Средние века здесь были все превратности войн и осад, которым мог подвергнуться великий город. У него был виконт, а с самого начала - епископ; когда-то он был частью королевства Арль, а позже признал сюзеренитет графов Прованса. Когда эти лорды воевали или вели крестовый поход, она воспользовалась их отсутствием или их проблемами и управляла сама через своих консулов; стала Провансальской республикой по типу итальянских городов и других местечек Средиземноморья; с итальянскими республиками обращались на условиях совершенного равенства; и хотя в конце концов ее присоединил к Франции коварный Людовик из династии Мадонн, ее народ постоянно преследовали воспоминания о своей былой независимости, и он не только боролся за муниципальные права и свободы, но и принимал сторону за или против самых могущественных монархов континентальной истории, как если бы они были колонией. изобретательная страна, а не город. Он помог Лиге, бросил вызов Генриху IV и Ришелье; и обращаясь с королями, попавшими в беду, так же бесцеремонно, как с приходящими в упадок графами, Марсель попытался после смерти Генриха III отделиться от Франции и восстановить свою автономию при консуле Шарле де Казо. Быстро потерпевший поражение, он все еще продолжал мыслить независимо и бороться, насколько это было в его силах, за свободу управления; и хотя со времен Помпея до Людовика XIV у него была неискоренимая склонность выступать против правительства, он пережил результаты всех своих раздоров, эпидемий, войн и осад, а также разрушительность своей фазы Революции, когда у него был свой собственный Ужас. Несмотря на современных конкурентов в Средиземноморье, Марсель сегодня является одним из крупнейших и наиболее процветающих французских городов. Построенный амфитеатром вокруг залива, он красив общим видом, на его улицах кипит коммерческая деятельность, а обширные доки кишат рабочими. Штормы прошлого обрушились на Марсель, как природные штормы на его море, были такими же страстными и оставили так же мало следов. Вместо храмов, Форума и Арены здесь находятся Дворец Лоншан, Дворец правосудия и Христианская триумфальная арка. Вместо грязных и нездоровых средневековых переулков здесь широкие улицы и бульвары, и, несмотря на свою древность, Марсель - современный город с точки зрения памятников, внешнего вида, духа и даже классовых различий. “Здесь, - пишет Эдмон, - есть только две категории людей: те, кто сколотил состояние, и те, кто пытается его сколотить, и основные жители - парвеню в самом почетном смысле этого слова”.

Entrevaux.

Люди собираются вокруг почтовой кареты, которая делает свою ежедневную остановку перед подъемным мостом. [\[К списку\]](#)

“Марсельский собор в самом почетном смысле этого слова” также типичен для города “парвеню”. Его первый камень был заложен принцем Луи Наполеоном в 1852 году, и поскольку модерн перерос классическое и средневековое величие Марселя, так и новый “Мажор” затмил, если еще не заменил полностью, старый собор; и за исключением строгой церкви аббатства Сен-Виктор, почти единственной реликвии истинного средневекового величия, это самая прекрасная церковь города.

“НОВЫЙ СОБОР”.—МАРСЕЛЬ. [\[Перечислить\]](#)

Новый собор и старый стоят бок о бок; один крепкий и цельный, другой частично разрушен, покрыт шрамами и искалечен, как ветеран, переживший множество войн. Даже в руинах это интересный тип приморской провансальской церкви, но ее преемник так прискорбно омрачил ее, что очарование ее обстановки совершенно утрачено, и мало кто задержится, чтобы изучить ее три маленьких нефа, стертую фреску на куполе или даже маленькую часовню Сен-Лазар, сплошь из белого мрамора, резьбы и маленьких статуй, едва ли больше неглубокой ниши в стене, но изящных пропорций и очаровательное творение эпохи Возрождения. Еще меньше тех, кто остановится, чтобы изучить то, что осталось от старого “Мажора”, останутся, чтобы восстановить его таким, каким он был раньше, и поймут, что у него был день славы не менее реальный, чем у новой церкви, которая придет ему на смену. Вместо него церкви Святого Мартина и Святого Канны, иногда называемые “Проповедниками”, временно использовались для епископских служб. Но теперь, когда большая церковь, Успение Пресвятой Девы Марии, практически достроена, она раз и навсегда приобрела более высокий ранг, и Марсельский собор все еще стоит на ее террасе с прекрасным видом на море. Традиция гласит, что на этом месте когда-то стоял Храм Ваала, а позже - Храм Дианы; что Лазарь пришел в I веке, обратил марсельцев-язычников и построил здесь христианский собор. Более критичная традиция гласит, что святой Виктор впервые пришел сюда как миссионер, епископ и строитель. Все эти смутные воспоминания об обращении, более или менее точные, все легенды о смиренном и борющемся христианстве, кажутся похороненными этой огромной современной массой. Это не церковь, борющаяся и воинствующая, а Церковь Утвердившаяся и торжествующая. Это огромное здание длиной более четырехсот пятидесяти футов, которому предшествуют две куполообразные башни. Его трансепты увенчаны на пересечении огромным куполом, окружность которого составляет почти двести футов, по одному куполу поменьше над каждым плечом трансепта и другие над апсидальными часовнями. Снаружи церковь построена из чередующихся слоев

зеленого флорентийского камня и белого камня Фонтвий; стиль церкви, который по-разному называют французским романским, византийским и неовизантийским, в целом очень восточный.

Аркада между двумя башнями образует крыльцо - вход во внутренние помещения, центральный неф которых простирается на большое пространство. Боковые нефы, напротив, чрезвычайно узкие и имеют высокие галереи, поддерживаемые большими монолитными колоннами. Эти нефы переходят в амбулаторию, каждая из часовен которой, в соответствии с колоссальными пропорциями собора, по размерам не уступает многим церквям. Строительный камень в интерьере серый и розовый, с белым мрамором, используемым в декоративных целях для капителей и цоколей; и эти сочетания оттенков, которые могли бы показаться слишком нежными, слишком женственными для такого большого здания, делаются богатыми и эффектными благодаря самой их массе, гигантским размерам, которые предусмотрены планом. Все, что могла создать художественная концепция, было добавлено для завершения интерьера, который является полностью восточным по своей роскоши украшений, наполовину восточным по стилю и лишен того трезвого величия, которое является неотъемлемой характеристикой самых изысканных стилей, присущих западному христианству. Под позолоченным куполом находится богато украшенный балдахином Главный алтарь, а по всей церкви разбросано великолепие мозаик, настенных росписей и роскошных витражей. Мозаика украшает арки нефа и подвесные механизмы и образует настил; и посреди этого богатства красок одна за другой возвышаются серые колонны в длинной, тенистой перспективе, похожие на деревья величественной рощи.

При проектировании этого нового провансальского собора его архитекторы не пытались воспроизвести, ни точно, ни с большим совершенством, какой-либо морской тип, который могло бы предложить его положение на Средиземном море, и не были вдохновлены ни одной из моделей местного стиля; и, возможно, для придирчивого ума самым серьезным недостатком является то, что его здание разрушило не только фактическую часть старого Мажора, но и исторический интерес, который вполне мог быть сохранен разумной реставрацией или гармоничной перестройкой. И все же, благодаря большому дворцу архиепископа в Порт-де-ла-Жолиетт неподалеку, статуе преданного и любящего епископа на открытой площади и величественному собору Сент-Мари-Мажор само епископство Марселя обладает всеми внешними и видимыми признаками силы, славы и могущества.

Тулон.

Наверх

Тулон, хотя и был основан римлянами, своим сегодняшним положением обязан Генриху IV, Ришелье и занятому архитектору Людовика XIV Вобану. Это "Гибралтар Франции", яркий, шумный, современный город. Сент-Мари-Мажор, одно из его старейших церковных названий, - это название, которое принадлежало церквям как XI, так и XII веков; но из-за подвигов архитектурной гимнастики, которым подверглись их остатки, а также из-за войн и превратностей Прованса эти здания давно исчезли.

От сооружения XI века сохранилось несколько камней, лишенных формы или архитектурного значения, а древнее название Сент-Мари-Мажор теперь защищает собор, построенный в самом депрессивном стиле трудолюбивых мещан XVII и XVIII веков. Это не провансальская и не по-настоящему "морская" церковь, это не крепость, не защита и не произведение какой-либо архитектурной красоты. У него вопиющая наглость, размеры, претенциозность — изобилие богатых несоответствий; и хотя с религиозной точки зрения он интересен своими часовнями и святилищами, с архитектурной точки зрения он навязчивый и чудовищный.

Причуды архитекторов, начавших в 1634 году возводить нынешнее здание, хорошо проиллюстрированы изменениями плана, которым они подвергли эту несчастную церковь. Длина превратилась в ширину, изолированная часовня Пресвятой Богородицы стала частью главного здания; хор - еще одной часовней; а Главный алтарь был перенесен с восточного на северный конец, где для его приема был построен новый хор. Эта путаница в плане сопровождалась логической путаницей стиля и деталей. Фасад украшен коринфскими колоннами XVII века; неф, как говорят, выполнен в стиле “переходной готики”, хоры украшены настенными росписями, а Главный алтарь, работа Ревуаля, добавляет банальности XVII и XVIII веков яркое несоответствие, которым XIX век не имеет оснований гордиться. Весь интерьер настолько изобилует нефами неодинаковой длины и расходящимися приделами, арками разных форм, вкусов и стилей, что не поддается краткому описанию и недостоин серьезного рассмотрения. В Провансе есть скромные соборы небольшой архитектурной значимости, но, за исключением Сент-Репарат в Ницце, в нем нет ни одного столь хаотичного и обыденного сооружения, как Сент-Мари-Мажор в Тулоне.

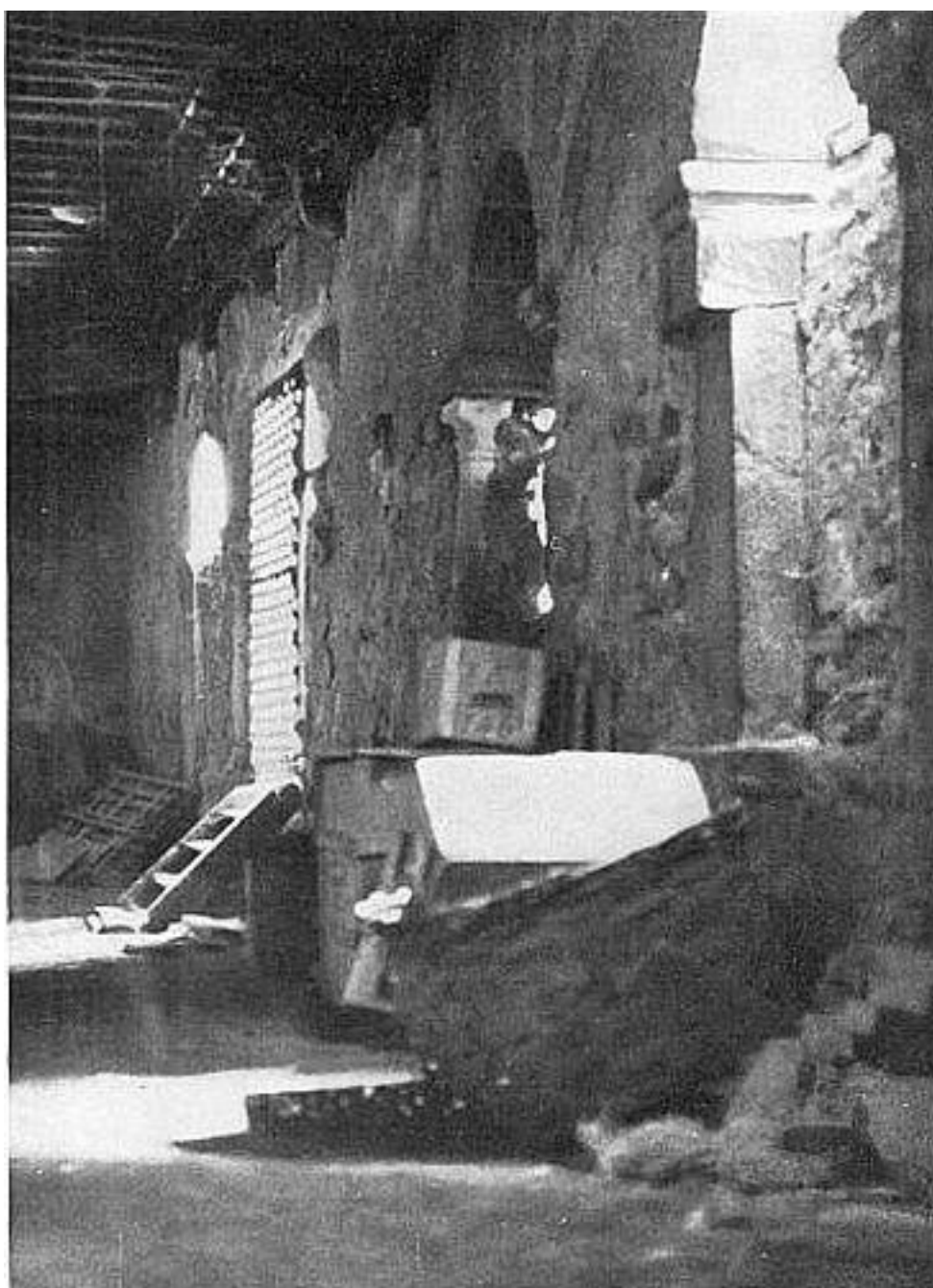
Fréjus.

Наверх

Фрежюс, который претендует на звание “старейшего города Франции”, был одним из многочисленных торговых портов Финикии, а позже, в период ее гражданского величия, арсеналом римского военно-морского флота. Ее самые интересные руины - Колизей, Театр, старая Цитадель и Акведук, свидетельствующие о действительно великом городе давно ушедшего прошлого. Фрежюс потерял престиж с упадком Империи, а после разрушения сарацинами в X веке Природа нанесла удар, который окончательно сокрушил ее, когда море отступило на милю, и от ее старого римского маяка остался лишь длинный участок бесплодной песчаной земли. Из-за этого заброшенного внутреннего положения она избежала как достоинства современного морского порта, так и проституции ривьерского курорта и представляет собой маленький мертвый городок, где находится древний провансальский “Морской собор”. Этот собор в значительной степени свободен от уродств XVII и XVIII веков; и жаль, что, избежав этого, неминуемой опасности для французской церкви, он должен был быть построен так, чтобы характер внешнего вида почти утратился. Фасад очень простой, это неинтересная реконструкция 1823 года, но резное дерево его порталов прекрасно. Башни, как и в других приморских соборах Прованса, напоминают об опасностях своих дней; и эти башни Фрежюса, хотя и являются практически оборонительными, имеют более церковный вид, чем башни Антиба, Грасса и Ванса. Над вестибюлем возвышается западная башня. Ее массивное прямоугольное основание является опорой надстройки, которая в XVI веке была заменена еще одной, соответствующей традиционным церковным моделям. Затем окна цоколя, округлые арки которых сохранились до сих пор, были замурованы; и новая восьмиугольная сцена с собственными высокими окнами была завершена шпилем, покрытым черепицей. Более интересной башней является та, что венчает апсиду. Это была смотровая площадка, обращенная к морю, действительно жизненно важная защита церкви. Его верхняя комната служила складом оружия и боеприпасов, а со стороны, обращенной к городу, была открытой, с широкой стрельчатой аркой. Вверху башня заканчивается зубчатыми стенами и представляет собой очень сильный и суровый фасад, обращенный к морю, возможно, не более сильный, но более художественный и мрачный, чем башни других провансальских соборов.

Вход в церковь удивительно сложен. Слева находится небольшой баптистерий; прямо перед одним из них узкая лестница, ведущая в монастырь; а справа - низкий сводчатый вестибюль,

выходящий в неф собора. Интерьер Сент-Этьена темный и несколько мрачноватый, но это неотъемлемая черта церкви-крепости, поскольку каждый дополнительный дюйм оконного проема таил в себе опасность. Неф необычайно низкий и широкий, а его подпорные опоры имеют огромный вес и заканчиваются простой лепной лентой. На этих огромных опорах покоятся поперечные своды крыши и широкие арки стены. Северный проход, непропорционально узкий, является более поздней пристройкой. За алтарем находится настоящая провансальская апсида, неглубокая и прямоугольная, а за ее округлой крышей открывается меньший полукупол. С архитектурной точки зрения это интересный интерьер; но путешественник, у которого нет времени на размышления, не сможет увидеть его в первоначальном виде: холодный, строго простой, тяжеловесный, с, возможно, слишком большим количеством арочных линий, но трезвый и простой. Бесплезная деревянная обшивка теперь окружает церковь и нарушает пространство стен, щедрые слои побелки скрывают строительный материал и, отнимая у церкви суровость камня, придают ей вид убогой уничижительной голости.

“ОСКВЕРНЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО МОНАСТЫРЯ”. — ФРЕЖЮС. [\[К списку\]](#)

Рядом со входом в собор находится его самая древняя часть - баптистерий, ранее стоявший отдельно, но теперь ставший неотъемлемой частью самой церкви. Это, пожалуй, самый интересный христианский памятник во Фрежюсе, напоминание о тех ранних веках, когда во Франции, как и в Италии, маленький баптистерий был популярной формой выражения христианской архитектуры. Здесь он имеет самую обычную восьмиугольную форму; арки поддерживаются сероватыми колоннами из гранита с капителями из белого мрамора, а в центре стоит купель. Между колоннами расположены небольшие углубления, попеременно прямоугольные и полукупольные, а над всем этим - современный купол и фонарь. Интересный по конструкции и напоминающий величественный баптистерий в Эксе, эффект этого небольшого помещения, как и интерьера церкви, испорчен побелкой, от старательных кистей которой не уцелело ничего, кроме сероватых колонн. И здесь путешественник, который хочет увидеть работу строителей, свободную от искажений времени, должен остановиться и представить.

Однако даже воображение кажется бессильным перед осквернением маленькой Обители. Очаровательно, должно быть, было побывать на его тихих дорожках с их стройными колоннами из белого мрамора, увидеть причудливый старый колодец в маленьком, залитом солнцем уголке. Теперь между тонкими колоннами были установлены доски, закрывающие свет и солнце. Путешественник сел на старую тачку, ожидая, пока сможет видеть в тусклом и туманном свете. Повсюду вокруг него было забвение священного назначения Монастыря; признаки осквернения и запущенности. Один конец монастырской аллеи был проезжей частью, по которой тачанка проделала свой утомительный путь; и даже в пустынных уголках виднелись пыль и грязь повседневного мира. Красивые маленькие капители стройных колонн поднимались из досок, обрезанных и истертых; наверху он смутно различал необычный деревянный потолок, который, казалось, занял место обычных каменных сводов; сквозь щели в дощатой стене он мельком увидел что-то близкое; и наконец, увидев самый меланхоличный из “Морских соборов”, замаскированный побелкой, ветхостью и неправильным использованием, он пошел своей дорогой.

Антибы.

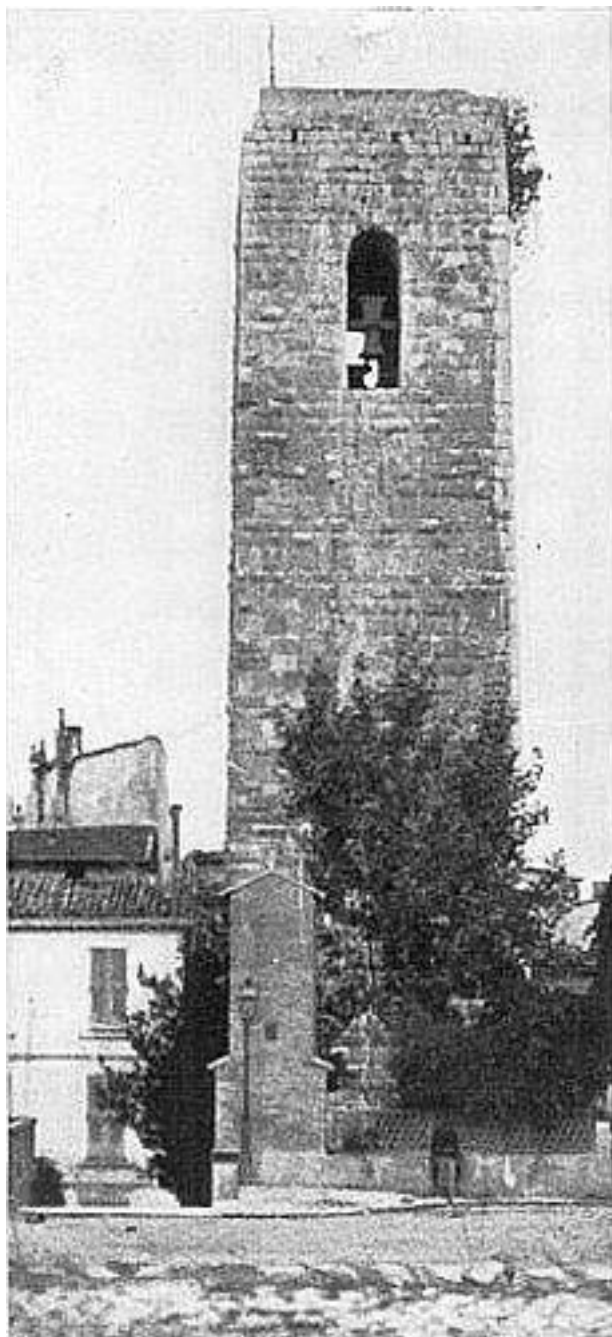
Наверх

Та часть южного побережья Франции, которая называется Ривьера, кажется, теперь вызывает только видения самой прекрасной банальности; жизни, более искусственной, чем сцена, — которая, по крайней мере, стремится представить реальность, — перенесенной на сцену такой несравненной красоты, что сама природа добавляет новую и изысканную роскошь к роскоши цивилизации. Ривьера означает страну множества безумств и всевозможных пороков; каждое безумие так восхитительно, каждый порок так царственен, что, кажется, их ищут и вожделяют все мужчины. Где еще можно увидеть в таком небрежном великолепии русских князей с их лоском манер и завуалированной дерзостью; англичан корректных и пресыщенных; американцев немного крикливых и по-настоящему веселых; знатных дам всех возрастов и манер; авантюристов высокого и низкого звания; и красивых, сверкающих женщин без имени, смело одетых и варварски украшенных драгоценностями? Такова сегодняшняя Ривьера; жизнь, навязанная ей ордами иностранных бездельников в стране, тепло и роскошь которой, возможно, слишком легко поддавались порочным и легкомысленным удовольствиям, которыми они прославили ее, но в стране, у которой нет ни женственной истории, ни чего-либо столь недостойного, как ее экзотическое настоящее. “Ривьера”, может быть, и хороша, Болье и им подобные, но Провансальское

Средиземноморье и прилегающие к нему территории были родиной воинов в настоящих кольчугах и принцев реальной власти, императора языческих времен Пертинакса, тех, кто успешно сражался против Махмуда и Тергамента, и многих мальтийских рыцарей, долгое время являвшихся “Безнадежной надеждой” христианского мира.

Незаметно спрятанные от вульгарных глаз, восхищающихся архитектурой современного караван-сарая, находятся руины тех давних времен — Амфитеатры, Фонтаны, Храмы и акведуки римлян; Замки, аббатства и соборы средневековья. Здесь представлено большее количество, если не самые интересные, из тех любопытных морских церквей, которые защищали французских горожан средиземноморского побережья от хищничества морских разбойников и пиратов, а также от многих других ортодоксальных врагов средневековья.

Благодаря великолепному расположению маленький город Антиб является одновременно образцом старого режима и нового. Расположенный на берегу моря, на фоне заснеженных гор, он не совсем избежал участи Ниццы; при этом он еще не утратил всех своих старых провансальских черт. Это жалкий компромисс между причудливой реальностью старого и вопиющей новизной. Маленькая приходская церковь осталась в очень далеком прошлом, уступив свое звание кафедрального собора более шестисот лет назад Сент-Мари в Грассе, городке едва ли моложе ее собственного. Это типичная церковь этого побережья, с ее непритязательными размерами, прочностью и уродливыми реставрациями; и она, особенно по сравнению с Вансом и Грассом, представляет небольшой архитектурный интерес. Фасад и двойная арка, соединяющая церковь и башню, относятся к неудачному XVIII веку, более старый экстерьер однообразен, а интерьер представляет собой неприятное смешение форм.

“ВОЕННОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ — БАШНЯ”.

АНТИБ. [\[К списку\]](#)

Настоящий интерес маленького собора представляет его древняя военная мощь, не очень величественная и не слишком внушительная, но вполне реальная для врага, который сотни лет назад бросился на твердые, простые камни. С этой точки зрения манерный фасад и негармоничный интерьер мало что значат. Навстречу врагу, чей парус мог появиться на горизонте в любой момент, церковь-защитница предстала тяжелыми округлыми стенами и надежно суженными окнами своих трех апсид, а за ними - военным знаком в виде суровой прямоугольной башни. Высоко на каждой из его четырех сторон, обращенных к морю и суше, было по окну, из которых, должно быть, выглядывали многие наблюдатели и напрягали встревоженные глаза. В этом значение маленького собора на берегу моря, в этой история, о которой говорит его башня. И теперь, когда по морю плавают мирные корабли, а собор - всего лишь место благочестивого богослужения, башня с ее зияющими окнами является единственным ярким напоминанием о древнем достоинстве церкви; напоминанием

равнодушному поколению о тех днях, когда Антиб выполнил обещание, данное христианам своим старым языческим именем Антиполис, “страж” опасного моря.

Неплохо.

Наверх

Расположение его собора раскрывает Ниццу, о которой мало что написано, город людей, живущих на службе у тех, чьи эффектные новые виллы и отели тянутся вдоль набережных и разбросаны по холмам в Ницце “всего мира”. Помимо этого экзотического города, здесь есть “Ницца Нисуа”, небольшой район с темными, многолюдными улицами, которые слишком полны грязной борьбы конкурирующих рабочих, чтобы быть по-настоящему живописными. Здесь в XVI веке, когда Цитадель Ниццы была расширена, а собор Сент-Мари-де-л'Ассомп разрушен, церковь Сент-Репарат была отстроена заново и получила епископский сан. Стоящий на небольшой открытой площади, окруженный маленькими лавками и бедными домами ремесленников, он кажется во всех смыслах народной церковью. Здесь коренной житель Нисуа, веселый, трудолюбивый, непостоянный и лишенный своего города, может чувствовать себя по-настоящему как дома. Выполненное в самом буйном стиле рококо, это сооружение, в котором явно отсутствует какое-либо архитектурное или религиозное вдохновение. Это разгул роскошного безвкусицы; собор в Провансе, собор на берегу моря, но не провансальский и не приморский, а скорее продукт того итальянского вкуса, который так глубоко испортил как нравы, так и архитектуру всей Ривьеры.

II.

Наверх

СОБОРЫ ГОРНЫХ ГОРОДОВ.

Карпантрас.

Карпантрас - оживленный провинциальный городок, конечная станция трех миниатюрных железных дорог и множества маленьких, громоздких, покрытых пылью перегонов. Он стоит высоко на холме, и с бульваров, пыльных променадов под пышными тенистыми деревьями, которые окружают город, как некогда его стены, открывается обширный вид на красивые холмы и долины соседней страны. На одном конце города возвышается Больница - огромное, голое и внушительное здание XVIII века, построенное епископом-траппистом; а на другом - Оранжевые ворота, последняя башня старых укреплений. Между этими историческими зданиями и окружающими бульварами находятся узкие улочки и неправильные, неинтересные здания самого города. Действительно, странно, что столь изолированное место, которое кажется всего лишь большим, шумным провинциальным городом, имело значение в средние века, и что фрагменты его волнующей истории, должно быть, заставляли всю ортодоксальную Европу трепетать от ужаса. Еще более странной была бы забывчивость современных авторов, которые редко упоминают Карпантра, если бы не то, что реальная история города - это история политической церкви, история странных нравов и событий, а не шаг в жизненной эволюции к нашему времени.

В средние века Карпантрас был епископальным городом, столицей графства Венессен, которым управляли богатые, могущественные и амбициозные епископы, проявлявшие немалый интерес к мирскому возвышению. Переданный в дар папству, после внезапной

смерти Климента V он был выбран местом проведения Конклава, который должен был избрать его преемника. Члены совета собрались в большом епископальном дворце, когда Бертран де Гот, племянник покойного папы, утверждавший, что является союзником французских прелатов против итальянцев на Конклаве, прибыл после успешного разграбления папской сокровищницы в Монте, чтобы пограбить в Карпантрассе. Он и его наемники вырезали горожан и сожгли собор. Епископский дворец загорелся, и их высокопреосвященства, подвергая опасности свои жизни, были вынуждены протиснуть своих священных особ через дыру, которую их последователи проделали в стене Дворца, и улететь на север.

Этот неудачный налет оставил Карпантрас со множеством руин и разрушенным собором, покинутым теми, ради кого она невольно пострадала. Новый понтифик был благополучно избран в Лионе, и по возвращении в папскую резиденцию в Авиньоне он управлял Карпантрасом в качестве "настоятеля", и город, как и прежде, оставался политической столицей графства. Во время правления последующих пап его, по-видимому, не беспокоили опасные почести, вплоть до восшествия на престол антипапы Бенедикта XIII. Восхищение этого прелата городом было настолько велико, что он сохранил за собой незначительный титул ее епископа, заново отстроил ее стены и стал первым покровителем нынешнего и очень ортодоксального собора Сен-Сиффрейн. По странному стечению обстоятельств у церкви был этот фальшивый прелат не только как ее первый покровитель, но и как ее первый активный сторонник; и в 1404 году он послал Арто, архиепископа Арльского, от своего имени заложить первый камень.

Войны и слухи о войнах вскоре охватили провинцию. Бенедикт бежал, и из-за беспорядков и нехватки денег строительство собора было сильно затруднено. Тем временем руины бывшего собора, по-видимому, постепенно разрушались, и в 1829 году последняя часть его Монастыря была разрушена, чтобы быть замененной тюремными камерами; и теперь сохранились только купол хора и намек на неф, частично образующий нынешнюю ризницу. Из этих скудных остатков и из писаний того времени можно с уверенностью заключить, что Сен-Пьер был собором по типу Авиньонского, Кавайонского и старой Марсельской церкви Ла Мажор, и что с архитектурной точки зрения это было гораздо более важное сооружение, чем Сен-Сиффрейн. С этим удручающим знанием в голове путешественник столкнулся с не менее удручающим зрелищем — самым нынешним собором.

К счастью, церкви периода, предшествующего XVII веку, редко бывают такими неинтересными. Невозможно представить себе ничего более скудного и унылого, чем фасад с его тремя бедными, бесхарактерными порталами. Они открываются в большой сводчатый зал с часовнями в шести отсеках и небольшим и узким хором. Основное очарование интерьера - негативное; его тусклый туманный свет, скрывающий массу безвкусовых украшений, бедность и неприкрытость всей архитектурной схемы, придает большой высоте и размерам помещения атмосферу приглушенного и таинственного простора. Южная дверь - единственная деталь этой готики, которая выходит за рамки обыденности. Расположенный в бедной, однотонной стене, портал отличается изящной симметрией дизайна; и его немногочисленные резные детали, вероятно, ограниченные художественной силой его создателя, настолько просты и целомудренны, что они не обязательно предполагают бедность концепции. Тимпан украшает экзотическая деталь - стертая и незначительная фреска с изображением Коронации Пресвятой Богородицы; а на простенке, разделяющем дверной проем, стоит очень очаровательная статуя Богородицы Снегов, благословляющей всех, кто входит под ее протянутыми руками.

Этот простой портал, как, впрочем, и вся церковь в целом, является выдающимся образцом провансальской готики, стиля, настолько чуждого гению провинции, что он мог породить лишь слабые и ослабленные образцы искусства. По сравнению со своими северными прототипами, он на удивление непрочен; и неловкие, непривычные руки, кажется, построили его по самым примитивным представлениям.

Digne.

Наверх

Далеко за пределами альпийского города Динь, почти в окружении могил, стоит маленькая древняя церковь, которая открывается редко, за исключением месс по усопшим. Подставки для гробов всегда стоят перед алтарем, и стульев достаточно для тех немногих, кто скорбит. Здесь есть старые подсвечники для свечей церковной бедноты, а в тени дверей спрятано несколько сломанных крестов, которые когда-то отмечали могилы, возможно, с нежностью установленные над теми, кто был жив несколько лет назад и кто теперь покоится забытым; на потрепанном дереве все еще можно прочесть возраст ребенка, послужной список старика и буквы R. I. P.

В этой странной, меланхоличной судьбе Нотр-Дам-дю-Бур, по-видимому, есть своеобразное соответствие. Изменчивость времени, забывчивость и, в конце концов, пренебрежение, которые наводит на мысль смерть, наводит на мысль эта старая церковь. Когда-то это был кафедральный собор Динь, но больше не кафедральный собор, и он стоит почти одиноко, несмотря на свои почести и почтенный возраст. После осквернения гугенотами первородство епископа перешло к более молодой и крупной церкви; город переехал и сосредоточился вокруг своего нового собора Сен-Жером; и Нотр-Дам-дю-Бур больше не находится на оживленной улице, а рядом с пыльной большой дорогой, среди сельской тишины и холмов.

Части его склепа и башни, возможно, датируются более ранним периодом - 900 годом, но сама церковь была заново построена в XII и XIII веках. Течение времени не принесло ни одного из тех несоответствий, которые разрушили многие церкви в результате так называемых реставраций последних трехсот лет, и хотя их простой романский стиль, к сожалению, не восстановлен, приятно побыть в уединении и найти нетронутый образец этого стойкого старого стиля.

“ИНТЕРЬЕР СОБОРА ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ”.-ДИНЬ. [\[К списку\]](#)

Романский стиль демонстрирует свою большую солидность во внешнем виде своих церквей, и нигде так сильно, как в заброшенном соборе Диня. Вдоль стен тянутся плоские контрфорсы, трансепты квадратные и простые, а с обеих сторон фасадную стену поддерживают мощные опоры. Эта строгость линий не сильно нарушается глубокими нишами нескольких окон; и башня, потерявшая свой шпиль триста лет назад, не менее трезвой конструкции, не менее прочная. Под нависающим карнизом убогой крыши и любопытной линией свода нефа, выступающей через стену, находится круглое окно с рамой из массивных валиков и углублений; а еще ниже, под узким наклонным покрытием, находится глубокая арка паперти собора. Это, в самом расцвете сил, должно было быть украшением церкви. Под внешней аркой, которая продолжается до контрфорсов полуарками, находятся большие рольставни, которые закручиваются назад, образуя простой тимпан. Капители все еще поддерживают эти массивные изгибы камня, но ниши, в которых

раньше стояли колонны, пусты, а оскаленные львы, лежащие на земле, больше не поддерживают большие колонны простой арки. Все пребывает в торжественном упадке.

Путешественник вошел в обшарпанную, окованную медью дверь и увидел перед собой единственный пустой неф, хоры, под нижним сводом которых расположены три маленьких окна, а по обе стороны арочные проходы, которые, как он знал, должны были вести к узким трансептам. На южной стороне простые округлые окна дают мерцающий свет, и над каждым из них возвышается арка - скромное украшение стен. Далеко вверх возвышается свод туннеля, сама высота которого поражает величию; арки опираются на грубо вырезанные капители, а внешний прямоугольник опор смещен на половину колонны. Повторение этих самых простых деталей кажется всего лишь написанием "письма, которое убивает", а не изображением духа, который, кажется, живет в этих стенах. Детали, которые кажутся такими незначительными при чтении, благородны, когда их видишь. Эта маленькая старая церковь обладает истинно религиозным величию, и казалось, что священник должен нести свет Святилища, который говорит: "Господь в Своем святом храме".

Сен-Жером был построен между 1490 и 1500 годами, за сто лет до своего возведения в сан епископа, и представляет собой наиболее полную противоположность Нотр-Дам-дю-Бур, который он заменил в 1591 году. Там, где Нотр-Дам маленький, Сен-Жером большой, где старая церковь простая, новая либо претенциозная, либо роскошная, и где одна в романском стиле, другая в готическом.

Нынешний собор стоит на возвышенностях города, и с той или иной стороны видны его чистые, прямые стены во всей их большой угловатости и отсутствии архитектурной значимости. Башни традиционно возвышаются над фасадом, а большой широкий пролет белокаменных ступеней ведет к трем современным порталам, которые были построены в экономичной имитации скульптурного богатства XIII века.

Интерьер, также готический, не имеет ни верхнего этажа, ни трифория, а его нефы перекрыты сводами, которые широко выступают из круглых поддерживающих опор. Концепция не благородна, в ней нет простоты и не больше намека на духовность, чем в Мадонне Тициана; но пространство нефа настолько щедро, а новая полихромия так богата тонами, что церковь обладает величию пространства и гармонии, глубоким освещением и приглушенными красками; она велика и роскошна, как полотно Веронезе, что составляет странный и любопытнейший контраст с холодной строгостью ее внешних стен.

“ВНУТРИ НЕТ НИ КЛЕРЕСТОРИИ, НИ ТРИФОРΙΑ”. —ДИНЬ. [\[К списку\]](#)

Перед Главным Алтарем этой Церкви похоронен тот, чей дух напоминает Христа, епископ, но в то же время простой священник, чья жизнь заслуживает большего количества слов, чем весь Сен-Жером, некогда его Кафедральный собор. Он был кюре из Бриньоля, одним из тех проникательных, но простодушных и трудолюбивых священников, которые часто благословляют провансальские города. У него не было ни больших амбиций, ни покровительства, ни связей, за исключением дальнего брата, который был выскочкой-генералом этого самого выскочки-императора, Наполеона. Однажды, когда священник возился в своем маленьком садике, — поскольку провансальские кюре любят копаться и работать, — ему вручили письмо с пометкой “тридцать су в счет оплаты почтовых расходов”. Он был возмущен. Его блестящая старая сутана выпала из складок, в которые он ее предусмотрительно заправил, он пожал плечами и запротестовал: “Действительно, большие расходы для такой тривиальной цели. Где бы ему раздобыть еще тридцать су для своих бедных? Он никогда не писал писем. Поэтому никакими доводами какой-либо школы логики его нельзя было заставить их получить. Очевидно, это было не для него”. Неожиданным письмом было то, о котором просил его брат и которое подписал Наполеон, указ, который сделал его епископом.

Много лет спустя этот простой, святой прелат спас человека от преступления, и история гласит, что этот же человек погиб при Ватерлоо как хороший и верный солдат, сражаясь за отечество. Его благодетель, этот верный слуга Христа и Его Церкви, вскоре последовал за ним в смерти, и, в отличие от многих Святых, которых эта земля забывает, память о нем продолжает жить не только в маленьком городке в заснеженных Альпах, но и в сердцах тех, кто читает о его добрых делах. Ибо монсеньор Миоллис из Диня - это действительно монсеньор Бьенвеню из “Отверженных”, и только солдат Ватерлоо был прославлен в романе Жана Вальжана.

Калькулятор.

Наверх

Если трудно представить сонный, величественный Экс как один из самых блистательных центров средневековой Европы и укрепленный гарнизоном замок Тараскон, заполненный веселыми придворными и прекрасными дамами двора короля Рене, то будет почти невозможно прогуляться по маленьким провансальским “городкам” и увидеть в воображении кавалькады солдат в кольчугах, которые с грохотом проезжают по улицам по пути к замку на какой-нибудь вершине холма неподалеку, милорда, которого можно с гордостью отличить по коню или длине плюмажа, настоящего рыцаря. хрупкая графиня, томящаяся за занавесками своих носилок, или более жизнерадостная особа, которая ехала верхом на своей лошадке и улыбалась глазающим горожанам. Почти невозможно представить, что четыре дочери Раймона Беранже, королевы Рима, Франции, Неаполя и Англии, воспитывались в замке маленькой деревушки Сен-Майм-Дофин на склоне холма. Прованс тихий, сельский, провинциальный; страна рынков, оживленных загородных гостиниц и ферм; не обладающий ни современным величием, ни современной известностью. Ее дети - прекрасная и деятельная раса, не менее сильная и изящная, чем в более беспокойные времена, но они переживают годы своего величия в других, “более прогрессивных” частях Франции, а провансальский гений, который остается очень родным для этой земли, широко известен как “французский”. Подобно богатому старому вину, спрятанному в подвалах немногих, Прованс надежно укрыт за Авиньоном и Арлем, и только эпические события истории проникают в его холмы.

Ее средневековые руины, кажется, принадлежат прошлому, почти такому же мертвому и призрачному, как ее римские времена, и, чтобы понять, что это средневековье, нужно оставить занятых людей в городе внизу, подняться на один из холмов и, сидя у полуразрушенных стен какой-нибудь большой башни или замка, наблюдать, как жаркое солнце садится за невысокие горы и освещает сиянием голые стены какой-нибудь другой разрушенной крепости на соседней высоте. Тени наползают на долины, скалы становятся серыми и холодными, а группы деревьев рядом с ними становятся мрачно-таинственными. Затем далеко внизу, кажется, появляется белая нить, начинающаяся у входа в долину и извивающаяся по всей ее длине, пока не исчезает за другим холмом. Это дорога; и к тому времени, когда глаз проследивает ее долгий путь, дневной свет становится все слабее. Тогда Прованс обретает давно утраченное величие. Для тех, кому интересно посмотреть, кавалькады солдат или охотников возвращаются домой по дороге, замки становятся целыми и хмурыми, заходящее солнце бросает свой свет через их зияющие оконные проемы, как раньше сиял свет ночных пиршеств, и появляется призрачный средневековье.

Одна из могущественных семей страны, графы Форкалькье, произошли от дома Беранже в XI веке, а сто пятьдесят лет спустя, став слишком великими, были сокрушены надменным родительским домом. Не на одном холме Восточного Прованса стояли их высокие сторожевые башни, не одна деревня была им верна, а большой город на холмах был их столицей и носил их имя. И все же не разрушенная башня, возвышающаяся над провансальскими горами, не деревня, ворота или замок — Маноск или старый Сен-Майм, — но более ярко говорящий о старых графах, чем Форкалькье, бывший их город, а ныне простой провинциальный городок, потерявший престиж из-за растущей изоляции, многих своих жителей - из-за эпидемий и войн, и почти весь свой живописный средневековье - из-за разрушительных осад.

Задолго до этого дня довольного застоя, в 1061 году, когда Форкалькье, укрепленный, растущий и важный, претендовал на множество почестей, епископ Систеронский Жерар Капрериус дал городу ректора и капитул и создал церковь Святой Марии, совместный собор с Нотр-Дам де Систерон. Не удовлетворившись этой честью, Форкалькье потребовала и получила собственное епископство. Тогда ее холм был увенчан Цитаделью, ее собор стоял рядом, ее стены были целы. Теперь Цитадель заменена мирной часовней для паломников, стены исчезли, о церкви Святой Марии, разрушенной во время осады 1486 года, напоминают лишь несколько поросших сорняками пней и кусков стены, а ее название было присвоено Нотр-Дам в нижней части города.

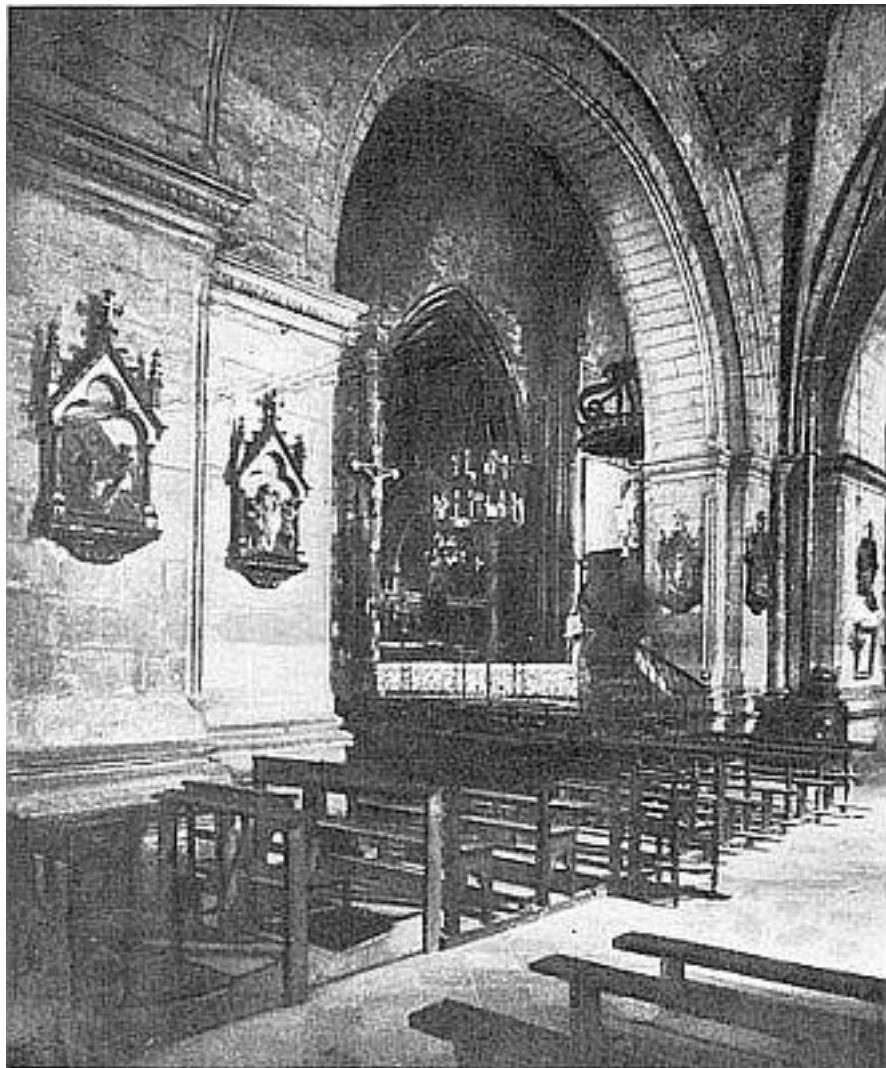

“БОЛЬШАЯ КВАДРАТНАЯ БАШНЯ СЛУЖИЛА НАБЛЮДАТЕЛЬНЫМ ПУНКТОМ”. -ФОРКАЛЬКЬЕ. [\[К списку\]](#)

Ни один собор не является более печальным примером архитектурного провала, чем Нотр-Дам де Форкалькье, потому что в нем так много зачатков настоящей красоты и достоинства, так много по-настоящему достойных частей, которые, к сожалению, были объединены в запутанное и противоречивое целое. Если из всех маленьких городов Прованса Форкалькье является одним из наименее уникальных и зрелищных, то его кафедральный собор также является одним из наименее привлекательных. Она не красива ни по обстановке, ни по своей внутренней гармонии, и прекрасные, но дразнящие перспективы ее внутреннего убранства можно снова найти в более счастливых церквях.

Внешний вид в превосходной степени демонстрирует общую тенденцию провансальских экстерьеров не иметь определенных или логичных пропорций. Большая квадратная башня, более тяжелая, чем в Грассе, служила наблюдательным пунктом, высокая, тонкая башенка служила колокольной. На фасаде есть готический портал, который, несмотря на всю свою посредственность, является главным украшением внешних стен. Они до некоторой степени неправильные и неотесанные, и их единственные интересные особенности находятся в восточной части. Здесь меньшие по размеру и более старые апсиды с обеих сторон свидетельствуют о раннем происхождении церкви. Центральная апсида, очевидно, тех же размеров, что и первоначально спроектированная в романском стиле, была перестроена в

строгом, рудиментарном готическом стиле. Глядя только на эту неглубокую апсиду и следуя ее простым линиям, пока они не пересекаются с линиями большой башни, можно увидеть прямую простоту, которая почти прекрасна, — но это всего лишь одна деталь в большом и бесплодном целом, и искатель собора поворачивается к ближайшему входу.

“НАВОДЯЩИЙ НА РАЗМЫШЛЕНИЯ ВИД ИЗ БОКОВОГО ПРОХОДА”. —ФОРКАЛЬКЪЕ. [\[К списку\]](#)

Первый взгляд на интерьер приносит такое облегчение, что не сразу замечаешь отсутствие в нем архитектурного единства. Несколько окон пропускают мягкий свет, а коричневый цвет камня обладает сочностью, которая является одновременно насыщенной и успокаивающей. Если бы собор можно было отделать в стиле первых пролетов нефа, это был бы благородный образец романского стиля. Если бы его можно было перестроить в стройной готике последней бухты, это был бы изысканный образец провансальской готики. Довольно тщательно спланированный, его старая форма туннельных сводов, изящный изгиб нефовых арок и тяжелых опор резко контрастируют с готическим заливом с его остrokонечной аркой, громоздкими колоннами и резными капителями, который, даже с неглубокими хорами и длинными узкими окнами, является слишком незначительной частью собора, чтобы обладать независимостью или настоящей красотой. С точки зрения ритуальности, это кульминационный момент церкви, и его диссонанс с романским стилем неприятно настойчив. Боковые нефы, построенные в XVII веке, представляют собой низкие, удобные переходы, заканчивающиеся часовнями меньших апсид. Их нельзя назвать ни очень

правильными, ни очень значительными; но они придают церкви приятные размеры и перспективы, и, избегая чрезмерно больших и сияющих современных люстр, которые висят между арками нефа, из этих боковых проходов открываются наводящие на размышления виды, которые слишком хорошо показывают, какие истинные и хорошие архитектурные идеи были приведены в замешательство при перестройке, пристройках и реставрациях столетий. В живописи анахронизмы могут быть причудливыми или даже забавными; но в архитектуре они либо гротескны, либо трагичны, и в такой наводящей на размышления церкви, как Нотр-Дам в Форкалькье, человека преследуют затаенные сожаления о том, что могло и должно было быть.

Венс.

Наверх

Основателем Французской академии и одним из первых ее бессмертных сорока был Антуан Годо, “идол отеля Рамбуйе”. Его разум был сформирован, так сказать, одной из самых умных женщин этого блестяще глупого кружка, он пел легкомысленные сонеты красивой рыжеволосой любовнице, которой искренне восхищался, и когда он вошел в Святую Церковь, никто из его очаровательных друзей не верил, что он сделает нечто большее, чем изменит правильные и приятные условности своей прежней жизни. Они думали, что он добавит к изяществу своих мирских манер учтивость священнослужителя, что он выберет кафедру в Париже и что, сидя у его ног, они смогут наслаждаться элегантными фразами, которыми он украсит утонченную и деликатно смягченную религию. Но престарелый прелат с далекого Юга судил о новом священнике иначе, он прислушался к сердцу человека, который в возрасте тридцати лет тихо отказался от льстивого, вызывающего восхищение мира; и его предсмертной молитвой к Ришелье было то, чтобы Годо сменил его на Вансском престоле. Проницательная житейская мудрость кардинала подтвердила более глубокую духовную проницательность старого епископа, и Годо был назначен епископом соседнего Грасса.

Далеко в своем горном городе, полном цветущих садов и сладких ароматов, новый епископ писал своим парижским друзьям, что, со своей стороны, он “нашел больше шипов, чем цветов апельсина”. Кальвинисты со скалы Антиб открыто бросили ему вызов; несмотря на яростное сопротивление их капитулов и вопреки его воле, епископства Грасса и Ванса были объединены, и он был назначен епископом двух враждующих, недовольных епархий. В Вансе его забросали камнями, и даже его коллега по светской власти, маркиз Вильнев, проявил себя настолько дерзко, насколько осмелился. Наконец король пришел ему на помощь, и, получив возможность выбрать престол, Годо немедленно покинул “надушенную девку”, как он называл Грасс, и предпочел жить и работать среди своих бывших врагов из Ванса. Этот мягкий и мужественный прелат типичен для длинной череды мудрецов, которые управляли Церковью в маленьком городке на провансальских холмах. Начиная со святого Верана-чудотворца и святого Ламбера, нежной сиделки прокаженных, до самого конца они были людьми, известными храбростью, добротой и ученостью, и только после Революции нашелся один — и, соответственно, последний, — который, ненавидя “Клятву” и боясь гильотины, бежал со своей кафедры.

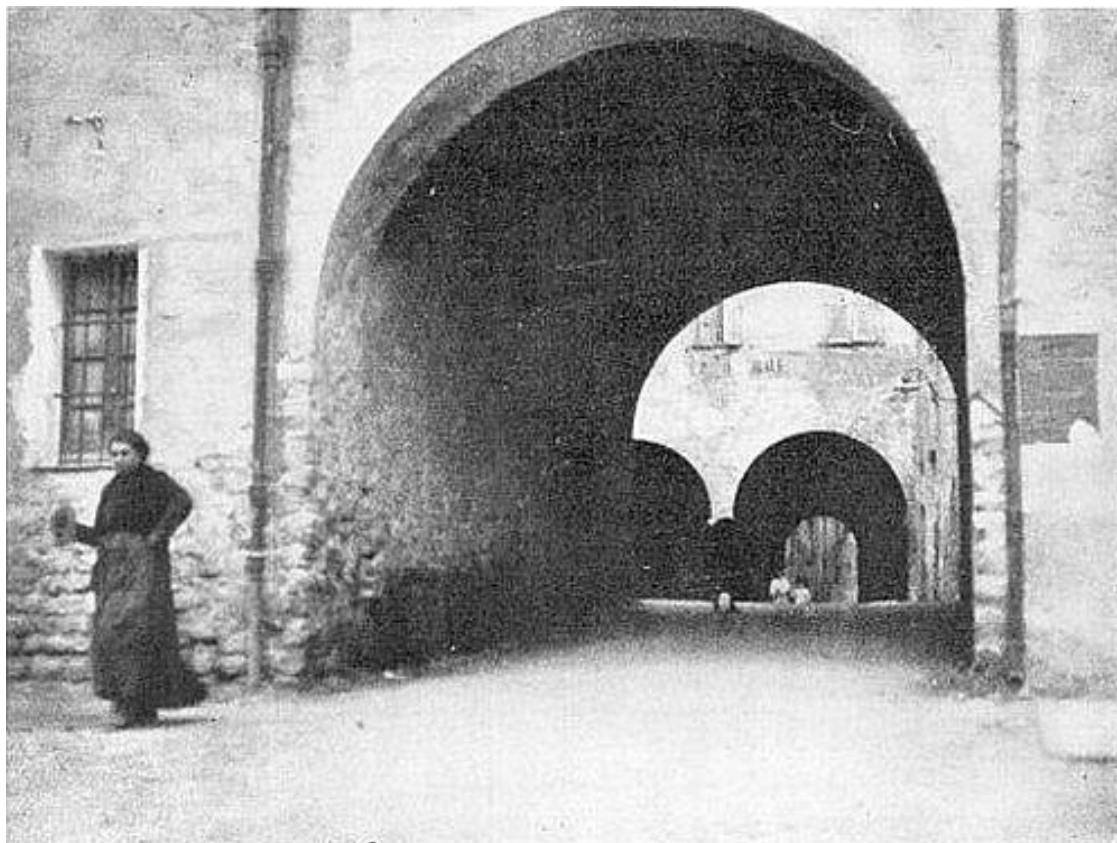
Этот город добрых епископов был основан в смутном языческом прошлом Галлии. Со скалистой вершины холма его жители наблюдали за тем, как горит их первый город в долине, и они основали второй Ванс на той безопасной высоте, до которой им удалось спастись своими жизнями. Здесь, далеко над аврелианской дорогой, у галльских племен был сильный и изолированный лагерь. Затем любопытные римляне обнаружили их, и жрецы Марса и

Кибелы заменили жрецов более грубых местных богов, а те, в свою очередь, уступили место апостолу христиан. Там, где стоял храм, была построена церковь; и в отличие от многих ранних святых, которые смотрели на старые языческие изображения как на обиталище дьяволов и разбивали их на тысячи кусков со святым гневом и словами экзорцизма, прелат Ванса похоронил изображение побежденного бога под каждой колонной своей церкви в знак христианского триумфа.

Эти первые дни Веры были днями роста маленького города, и он процветал в своем средневековье. Расположенный высоко на своем холме, он был слишком труднодоступен, чтобы сильно страдать от мародерствующих врагов, и, скрытый от моря, не возбуждал алчности средиземноморских бродяг. Когда Антиб и Ницца были разграблены, ее маленький каменный выступ был в безопасности; и люди толпились за ее стенами так плотно, что ни один пчелиный улей не кишел пчелами так густо, как ее немногочисленные улицы горожанами. Здесь были искусства и профессии, бюргеры и хартии, богатство и свободы. Здесь наступил Ренессанс, и в Вансе появились энергичные, если не сказать знаменитые скульпторы, живописцы, изготовители органов, а также семья художников, которым даже дилетант Франциск I соизволил покровительствовать.

Такие воспоминания о насыщенном, энергичном прошлом кажутся сказками тем, кто сегодня прогуливается по темным и узким улочкам Ванса. Она едва переросла свои древние стены, ее гражданская жизнь мертва, и в своей фактической изоляции от современного мира она доживает унылую, тихую старость.

Старый собор Нотр-Дам находится в самом центре города и переносит человека в прошлое, далеко за пределы эпохи Возрождения, в те мрачные средневековые времена, когда даже церкви были оборонительными сооружениями. Это низкое, невпечатляющее здание, которое, как говорят, было построено на месте Римского храма в IV веке. Увеличенный или перестроенный в X веке, он тогда был длинным и узким, в виде латинского креста. Но в XII веке были пристроены глубокие темные ниши; в XV веке были построены трибуны, форма апсиды была изменена на овальную и оформлена в негармоничном стиле; а сто лет назад свод нефа был переделан в эллипс.

“СТАРАЯ КРУГЛАЯ АРКА ЕПИСКОПСКОГО ДВОРЦА”.—ВАНС. [\[Перечислить\]](#)

В боковой стене есть низкий портал в позднем декадентском стиле, который выходит на маленькую площадь, но настоящего фасада у него нет; и чтобы увидеть церковь, путешественник проходил под старой круглой аркой Епископского дворца, через маленькую сырую улочку к другой, более крошечной площади, где стоят апсида и башня. Маленькие церкви-соборы Прованса всегда построены просто, но здесь прямоугольник, низкая остроконечная крыша, маленькое круглое окошко в стене были бы архитектурной наготой, если бы все это не венчала высокая прямая башня. Эта зубчатая башня - настоящий тип своего времени, квадратная, но стройная и прочная, и грубо изящная, как какой-нибудь высокий молодой тополь на равнинах внизу. В XI и XII веках, на заре своего существования, это была смотровая площадка города. Семьи жили высоко в его стенах, и путешественник мог представить себе на этой маленькой старой, пустынной площади толпы, которые собирались у основания башни и требовали новостей о врагах и битвах, как современные люди собираются вокруг более прозаичного бюллетеня печатных новостей. Он видел, как они вздымаются, вглядываясь вверх; и сверху он почти услышал крик наблюдателя: “Они приближаются”, — с громким ответным воем внизу и стремлением схватиться за оружие. Или: “Они проходят мимо нас”, а затем разбиваются на маленькие смеющиеся группы, радуются, танцуют и молятся, и это продолжалось далеко за вечерние часы.

“НИЗКИЕ ШИРОКИЕ АРКИ И ОГРОМНЫЕ ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ КОЛОННЫ”. —ВЕНС.

[\[Перечислить\]](#)

Путешественник мысленно вернулся в современность и вошел в церковь, эту церковь с пятью низкими нефами и множеством реставраций, это произведение самых разнообразных фантазий. Он выкрашен в мрачно-белый цвет, а его колонны имеют фальшивые основания из ощутимой имитации красного мрамора с прожилками. Его чистая и ранняя форма, латинский крест, исчезла, прекрасные старинные киоски спрятаны в галерее, а коринфские колонны у алтаря оскверняют его древний романский стиль. И все же, несмотря на несоответствия, атмосфера церкви действительно напоминает о ее смутном прошлом. Здесь низкие широкие арки, огромные поддерживающие колонны, являющиеся массивными контрфорсами; здесь простая практичность стиля, нацеленного на защиту, а не на какое-либо искусство красоты; здесь полумрак маленьких безопасных окон и небольшое охраняемое пространство, где количество молящихся увеличивается в тысячу раз во времена опасности. Несмотря на все недостатки, это маленькая провансальская церковь,

где в мирные дни облачко ладана медленно кружилось над неясными фигурами поющих священников, а во время войны толпа перепуганных женщин и их детей молилась в безопасности за мужчин, которые вышли сражаться в их защиту.

Grasse.

Наверх

Тот, кто не любит прошлое, вполне может промчаться мимо его сокровищ в пылящем автомобиле, тот, кому наскучили старые мысли, может продолжить путь по железной дороге, но человек, желающий узнать старые города на холмах Франции, увидеть их такими, какими они казались их создателям, и осознать их бывшее великолепие и силу, должен идти пешком от одного города к другому и взбираться на их крутые вершины; должен увидеть, как возвышаются перед ним огромные башни, как возвышаются над ним могучие стены, и осознать, какой величественной силой были эти места, когда один человек сражался с другим, меч с мечом, сила против силы. . Он должен прибыть, покрытый пылью, к городским воротам или въехать на их узкие улочки в маленькой карете, которая все еще проезжает по ним, — ибо они принадлежат к тем временам, когда великие люди ездили верхом, крестьяне ходили пешком, а пар был совершенно неизвестен. Тогда он поймет, насколько велик когда-то был мир, как далеко от города к городу; и, оказавшись за этими высокими, защищающими стенами, он поймет, почему средневековый гражданин находил в своем городе мир, самодостаточный, и почему он так часто был доволен тем, что проводил свою жизнь дома.

Мощь изолированных, сосредоточенных на себе интересов хорошо проиллюстрирована историей вольных городов Средневековья, и Грасс можно причислить к их числу. Графы у нее были номинально; но Беранже и королева Жанна даровали ей хартии, которые она имела право соблюдать; когда-то она была достаточно богата, чтобы объявить войну Пизе, а в XII веке лидерами ее самоуправления были “консулы только милостью Божьей”. Поэтому, когда Антибу продолжали угрожать пираты-богохульники, епископство было перенесено в Грасс, богатое, сильное и безопасное за холмами, где оно просуществовало с 1244 года, преодолевая все опасности столетий, пока одним росчерком пера Наполеон не уничтожил его в 1801 году.

“ВЫШЕ ИХ ВСЕХ ВОЗВЫШАЕТСЯ СОБОР”. —ГРАСС. [\[Перечислить\]](#)

Если вы приедете в Грасс пешком или на дилижансе, это хорошо оплатит путешественнику за старомодные настроения и фантазии. Издалека кажется, что ее дома теснятся друг к другу, как раньше теснились за крепостными стенами, ее красные крыши причудливо возвышаются одна над другой, а выше всех них возвышается собор с его прочной квадратной башней. Таким, должно быть, был старый Грасс, примостившийся на вершине своего холма. Но как только попадаешь в город, этим иллюзиям приходит конец. Здесь расположены отели и казино термальной станции, а также фабрики нового мира. Путешественник обнаруживает, что широкие верхние бульвары заполнены туристами и нарядными приезжими англичанами, а на узких улочках дерзкие фабричные рабочие шумно возвращаются с работы. Он все еще карабкается к собору, по извилистым улочкам и маленьким переулкам. И в самом мрачном из них нет запаха затхлой старины, но медово-сладкий аромат сада, полного роз, тысячи цветов апельсина и саранчи, и он начинает думать, что очарован. Ему кажется, что темные старые дома нереальны, как будто вместо булыжников под его ногами должна быть мягкая и нежная трава Благословенной Аравии. Такова магия ремесла, парфюмерной промышленности Грасса, которая на протяжении стольких сотен лет наполняла самые захудалые улицы города освежающими ароматами.

Запахавшийся от подъема путешественник вышел наконец на маленькую площадь перед самым неказистым собором. Возможно, он был “построен в основном в XII веке”, но настолько украшен эпохой Возрождения, что его тяжелые старые провансальские стены и массивные колонны, кажется, существуют лишь как опоры для дополнений или неуместных украшений в бедном итальянском стиле. Некий монсеньор XVII века перестроил хоры, придав им глубокую прямоугольную форму; другой прелат расширил саму церковь и разрушил ее, соорудив трибуну над проходами, и, желая получить доходы от нового места захоронения, он приказал Вобану осуществить смелую постройку склепа. Еще один епископ с похожими архитектурными вкусами построил большую новую часовню, которая

открывается с южного нефа; и с этими пристройками и изменениями фасада XVIII века первоначальный стиль церкви был затемнен. Несмотря на жалкие остатки достоинства, которые его три нефа, крепкие старые колонны и высота все еще придают интерьеру, в целом это настолько убогое здание, что оно по праву утратило звание собора.

“АВИНЬОНСКИЙ МОСТ”. [\[Перечислить\]](#)

III.

[Наверх](#)

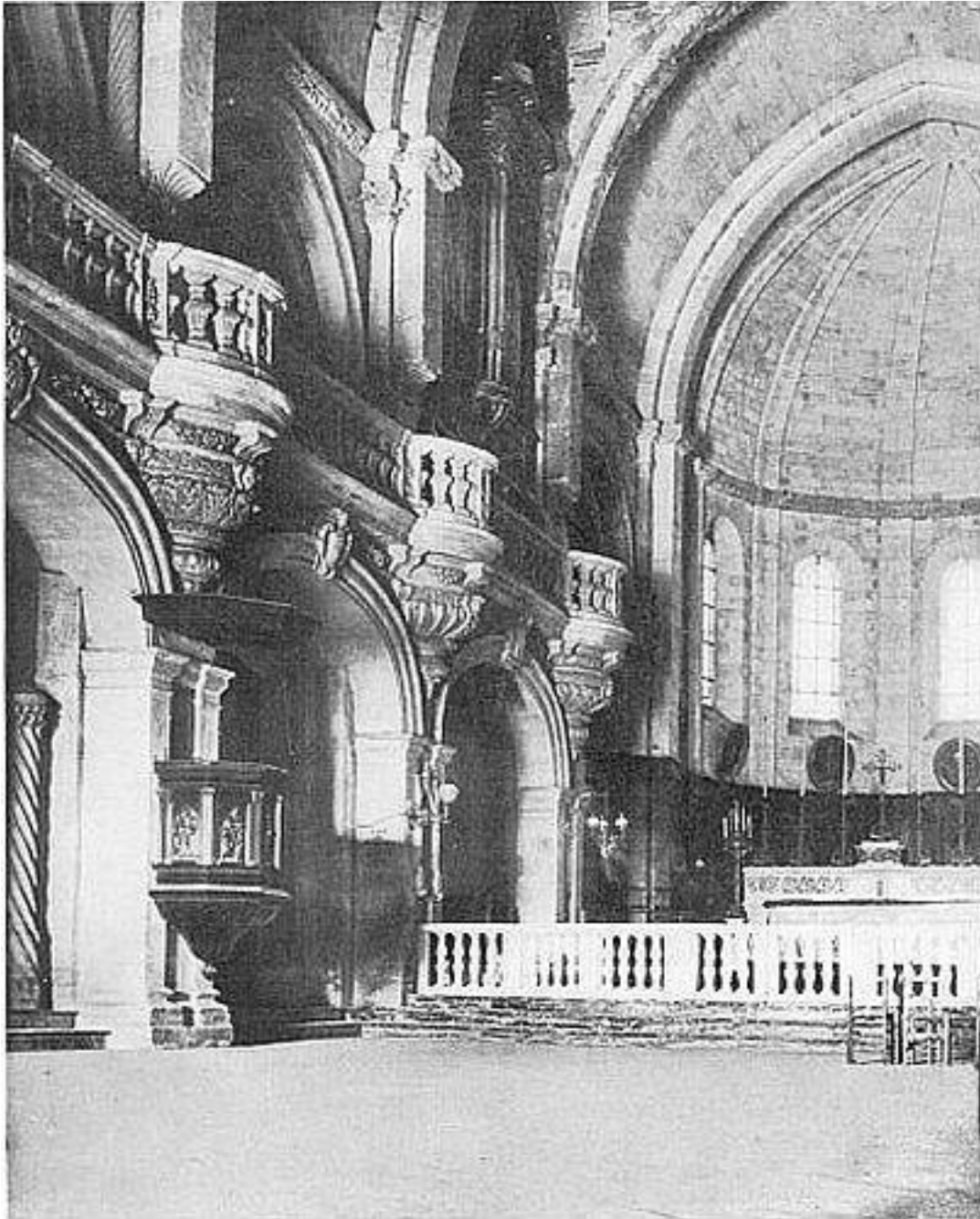
СОБОРЫ НА БЕРЕГУ РЕКИ.

Avignon.

Все, что окружает Авиньонский собор, его местоположение, его город, его история, настолько полно романтики и очарования, что только после очень трезвого размышления понимаешь, что сама церковь - наименьшее из папских зданий, величественно возвышающихся над Роной, или из тех королевских руин, которые так же гордо возвышаются на противоположном берегу реки. И все же ни одна церковь в Провансе не является более богатой традициями, а история - более романтической, чем традиция.

Основание этой церкви восходит к первому Авиньону, небольшой колонии речных рыбаков, которая уступила римлянам, основавшим город Авернио на большом скалистом холме в двухстах футах над Роной. Несколько сотен лет спустя недалеко от устья этой реки

высадились первые христианские миссионеры в Галлии — Мария, мать Иакова, святая Сара, покровительница цыган, Лазарь, его сестра Марта и святой Максимин. Перед этими охваченными бурей Святыми лежала прекрасная языческая страна Прованс, место их будущей миссии; и, если верить преданию, каждый пошел своим путем, чтобы усердно трудиться во имя святого дела. Максимин жил в городе, который носит его имя, Лазарь стал первым епископом Марселя, а святая Марта поднялась по реке Рона до Авиньона и построила недалеко от нынешнего собора молельню в честь Девы, “тогда жившей на земле”. Две ранние церкви, частью которых, возможно, была эта часовня, были разрушены во время сарацинских осад VIII века; надпись на паперти нынешнего собора содержит очень интересный средневековый отчет о его перестройке и переосвящении почти сто лет спустя. Согласно легенде, у набожной женщины была привычка молиться в церкви каждый вечер; и после того, как собор был закончен благодаря щедрой помощи Карла Великого, она оказалась там в полночь и стала свидетельницей сошествия Христа в чудесном, сияющем свете. Там, у Главного Алтаря, в окружении ангелов-хранителей, он посвятил Собор Своей Матери, Богоматери Соборов, и так он называется по сей день. Если опровергнуть тот факт, что перестройка или, по крайней мере, повторное основание этого собора было делом рук Карла Великого, столь щедрого покровителя и преданного сына Церкви, является невыполнимой и неблагодарной задачей, то доказать это столь же невозможно. В мартирологе XI века говорится о посвящении в 1069 году, но поскольку этой церемонии предшествовала еще одна обширная перестройка и за ней последовало множество других изменений, наиболее точно самые старые части нынешней церкви следует отнести к XI, XII и XIV векам. Пристройки, произошедшие в течение столетий после возвращения папы в Рим, сильно изменили внешний вид церкви. Большая часовня, построенная в 1506 году, образует почти северный неф. В 1671 году архиепископ Ариосто решил, что интерьер будет изящно дополнен галереей эпохи Возрождения, которая должна опоясывать весь неф от одного конца хоров до другого. Чтобы выполнить эту новую работу, старые главные опоры под галереей были срезаны, стенные арки заменены, а колонны и опоры, почти полностью новые, были установлены для поддержки неглубокого балкона с изящными балюстрадами и его массивными резными основаниями. Девять лет спустя новый архиепископ пристроил к северной стороне квадратную часовню XVII века, богато украшенную саму по себе, но совершенно не гармонирующую с основным стилем церкви. Другие часовни, менее выдающиеся, которые время от времени пристраивались, тянутся вдоль нефа как с севера, так и с юга, и все они повторяют первоначальный план. Из внешнего вида только фасад сохранил свой первобытный характер. Боковые стены, “совершенно безликие”, как было хорошо сказано, “отражают только различные периоды существования часовен, которые были пристроены к собору”, а апсида была перестроена в 1671 году в тяжелой, неинтересной форме.

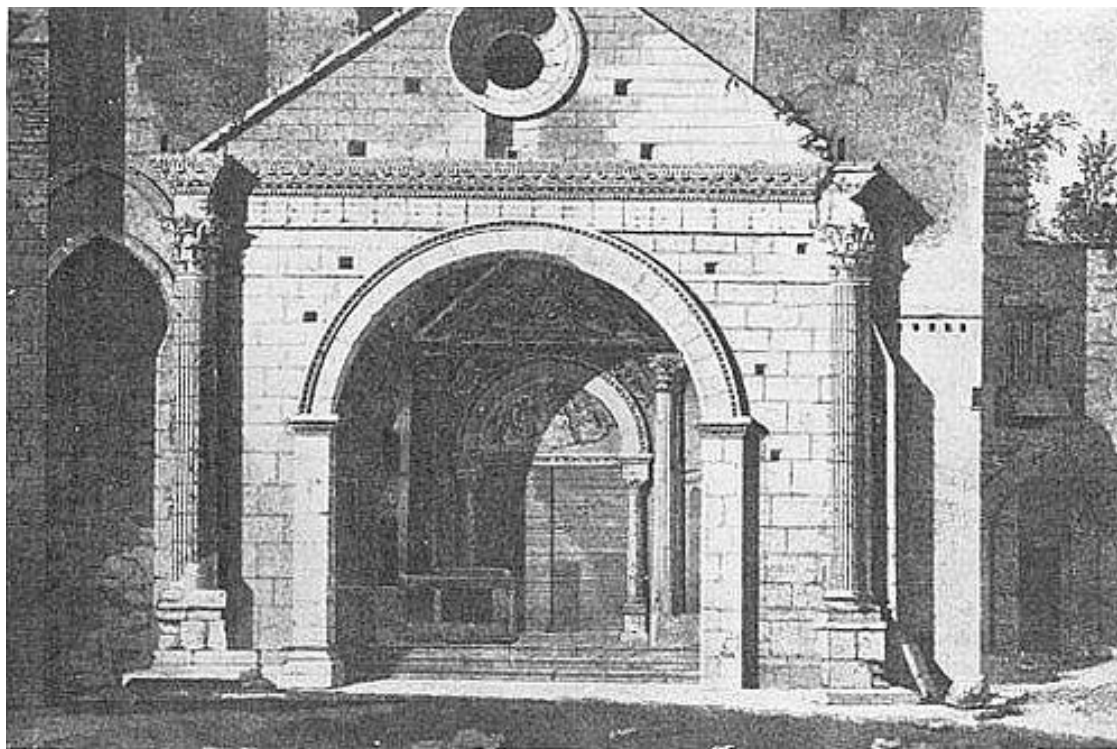

“ВНУТРИ ЕСТЬ НЕГЛУБОКИЙ БАЛКОН С ИЗЯЩНЫМИ БАЛЮСТРАДАМИ”. —АВИНЬОН. [\[К списку\]](#)

Эти пристройки, наложенные украшения и перестройки вместе с очень существенной основой примитивного собора образуют сегодня небольшую церковь в невпечатляющем стиле конгломерата, и, если не считать ее истории, не заслуживающую внимания. Таким образом, это церковь, интерес к которой почти полностью связан с прошлым; и путешественник возвращается в воображении, столетие за столетием, к эпохе папской резиденции, когда собор имел не только церковное значение, но и архитектуру в ее лучшем и наиболее чистом виде. Эта церковь, которую нашел Климент V, переехав в Авиньон, и которую до сих пор можно легко проследить, была построена в простом, примитивном провансальском стиле. Никакие даты того периода не являются достаточно точными, чтобы на них можно было полагаться; но интерес книги заключается не столько в хронологии, сколько в изображении общего типа. Интерьер

представляет собой обычную церковь с небольшим залом XI века, с ее нефом без проходов, состоящим из пяти пролетов, и простыми опорами, поддерживающими туннельную крышу с двойными сводчатыми арками. За последним проемом, над хорами, возвышается восьмиугольный купол собора, и через закругленные окна его фонаря проникает большая часть света во внутренний интерьер, который мрачен и лишен других важных окон.

Фасад является архитектурно одной из наиболее значимых частей церкви. Над порталом стена поддерживается с обеих сторон простыми тяжелыми контрфорсами и непосредственно продолжается массивной башней. В 1431 году эта башня заменила первоначальную, которая рухнула во время землетрясения 1405 года. Предположительно, он похож - тяжелый прямоугольник, который значительно перевешивает церковь; простой, с жесткими пилястрами и двумя этажами округлых окон; без изящества или должных пропорций, но приятный безупречной строгостью своих линий. Над балюстрадой, которой, можно сказать, завершается башня, религиозное искусство XIX века возвело в качестве своего вклада в собор ряд ступеней, восьмиугольник и колоссальную статую Богородицы неправильных пропорций. Эти пристройки негармоничны, и самой прекрасной частью фасада является крыльцо, настолько классическое в деталях, что раньше предполагалось, что оно римское, работы императора Константина. Как и остальная часть церкви, ее общая структура проста и несколько сурова, с небольшими, богато украшенными резьбой деталями, в данном случае в коринфском стиле. Округлый входной портал представляет собой антаблемент, окруженный как бы двумя поддерживающими колоннами; а вверху, в остроконечном фронте, находится круглое отверстие, любопытно предвещающее это великолепное развитие Севера — окно-розу. Проходя через вестибюль, туннельный свод которого поддерживает башню, появляется небольшой портал, почти точная копия внешней двери, и в целом образуется необычный способ входа, изящный в деталях, тяжеловесный по общему эффекту. Далеко за башней фасада возвышается последняя значимая деталь экстерьера - маленький фонарь. Это восьмиугольник с дорическими и коринфскими мотивами, продолжающий основные характеристики интерьера и чрезвычайно типичный для Прованса.

“КРЫЛЬЦО, ТАКОЕ КЛАССИЧЕСКОЕ В ДЕТАЛЯХ”. —АВИНЬОН.

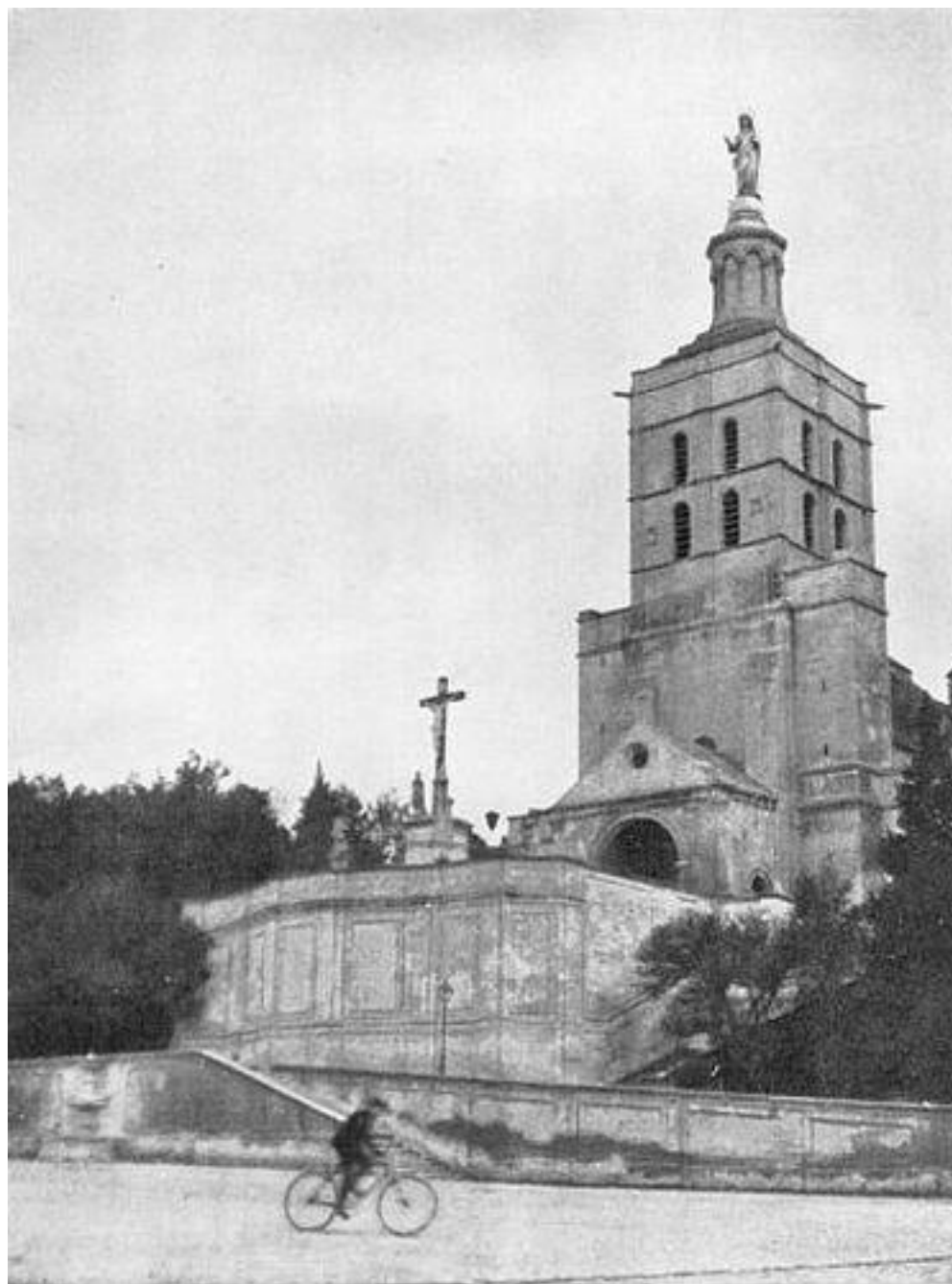
Со старой гравюры [\[Включить в список\]](#)

В эту церковь, с ее немногочисленными, необычайно классическими деталями, в ее провансальскую простоту, в ее очень скромные размеры и незатейливость была привнесена щедрость папской помпезности. Это было в 1308 году, в эпоху папских бурь и стрессов. Не прошло и десяти лет, как Бонифаций VIII, руководствуясь традициями Каноссы, подстегивающими его надменные амбиции, выпустил буллу против Филиппа III, которого он знал как плохого короля и которого должен был считать столь же плохим, мятежным христианином. “Бог, ” сказал прелат из Рима, “ поставил нас, хотя и недостойных, выше королей и королевств, чтобы мы захватывали, разрушали, рассеивали, строили и насаждали во имя Его и по Его учению. Поэтому не убеждай себя, что у тебя нет начальника и что ты не подчиняешься главе церковной иерархии; тот, кто так думает, бесчувствен, тот, кто утверждает это, неверующий”.

Действительно, прошли времена Генриха Германского, давно миновали те гордые дни, когда папа принимал императора, который стоял на коленях и ждал в снегу. Филипп сжег Буллу и, чтобы предотвратить другие подобные вспышки, послал агента в Италию. Собрав группу, он нашел престарелого понтифика в Ананьи, на родине, сидящим на троне, увенчанным тройной короной, с крестом в одной руке и Ключами Святого Петра в другой, ужасными Ключами Рая и Ада. Они призывали его отречься от престола, но Бонифаций подумал о Христе, своем Господе, и крикнул в вызывающий ответ: “Вот моя шея, вот моя голова. Преданный, как Иисус Христос, если я должен умереть, как он, я, по крайней мере, умру папой ”. Вместо ответа Скьярра Колонна, один из его собственных римских графов, ударил его по лицу. Сраженный дворянином и открыто отвергнутый королем, Бонифаций умер “от стыда и гнева”. Месяц спустя тот же король радовался, если не больше, смерти преемника папы римского; и в темных лесах Сен-Жан-д'Анжели Филипп заключил сделку и продал огромную тиару гасконскому архиепископу, который, если Виллани говорит правду, “бросился к ногам короля со словами: "Тебе приказывать, а мне повиноваться; таков всегда будет мой нрав!" Как не было ничего противоестественного, воля французского короля заключалась в том, чтобы папа оставался в зоне королевского влияния. Итак, Климент жил в Бордо и Пуатье и, наконец, удалился в графство Венессен, которым Святой Престол владел по праву, и основал папский суд в Авиньоне.

Этот перенос папской резиденции в Авиньон оставил много глубоких следов в истории французского католицизма. Святой Престол больше не был так далеко; у французского духовенства, жаждущего продвижения по службе, не было опасных гор, которые нужно было пересечь, не было незнакомого города, в который нужно было войти, не было иностранного понтифика, которого нужно было осаждать, невежественного или безразличного к его притязаниям. Следующим преемником Святого Петра, по логике вещей, должен был стать француз, и для каждого известного человека существовала не только возможность, но и вероятность того, что он может быть либо обладателем Священного Престола, либо его любимым сторонником. Так Авиньон стал городом священников, каким был Рим до нее; и поскольку Франция была богатейшей страной в Европе, а Церковь - по-королевски богатой, великолепии, роскошь и постоянные религиозные зрелища радовали город, и епископ, архиепископ и аббат, нагло пренебрегая обязанностями своих престолов, жили здесь и редко бывали “в резиденции”. У каждого были тайные амбиции. В такой ситуации папы не замедлили воспользоваться преимуществами. Разница в богатстве, которая влекла за собой разницу в положении, имела большое значение и остро ощущалась. Настоятели небольших монастырей оказались ниже епископов, особенно в том, что касалось свободы от папского вмешательства; в то время как из-за присущего им богатства и мощи их фондов главы крупных монастырей стояли иногда в одном ряду с архиепископами, иногда даже с кардиналами. Папа имел право возвысить аббатство или приорат до епископства, и те, кто мог предложить “удовлетворение” или “провокацию”, могли разумно надеяться на желаемое возвышение, которое сразу увеличивало их местное значение, принижало соседнюю епархию и в некоторой степени освобождало их от прямого вмешательства

папы. Заявок на такое увеличение власти стало много, и к 1320 году ряд бенедиктинских аббатств были преобразованы в епископства. Их создание значительно уменьшило прямую и интимную власть папства, но временно увеличило папскую казну; и Иоанн XXII, оставивший своим флорентийским банкирам десять миллионов серебряных монет и пятнадцать миллионов золотых, кажется, философски рассуждал: “После нас хоть потоп”.

СОБОР ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ.-АВИНЬОН [\[Перечислить\]](#)

Другим излюбленным дипломатическим и финансовым приемом, изобретенным этими знаменитыми авиньонскими папами, была система “Commende”, которая позволяла родственникам знати и всем тем, кого было желательно умиротворить, не только духовным лицам, но и простым мирянам и кровожадным баронам, становиться “Похвальными настоятелями” или “Похвальными приорами” и получать по меньшей мере треть монастырских доходов, никоим образом не отвечая за благосостояние монастыря. Эта забота была возложена на приора или заместителя приора, своего рода священнослужителя-администратора, который,

будучи ограничен в средствах и влиянии, иногда не мог, а иногда и не желал выполнять обязанности и благотворительность прошлых веков и который всегда был жертвой большой несправедливости. О том, до какой степени бесполезности довела эта печально известная практика монастырские учреждения, можно судить, если вспомнить, что до XVIII века в знаменитом аббатстве Ла Бом было тринадцать настоятелей, удостоенных похвалы, и что бастарды Людовика XIV были настоятелями похвалы в младенчестве.

Папы сочли Commende полезным не только как средство получения дохода, но и как метод — одновременно безопасный и прибыльный — привлечения на свою сторону крупных феодалов Франции и превращения власти этих лордов в как бы дополнительный буфер между Авиньоном и алчной мощью французских королей. Ибо, хотя папы находились под “особым покровительством” королей, это было как овцы под особым покровительством стригуна, и они обнаружили, что должны защищать себя от слишком “особого” и королевского обирания. Ибо они не всегда соглашались, что...

“Это самая лучшая пара, какая только может быть
, Чтобы обвенчаться по церковному обряду, и лилии
Должны либо вступить в брак по ошибке,
Тогда каждая - слишком поздно - признает, что так оно и было”.

“БАШНЯ ФИЛИППА КРАСИВОГО”. —ВИЛЬНЕВ-ЛЕ-АВИНЬОН. [\[К списку\]](#)

Преследуемые унижением своей посланной небом власти, заключенные в “вавилонский плен”, папы были слишком заняты или, возможно, слишком отвлечены, чтобы возражать против неподобающей скромности Собора Парижской Богоматери. Когда папа, только что коронованный, вышел из своего собора, чтобы произнести “*urbis et orbi*” свое первое папское благословение, его взгляд, правда, скользнул по толпе, распростертой ниц перед ним, перед церковью, охваченной благоговейным страхом и затаившей дыхание; но он задержался — его неудержимо влекло через быструю Рону к городу королей, бросивших вызов его власти, к королевскому городу Вильневу и к мощной башне Филиппа Красивого, гордо возвышающейся в лучах солнца. Было бы странно, если бы их мысли блуждали или если портреты “французских пап”, которые висят на стенах Авиньонского собора, демонстрируют больше мирской озабоченности, чем подобает преемникам Святого Петра и заместителям Христа?

Действительно, за годы своего пребывания в риме папы мало что добавили к Собору Парижской Богоматери. Хрупкое, стройное чудо готической архитектуры, гробница Иоанна XXII, была установлена в нефе перед алтарем, а в церкви был установлен памятник Бенедикту XII. Но их Святость так успешно побуждала других жителей Авиньона к добрым делам, что Рабле со смехом называл его “Звенящим городом” церквей, обителей. Колокола Сен-Пьера, Сен-Симфориана, Сен-Агриколя, Сент-Клер и Сен-Дидье перезванивались с колокольнями часовен и религиозных фондов; серые кающиеся, черные кающиеся и Белые Кающиеся, священники и монахини ходили по улицам, и Авиньон стал поистине папским. Климент V и его преемники приступили к обеспечению своего мирского благополучия поистине благородным образом; и едва ли пятьдесят лет спустя они были настолько довольны своим новым местом жительства, что великолепный Климент VI отказался уезжать, несмотря на мольбы Петрарки, Риенци и целой депутации римлян.

Во время правления этого понтифика папский двор стал одним из самых веселых в Христианском мире. Климент был откровенно, радостно чувственен; и его жизнь кажется одним трогательным зрелищем, в котором роскошные банкеты, красивые женщины и церковная помпезность сменяли друг друга. Прекрасная графиня Тюренин продала его привилегии, огромное сокровище Иоанна XXII перешло к нему, и он осыпал благодарную семью такими подарками, что из пяти кардиналов, сопровождавших его тело из Авиньона, один был его братом, один двоюродным братом и трое племянниками; и то, что гугеноты, осквернившие его могилу в Лашез-Дье, использовали его череп в качестве кубка для вина, кажется ужасной, но не неподходящей насмешкой. Напрасно Петрарка пылко писал: “Папа держит Церковь Иисуса Христа в позорном изгнании”. Желание вернуться в Рим прошло.

Авиньон не был ни первоначальным, ни полным владением Святых отцов, но “прекраснейшим наследством Беранже”, и именно у этой семьи пришлось отвоевать — или заполучить - половину города. Теперь лорды Прованса были королями Неаполя и Сицилии и, следовательно, вассалами Святого Престола. Ибо, когда норманны отняли эти южные государства у греков и тем самым навлекли на себя зависть всей Италии, они осторожно поставили себя под защиту папы и согласились сохранить свои новые владения в качестве папской инвеституры. Случилось так, что в это время вассалом папы римского в Неаполе и на Сицилии была красавица “Рейно Джоанно”, наследница Прованса. То, чем она была, ни один писатель не смог бы описать лучшими словами, чем эти: “с необычайной красотой, с неувядающей молодостью, с рыжими волосами, в спутанных прядях которых отражается солнечный свет, с приятным голосом, поэтическими способностями, царственной властью, галльским остроумием, подлинным великодушием и восторженным благочестием, со странной нерешительностью и прямоотой чувств при крайностях великолепия и нищеты, именно такой прекрасной, порочной, сбивающей с толку женщиной была она, правнучка Раймона-Беранже, четвертого графа Прованса, ученица Боккаччо, друг Петрарки, враг святой Екатерины Сиенской, самая опасная и ослепительная женщина XIV века. Натура этой королевы

была настолько типично провансальской, что, живи она несколькими столетиями позже, она могла бы быть сестрой Мирабо. Тот же "ужасный дар фамильярности", тот же талант завоевывать расположение и влиять на народные собрания, та же чувственность, дерзкая отвага и великая щедрость были обнаружены в этой рано осиротевшей, трижды овдовевшей наследнице Прованса. По сей день память о Рейно Джоанно живет на ее родине, ассоциируясь с множеством башен и крепостей, стиль архитектуры которых свидетельствует об их происхождении во времена ее правления. О ее личном увлечении многое говорит тот факт, что ее не только не проклинают и не обвиняют, но и по-прежнему помнят и восхваляют. Руины Гremo, Тур-Дренмона, Гийома и замка близ Роккасперверы носят ее имя: в Драгиньяне и Флагозе рассказывают, что ее канал снабжал город водой на протяжении поколений; в Эстерелях крестьяне, получившие бесплатно землю, до сих пор называют к своей благодетельнице. В Сен-Валье она благословлена, потому что защитила деревушку близ Сианя от притеснения орденов Грасса и Лерена. В Эксе и Авиньоне ее слава неувыдаема, потому что она разогнала несколько банд разбойников; в Марселе она популярна, потому что изменила и уладила юрисдикцию виконтов и епископов. Поднимитесь в Грасс и на большой площади, где деревья отбрасывают мерцающую тень на уличных торговцев, вы увидите построенный в сводчатом проходе пролет каменных ступеней, ступени, о которых каждый босоногий ребенок скажет вам, что они принадлежат дворцу "Ла Рейно Джоанно". Стены были изменены, ворота исчезли, но по этим истертым временем ступеням когда-то ходила сеньора Прованса, несравненная "прекрасная озорница", чья вина ... это навсегда останется одной из загадок истории". Эта "загадка" имеет странные аналогии с той, которая озадачивала и волновала писателей многих поколений, - с тайной другой "прекрасной проказницы" более позднего столетия, Марии, королевы Шотландии. Как и Мария, Жанна была обвинена в убийстве своего молодого мужа, и под давлением мести его брата — не меньшей личности, чем король Венгрии, — она решила вернуться в свой родной Прованс и обратиться к папе, своему галантному и не слишком щепетильному сюзерену. "Жанна высадилась в Поншетте, " продолжает автор, который так удачно описал ее, " и консулы прибыли заверить ее в своей преданности. "Я пришла, - ответила наследница, чье остроумие всегда подсказывало удачную фразу, - просить о ваших сердцах и ни о чем, кроме ваших сердец". Поскольку она не упоминала о своих долгах, чернь приподняла шапки; принц Монако, только что излечившийся от раны при Креси, предоставил к ее услугам свою шпагу; а барон де Бениль, с поличным обвиненный в жестоком убийстве, умолял ее о покровительстве, которое, возможно, из товарищеских чувств, она пообещала с большой готовностью. В Грассе она покорила все сердца и дала еще много обещаний, и, наконец, прибыв в Авиньон, она обнаружила, что Климент жаден до города и хорошо расположен к ней. Однако мораль обязывала его потребовать объяснения ее недавней смены мужей, и перед тремя кардиналами, которых он назначил ее судьями, королева отстаивала свое собственное дело. Ни малейший румянец не заиграл на ее щеках, никакая дрожь не изменила ее мелодичного голоса, когда она стояла перед облаченными в красные одежды князьями Церкви и на беглой латыни рассказывала историю убийства Андрея, смерти своего ребенка и своего брака с убийцей, Людовиком Тарентским, который стоял рядом с ней. Хитрый папа заметил за ее спиной гордых провансальских дворян, Вильнево и д'Агу, де Бо и Лескари, которые принесли присягу холмам и которые не знали, что, уже продав евреям свои драгоценности, их прекрасная королева заключила с папой авиньонский договор. Формальный суд закончился, понтифик торжественно объявил королеву невиновной, и она подарила ему город за восемьдесят тысяч золотых".

“БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦ”.—АВИНЬОН. [\[Перечислить\]](#)

Климент наслаждался собственностью таким же приятным образом, как и его предшественники, “не развязывая кошельков”. Возможно, он использовал содержимое кошелька для более насущных притязаний на большой дворец, значительную часть которого он построил; возможно, он вручил его, все еще наполненный, Иннокентию VI, который построил знаменитые укрепления Авиньона и защитил себя от мародерствующих “Белых отрядов”, возможно, он все еще был нетронут, когда Бертран дю Геклен и его Большая компания стояли перед воротами и требовали “благословения, отпущения грехов и двухсот тысяч фунтов стерлингов”. “Как!” как говорят, воскликнул папа. “Неужели мы должны давать отпущение грехов, за которое здесь, в Авиньоне, платят, а потом еще и деньги — это противоречит здравому смыслу!” Дю Геклен ответил тому, кто произнес эти слова: “Здесь много тех, кто мало заботится об отпущении грехов и много о деньгах”, — и Урбан уступил.

Григорий XI, последний из “французских пап”, вернулся в Рим, и после его смерти последовал “Великий раскол”; —Климент VII в Авиньоне был признан Францией, Испанией, Шотландией, Сицилией и Кипром; Урбан VI в Риме - Италией, Австрией и Англией. Графство Венессен было опустошено войнами и вредителями, которые пришли с их помощью. В конце концов авиньонцы, которые не наслаждались большим миром при своих помазанных правителях, чем при мирских графах, восстали против Пьера де Луна, “антипапы” Бенедикта XIII, который бежал. С тех пор ни один понтифик не входил в ворота, и городом управляли папские легаты. В более поздние времена, несмотря на священный характер его правителей и свою собственную несомненную ортодоксальность, Людовик XIV несколько раз захватывал Авиньон; а Людовик XV, в отнюдь не сыновней мести за отлучение герцога Пармского, завладел городом. Но только после начала Французской революции, в 1791 году, сами авиньонцы восстали, изгнали вице-легата папы римского из города и призвали к союзу с Францией; и именно в этот период были снесены часовня Святой Марты, монастырь и здание Капитула. Так закончилась светская власть папства во Франции, спланированная ради мирской выгоды и осуществленная со многими грязными компромиссами; —резиденция, не отмеченная великими делами или благородными намерениями и закрытие которой ознаменовало “Великий раскол”.

Сегодня папский Авиньон превратился во французский Авиньон, приятный город, где жарко светит провансальское солнце и где весело посвистывает Мистраль. Над берегами Роны возвышается простой кафедральный собор, священники которого все еще облачены в папское красное, а Воинство по-прежнему облачено в белые папские доспехи. Здесь также находится большой дворец пап, “который действительно,” говорит Фруассар, “является самым прочным и

великолепным зданием в мире”. И все же его мрачные стены не предполагают ни мира, ни отдохновения; и тому, кто вспоминает, это огромное, впечатляющее сооружение не говорит ни о славе, ни о триумфах. Отряды неверующих Пастуро маршировали к нему; солдаты “Белых рот” и солдаты дю Геклена насмешливо смотрели на него; это была тюрьма Риенци и дом измученных пап, у которых всегда была перед ними, прямо за рекой, грозная башня того “прекрасного короля”, который привел их в “вавилонский плен”.

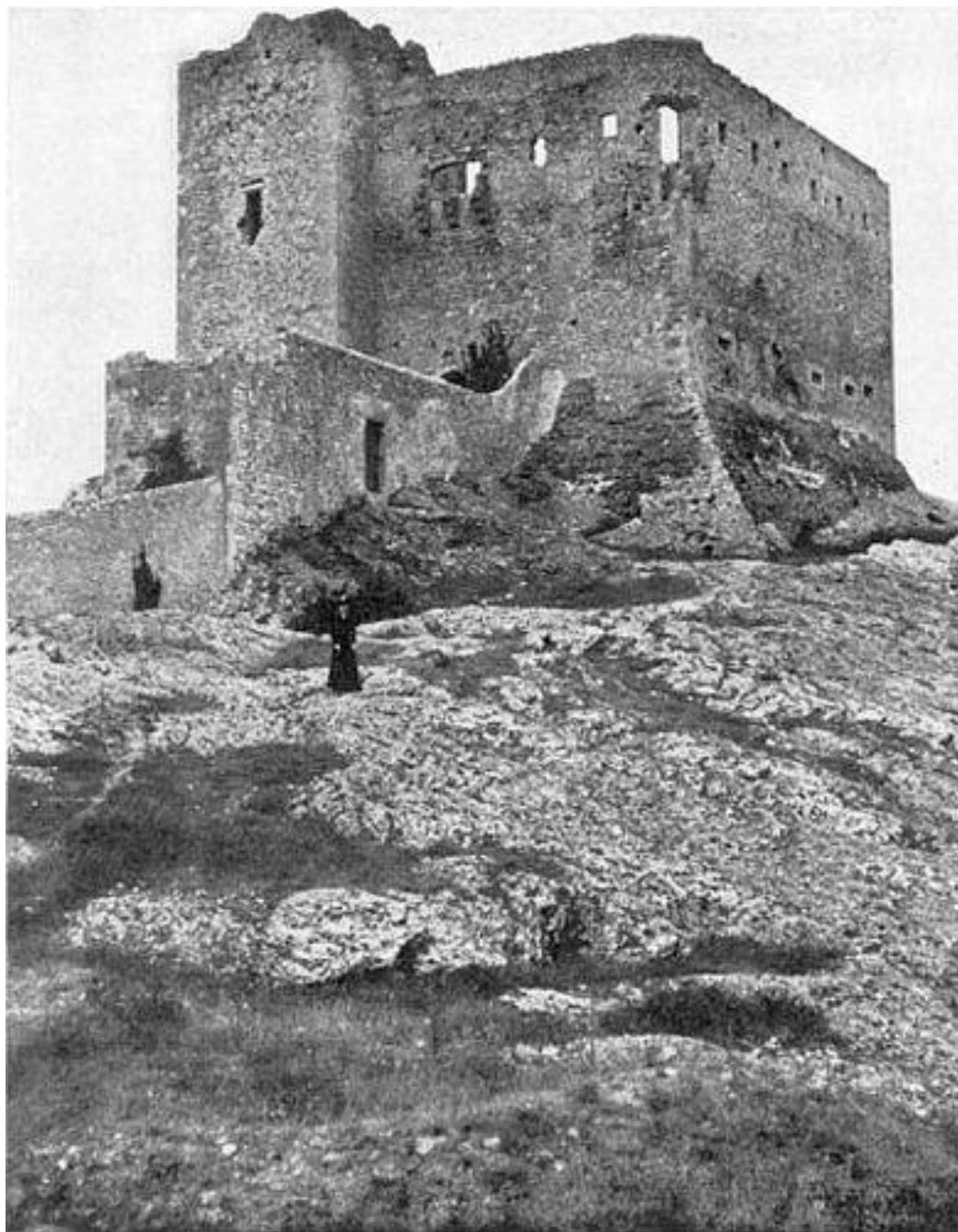
Vaison.

Наверх

На берегах приятной маленькой речки среди провансальских холмов расположен Везон, один из древних галльских городов, который был полностью романизирован; и многие знатные семьи Империи имели там летние виллы, как, например, в Арле и Оранже. Варвары той или иной эпохи опустошили Везон со всеми его древними сокровищами, за исключением остатков Амфитеатра на холме Пуймин. Германские племена, вторгшиеся в первые века, разрушили ее виллы и более крупные здания; а более поздние вандалы разбросали тут и там ее скульптуры и таблички. Некоторые из них находятся в галереях Авиньона; Бел, единственная найденная во Франции, была отправлена в музей Сен-Жермен; а среди множества сокровищ Британского музея самая красивая из всех ее статуй, Диадумен, художественно утрачена. В те дни, когда он еще украшал город, во время правления императора Галлиена, Везон был обращен в христианство святым Руфом, было основано ее епископство, а в 337 году здесь собрался первый Генеральный собор Церкви в Галлии. Еще один Собор в V веке и еще один в VI являются доказательствами ее неизменного значения.

“НА БЕРЕГУ ПРИЯТНОЙ МАЛЕНЬКОЙ РЕКИ НАХОДИТСЯ ВЕЗОН”. [\[Перечислить\]](#)

“РАЗРУШЕННЫЙ ЗАМОК ГРАФОВ ТУЛУЗСКИХ”.—ВЕЗОН. [\[К списку\]](#)

Один из первых галло-римских городов, она также была одной из первых, кто пострадал. Крок и его орда, разграбившие Оранж, схватили ее епископа и убили его; а аланы, вандалы и бургунды, следовавшие за ними по пятам, обрушивали бедствие за бедствием на города, расположенные близ Роны. Везон чудом не утратила своего престижа. В X и XI веках она построила свой прекрасный собор с монастырями, и в 1179 году она все еще была достаточно велика, чтобы возбудить алчность Раймона VI, графа Тулузского. Этот великолепный и честолюбивый принц построил замок на возвышенности над городом, и как раньше он терроризировал милорда епископа Карпантраса, так и теперь он захватил помазанника Беранже де Рейльхана, который был не только епископом Везона, но и ее временным принцем. Беранже был достаточно влиятельной

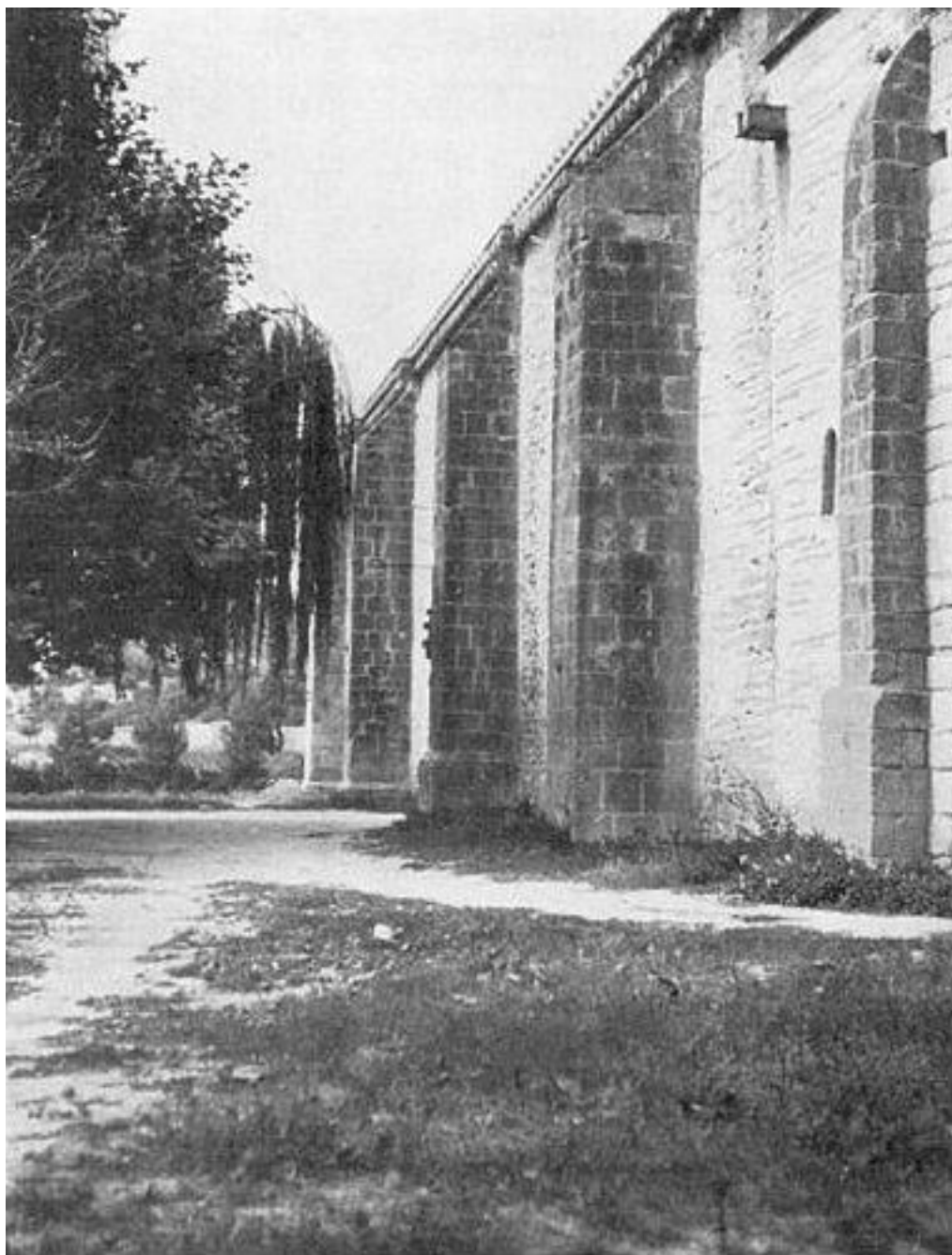
личностью, чтобы поднять шум, который отозвался эхом по всему христианскому миру; папа и император пришли ему на помощь; и в церкви аббатства Сен-Жиль-дю-Гар Раймонд VI принес торжественную епитимью и, прежде чем получить отпущение грехов, был публично избит папским легатом связкой березовых прутьев. Над Епископским дворцом все еще угрожающе возвышался огромный замок, но в тот день Беранже де Рейлан одержал победу, и в Везоне воцарился мир.

Это был покой, предвещавший ее тихое, без происшествий падение. Ибо в стране укреплялись другие интересы, другие города росли там, где она стояла на месте, и в XIV веке, когда Авиньон стал резиденцией папской власти, Везон исчез из мировой истории. Ее епископство просуществовало до 1801 года, но ее деяния достойны только провинциальных хроник, и сегодня она всего лишь маленький провинциальный городок, обслуживаемый почтовой каретой. Она все еще раскинулась по обоим берегам реки; “высокий город” с длинными рядами заброшенных домов поднимается по склону крутого холма, над которым возвышаются руины большого замка, разрушенного Ришелье. “Нижний город”, самый оживленный из двух, лежит на противоположном берегу; и на его окраине, в маленьком саду, почти окруженном полями, стоит Собор — уединенный, безлюдный и старый.

“ВЕСЬ КОНЕЦ АПСИДЫ”.-ВЕЗОН. [\[К списку\]](#)

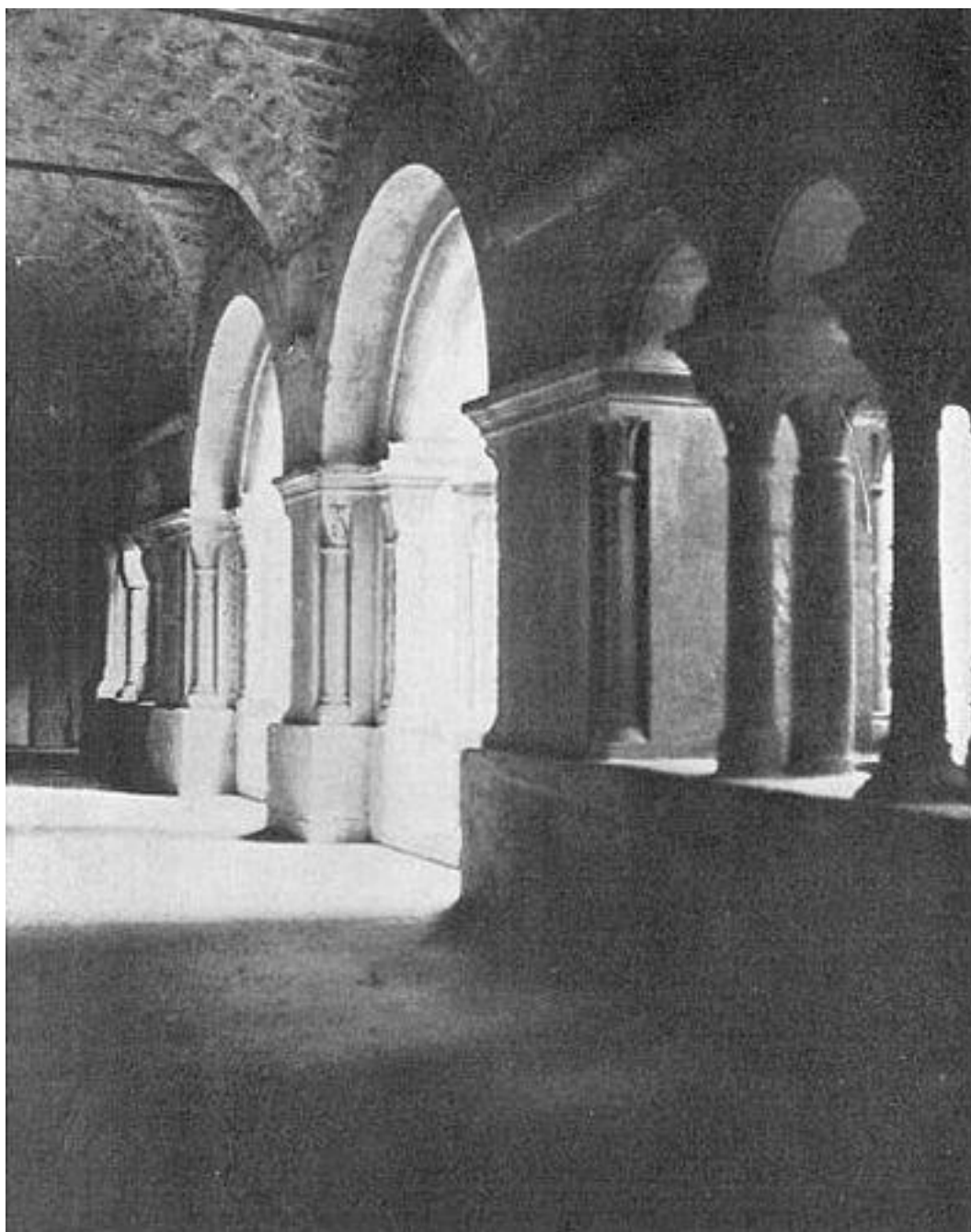
Внешняя отделка незначительна, зубчатый карниз и изящный листовой фриз тянутся по верху боковых стен, которые, хотя и построены наиболее просто, далеки от строгих угловатостей и имеют причудливую и приятную гармонию линий. Западный фасад настолько невыразителен, что едва ли заслуживает названия фасада. Южная стена, которая хорошо видна с дороги, имеет небольшой портал и простые контрфорсы, которые наклоняются вверх. Центральная апсида прямоугольная и тяжелая, маленькая южная апсида короткая и круглая, а северная высокая и тонкая, как перечница. За ними возвышаются остроконечная крыша нефа и тяжелая башня. Весь конец апсиды построен в самой живописной неправильной форме, а новая красная черепица на крыше и темно-серый цвет старого камня значительно усиливают его очарование.

“ЮЖНАЯ СТЕНА, КОТОРАЯ ХОРОШО ВИДНА С ДОРОГИ”. —ВЕЗОН. [\[К списку\]](#)

В отличие от многих церквей того времени, Нотр-Дам-д'Везон имеет три нефа. Стройные, узкие нефы, своды туннелей которых не слишком высоки, заканчиваются небольшими круглыми апсидами. Неф представляет собой короткий пролет из трех неправильной формы, а над последним, который предшествует храму, находится небольшой восьмигранный купол, который вместо того, чтобы выступать над крышей, странным образом расположен немного ниже, чем туннельные своды других пролетов. Главный алтарь, который первоначально принадлежал более старой церкви, удачно расположен на простом хоре; ибо по стилю, если не по сути, он принадлежит первым векам Веры; и в полумраке за алтарем старый епископский престол все еще стоит у стены апсиды в память об обычае первых дней существования Церкви. Низкие арки нефов, приглушенное освещение церкви, ее простые орнаменты из классических полос и маленьких капителей, небольшие неровности формы и резьбы придают интерьеру изысканную и строгую античную простоту.

Маленькая дверь в северной стене ведет в Монастыри, которые, к счастью, находятся в состоянии полной реставрации, а не “практически в руинах”, как описал их современный писатель. На стене, которая выходит на них, есть надпись, призывающая каноников “с терпением переносить северную сторону своих келий”. Короткие проходы имеют туннельные своды с поперечными сводами по углам и в некоторых частях северного прохода. Большие опоры и маленькие прочные колонны поддерживают внешние своды; а с внешней стороны Монастыря маленькие арки колонн заключены в большую круглую арку. Многие капители не украшены резьбой, на некоторых опорах нанесены колонны, но многие из них украшены прямыми линиями резьбы. С одной стороны два прохода выходят на землю, образуя вход в pretty close, где густые верхушки нескольких высоких деревьев отбрасывают мерцающие тени на окружающие стены и небольшую травянистую площадь.

“ДВА ОТСЕКА ВЫХОДЯТ НА ЗЕМЛЮ”. —ВЕЗОН. [\[К списку\]](#)

Монастырь небольшой и простой в своем довольно тяжеловесном изяществе. Шум и волнения кажутся далекими от него, а под его прочным округлым сводом царит покой и укрытие от мира. И в его твердой архитектуре присутствует дух совершенной тишины, безмятежного очарования, которое, должно быть, незаметно успокоило многих беспокойных душ, которые раздражались под церковным одеянием и скрывались в его стенах в поисках убежища и полезных размышлений.

“БОЛЬШИЕ ОПОРЫ И МАЛЕНЬКИЕ ПРОЧНЫЕ КОЛОННЫ”. —ВЕЗОН. [\[К списку\]](#)

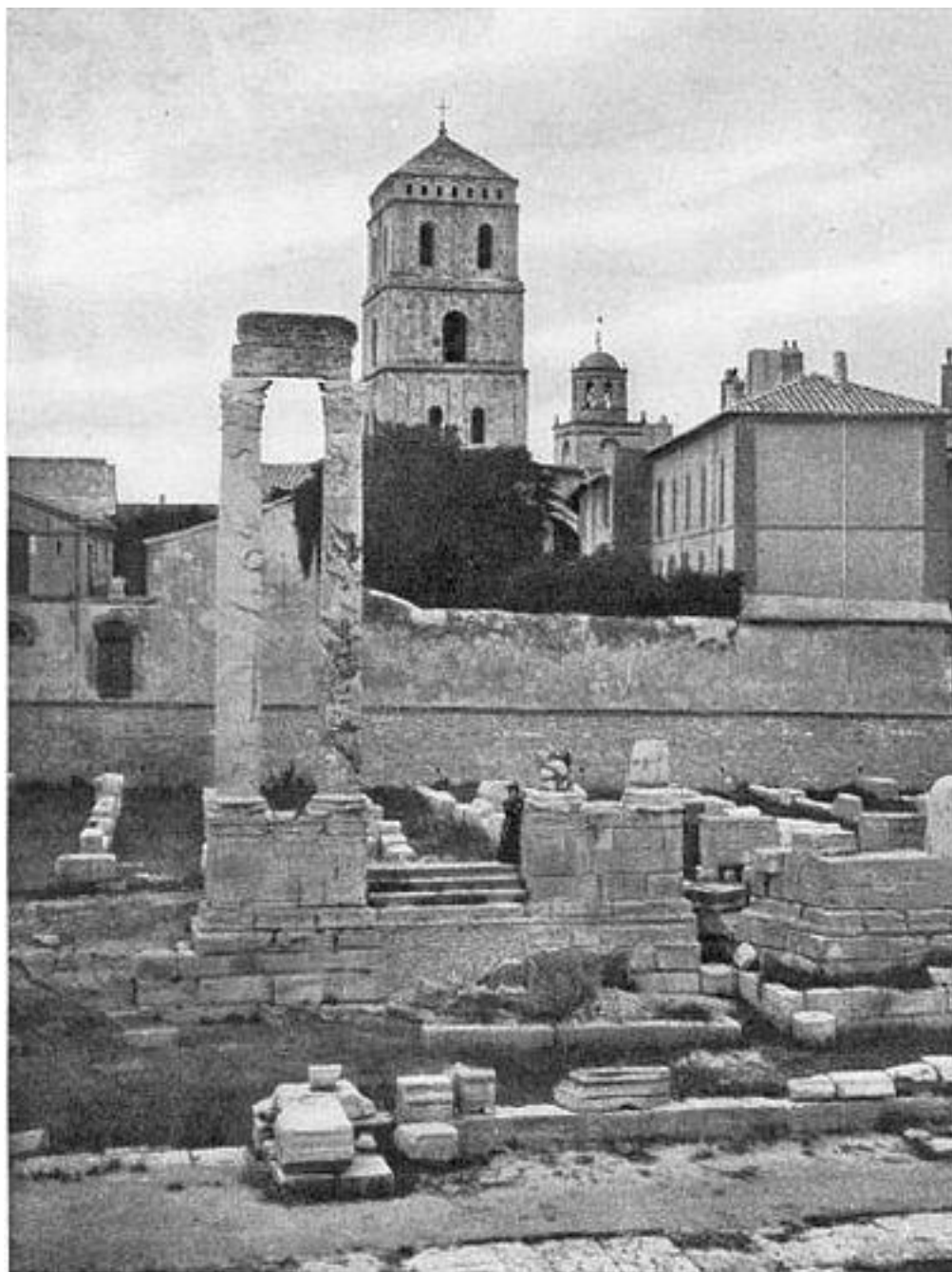
Немногие провансальские соборы представляют такой интерес, как Везон и его монастырь. Расположенный в забытой долине реки Увез, в старомодном городке, все его окрестности говорят о прошлом, а атмосфера совершенно нетронутая. Сама церковь избежала разрушительных реставраций; и хотя в ней нет роскоши, как в Марселе, нет величия, как в Арле, нет волнующей истории, как в церквях, расположенных у моря, хотя она одна из самых маленьких и почтенных из всех, ни один собор Южной Страны не обладает таким большим архитектурным достоинством и сочетается с таким древним и таким причудливым очарованием.

Arles.

[Наверх](#)

Среди множества античных руин, рядом с Театром, Колизеем и Форумом этого “маленького Рима галлов”, возвышается величественный памятник более грубых эпох христианства - собор Сен-Трофим. Здесь был посвящен святой Августин, апостол Англии; здесь состоялись три Генеральных собора Церкви, здесь донатисты были обречены на вечный огонь, и сюда император Константин, должно быть, прибыл из своего летнего дворца на Роне, чтобы “помочь” во время мессы. Здание, в котором разыгрывались эти торжественные сцены ранней Церкви, вскоре исчезло и было

заменено нынешним, более старые стены которого Ревуаль относит к IX веку. Первая документальная дата нынешнего собора - 1152 год, в эпоху Республики Арль. Название Сент-Этьен было изменено, а тело святого Трофима, торжественно перенесенное из разрушенной церкви Алискамп, было погребено под новым алтарем, и он был торжественно провозглашен Покровителем самой богатой и величественной церкви во всем Провансе.

“ПОСРЕДИ БОГАТСТВА АНТИЧНЫХ РУИН”. —АРЛЬ. [\[К списку\]](#)

Почти восемьсот лет спустя путешественник стоял перед порталом этой церкви. В разгар своего восхищенного изучения он вдруг почувствовал притяжение пары внимательных глаз и, обернувшись, обнаружил, что крестьянка пристально смотрит на него. Охваченная странным увлечением, она положила рядом с собой на землю две огромные дыни и гигантский кочан капусты, а ее высохшие руки были сложены перед собой по воскресному обычаю. Она была маленькой ведьмой, старой, сгорбленной и загорелой.

“ФАСАД СЕН-ТРОФИМА”.—АРЛЬ. [\[К списку\]](#)

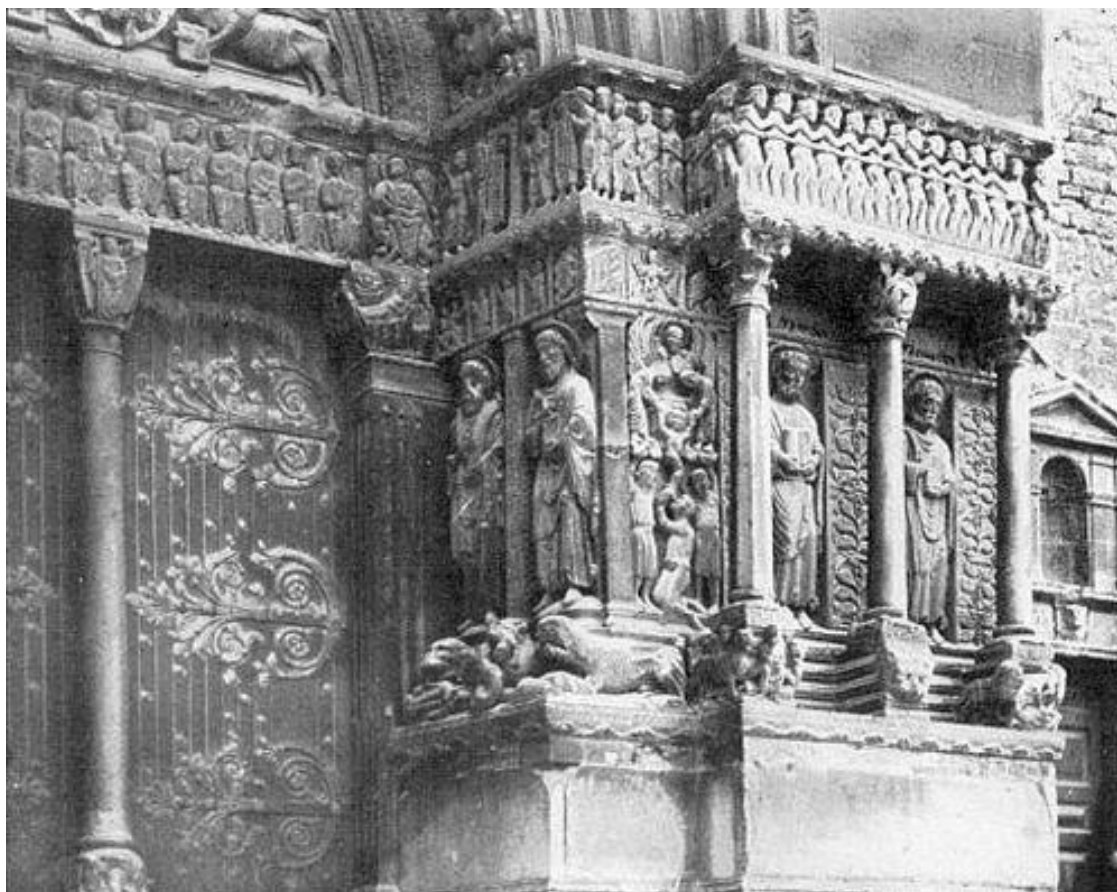
“Да, мой добрый джентльмен, - сказала она, - я смотрела на вас целых пять минут, и это принесло мне много пользы. В наши дни книг и такой прекрасной учености не хватает времени, проводимого перед нашей дверью; и я, проходящий мимо нее каждый день, из года в год, я хорошо наблюдал, и только двое, кроме вас, когда-либо изучали ее. Иностранцы приходят с красными книжечками и смотрят на них больше, чем на саму дверь, — они остаются минуты на три и уходят, покачивая своими мудрыми головами. Наши люди, проходя мимо каждый день, видят только дверь, место, куда можно входить и выходить. Она сделала паузу, чтобы перевести дух.

“И что же ты видишь?” - спросил путешественник.

“ Ты спрашиваешь меня? Она мудро улыбнулась. “ Но ты знаешь, раз уж ты стоишь здесь и тоже смотришь. Послушай! И ее старые глаза заблестели. “Я расскажу тебе о времени до твоего рождения. Я тогда была ребенком; и мы маршировали сюда каждое воскресенье, другие

маленькие девочки и я, и мы стояли перед этой дверью. И монахини — часто это была сестра Мэри Долороза — рассказывали нам истории об этих камнях. Смотрите! Вот Наш Господь, Который любит все человечество, но должен судить и нас; — и вот Святой Трофим. Но я не умею читать, месье. У старой крестьянки нет времени на такие изысканные вещи, и вы будете смеяться надо мной за то, что я рассказываю вам, что есть в ваших книгах, — но у меня все это здесь, здесь, в моем сердце, и я тоже часто прихожу освежить свою старую память и помолиться. Эти картинки преподают великие уроки тем, у кого есть глаза, чтобы увидеть их. Ну что ж, добрый день, я должен забрать свои дыни и уйти, ибо я отнял у вас время и сказал слишком много. Но ты простишь это пожилой женщине, которая сейчас мало на что годна, кроме как на разговоры.

Они расстались в истинно французской манере, “выразив взаимное уважение”, и путешественник повернулся к portalу, который все еще выполнял свою древнюю миссию учить и украшать Дом Божий. Примененный к строгому фасаду, типичному для незамысловатых внешних стен Прованса, это одно из благороднейших произведений средневековья, самый богатый и красивый портал Юга Франции; и никакие другие в Миди, за исключением Сен-Жиль-дю-Гара и Муассака, не заслуживают сравнения с ним. По смелости и интеллектуальности замысла она превосходит многие северные работы и не уступает лучшим из них. Ибо строитель северного портала, по-видимому, строго придерживался одной архитектурной формы, прекрасной условности готического стиля; и внутри этой двери он более или менее обычным образом разместил предметы, санкционированные Церковью. Почти в каждом случае трактовка предмета подчинена общему архитектурному плану и симметрии. В Сен-Трофиме были ограничения пространства, аксиома о том, что дверь должна быть дверью, и, несомненно, множество допустимых сюжетов. Но в этих необходимых рамках неизвестный скульптор признавал мало условностей. Обычное место для изображения Страшного суда, тимпан, был слишком мал для его представления о сцене; опора, разделяющая его дверной проем, не была построена для того, чтобы поддерживать статую святого покровителя церкви; у него было множество фантазий, и вместо того, чтобы обуздать их какой-нибудь красивой условностью формы, как, чувствуется, часто делали великие северные строители, этот художник создал рамку, внутри которой его идеи нашли свободное применение, и, дав условностям волю, его гений оправдал себя. Ибо не только портал в целом полон достоинства и истинной симметрии, но и его детали тщательно проработаны. Они демонстрируют старую схоластическую форму его Веры, понимание ума неизвестного мастера, интеллектуальность его символизма, и немногие порталы вызывают такое восхищение, как этот, немногие обладают такой интересной оригинальностью.

“НУЖНАЯ ДЕТАЛЬ, ПОРТАЛ”.—АРЛЬ. [\[К списку\]](#)

По дизайну он прост, по исполнению несравненно богат. Главной темой "Страшного суда" является Христос, восседающий на троне в качестве центральной фигуры, а вокруг него расположены символы четырех евангелистов. Это обработка тимпана. Внизу прекрасный фриз образуют Патриархи, Святые, Праведники и Осужденные. Апостолы сидят, а слева от них ангел, охраняющий врата Рая от двух епископов и толпы мирян, которым еще предстоит полностью искупить свои грехи в Чистилище. За ними, обнаженные, с ногами в пламени, стоят те, кто приговорен к вечному Аду; а еще дальше находится более низкая глубина, где души уже наполовину сгорели в отвратительном огне. Справа от Апостолов изображено начало нашей человеческой истории, Искушение Адама и Евы; и с этой же стороны к святым людям движется длинная процессия Искупленных после грехопадения Адама, облаченных в праведность. Ангел проходит перед ними и вручает маленького ребенка — искупленную душу — Аврааму, Исааку и Иакову. Финальные панели посвящены последним фазам доминирующей темы; — гигантский ангел на одной из них взвешивает души умерших; и столь же внушающий благоговейный трепет дьявол на другой готовится бросить двух Заблудших в море огня.

Остальная часть портала рассказывает о многих предметах и представляет большую часть теологической символики своего времени. Легкие, изящные колонны с изящно украшенными листьями капителями и основаниями, богатыми многозначительными скульптурами, разделяют нижние помещения на ниши, и в этих нишах стоят статуи апостолов и Святых, у каждой своя история, у каждой свои особые атрибуты; и вокруг этих главных фигур вырезаны богатые узоры, диковинные животные и бесчисленные короткие библейские рассказы. Вверху - небольшой вспомогательный фриз; внизу - пьедесталы, рассказывающие историю о тех, кто стоит на них. Фигуры полны жизни и смысла, если не истинной пластичности; и в этом портале есть поучение, разнообразие и величие, богатство аллегорий и тонких символов для тех, кто любит религиозные мистерии, и великолепие скульптуры для тех, кто приходит в поисках искусства.

Есть те, кого простая красота не привлекает. После богатства резьбы на портале интерьер Сен-Трофима кажется им “слишком простым”; в тщетном сравнении с изяществом монастыря он кажется “слишком суровым”; и один автор написал, что только “когда отблески средиземноморского солнца проглядывают сквозь ряд длинных копий ... тогда и только тогда собор Сен-Трофима предлагает какой-либо стимул задержаться в его невпечатляющих стенах”.

Нельзя отрицать, что, как и почти во всех соборах Прованса, этот интерьер пострадал от добавления негармоничных стилей. Самым серьезным из них является его готический хор XV века, который некий кардинал Луи Аллеман применил к более узким романским нефам. Благодаря неправильной форме амбулатории, часовням различных размеров и общему несоответствию плана, это сооружение не имеет никакого архитектурного значения, за исключением того, что занимает видное место в богослужении церкви. Оставшиеся наросты, готические капеллы, ионические пилястры, эллиптическая трибуна и тому подобное удачно спрятаны вдоль боковых проходов или в трансептах; а во время реставрации Ревуаля нефы были освобождены от уродующих “улучшений” XVII века и стоят сегодня во многом в своей прекрасной старой простоте. За пятым отсеком возвышается башня с величественным куполом провансальской формы, который опирается на нижние арки перехода. Маленькие окна верхнего этажа отбрасывают полосы бледного света на простые опоры, прямоугольные и тяжелые, которые поднимаются, поддерживая свод туннеля, и делят церковь на три нефа большой и стройной высоты.

Строгий, аскетичный стиль XI и XII веков придал простенкам нефа лишь небольшие простые полосы в качестве капителей, а для церковного украшения допустил только лепнину из листьев аканта, расположенную высоко и незаметно у основания свода. Здесь нет приятных деталей и очаровательной фантазии; но тонкая, изысканная возвышенность, безупречный баланс пропорций присутствуют в этом строгом интерьере, и его торжественной и величественной красоте нет равных в южном романском стиле.

“ЛЕВАЯ ДЕТАЛЬ, ПОРТАЛ”.—АРЛЬ. [\[В список\]](#)

За южным трансептом короткий проход и несколько ступенек ведут к Монастырям, самым знаменитым в Провансе, возможно, и во Франции. Большие, изящные и великолепные богатством резьбы, они, тем не менее, лишены того поэтического очарования, которое присуще многим монастырям меньшего размера. Своды не красивее других, менее известных сводов; хотя им помогают большие опоры, маленькие, стройные колонны кажутся слишком легкими, чтобы поддерживать такое большое пространство крыши, и даже башня церкви, квадратная и высокая, кажется карликовой, если смотреть на нее вблизи. Само пространство располагает к уединению, а длинная перспектива прогулок скорее располагает к смутным размышлениям, чем к спокойным часам раздумий. Здесь нет ни мечтательного уединения Везона, ни яркой красоты маленького городка Эльне, ни той солнечной жизнерадостности, которая украшает ветшающие стены Кагора.

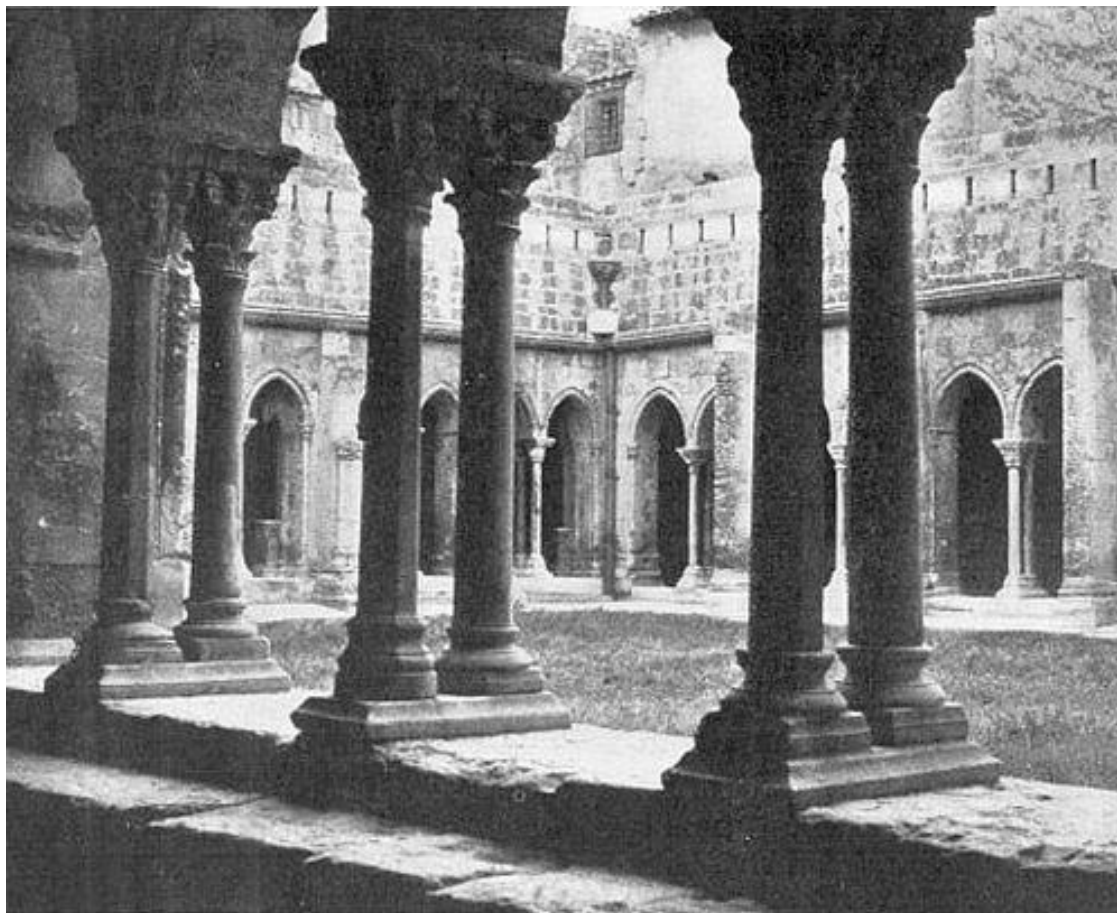

“СКВОЗЬ
АРКИ МОНАСТЫРЯ”.-АРЛЬ. [\[Перечислить\]](#)

Чудом этих монастырей являются скульптурные украшения их опор и колонн. Постройки XII века самые богатые, но каждый из более поздних строителей, похоже, соперничал, насколько мог, в богатстве концепции и обилии деталей с теми, кто жил раньше, и даже при вынужденной перестройке добавление готики к романскому стилю не нарушило гармонии эффекта. Во всех схемах скульпторов наружные части двойных колонн были украшены слоистыми узорами или несколькими простыми символами, а внешние части опор были канализированы и условно вырезаны; и хотя фантазия скульптора удивительно тонка и полна изящества, его величайшее искусство было зарезервировано для капителей внутренних колонн и внутренних граней опор, которые могли видеть и изучать медитирующие священники. Символизм, разрешенный Святой Церковью, история предшественников Нашего Господа, происхождения из Его жизни и наиболее драматические деяния Святых - все это вырезано с величайшей любовью к деталям и искусству; и в них наименее усердный священник мог бы найти темы для целого года размышлений, наименее восторженные путешественники - тысячи причудливых и интересных фантазий и воображения. Не столько красота всего эффекта завораживает в этих Монастырях, ни то тончайшее влияние, добрый или злой дух прошлого, который витает во многих древних местах, сколько средневековая мысль и средневековый гений, нашедшие выражение в этих бесчисленных прекрасных образцах искусства скульптора.

“НЕФ БОЛЬШОЙ И СТРОЙНОЙ ВЫСОТЫ”.—АРЛЬ. [\[Перечислить\]](#)

“КРАСОТА ЦЕЛОГО”.—АРЛЬ. [\[Перечислить\]](#)

Александр Дюма писал об Арле: "Римские памятники образуют почву; и вокруг них, у их подножий, в их тени, в их расселинах, второй готический город вырос — неизвестно как - благодаря вегетативной силе религиозной цивилизации Людовика Святого. Арль - Мекка археологов". Это также мекка для тех, кто любит изучать людей и обычаи, поскольку, несмотря на железную дорогу и последующий приток "иностраннных французов", он сохранил старый греко-римско-сарацинский тип, который сделал его красивых женщин столь заслуженно знаменитыми, и под его провансальским весельем легко прослеживается их классическое происхождение. Стоит увидеть Римский театр, уединенный Алискамп при лунном свете, оживленный рынок ранним утром, собор во время мессы и праздник в любое время суток — для

“Когда наступят праздничные дни, прощайте с работой,
И добро пожаловать на пирушки под деревьями,
И оргии в сводчатых гостиницах,
Травлю быков, нескончаемые танцы и сладостные наслаждения”.

Entrevaux.

[Наверх](#)

Самым знаменитым укрепленным городом Франции является Каркассон, однако даже во времена своего расцвета он едва ли был образцом. Это было настоящее чудо “прекраснейшая дева Лангедока”, "Непобедимая". А сейчас цитадель почти опустела. Жителей так мало, что на их

улицах растут сорняки, и тот, кто прогуливается там тихим полуденным вечером, чувствует, что вся эта завершенность архитектуры, эти стены, совершенные в каждом камне, могут быть волшебным видением, миражом; он более чем наполовину верит, что прохлада заката развеет иллюзию, и он окажется на приятном маленьком холме Лангедока, глядя вниз на обычный “Нижний город” Каркассон.

В Entrevaux нет и намека на иллюзию. Это не выставочное место, которое когда-то было настоящим; это одна из сотен маленьких агломераций французского средневековья. У них не было великого имени, которое нужно было поддерживать, не было богатств, которые можно было бы потратить на возведение неприступных стен и башен. Они в страхе жались друг к другу в целях самосохранения, возводили крепостные валы, которые были настолько прочными, насколько это было возможно, и не осмеливались смеяться над “военной удачей”. За исключением того, что за стенами есть безопасность, а внутри - крошечное отделение почты и телеграфа, сейчас они такие же, какими были в те опасные дни. Крепость Каркассон мертва, но на задворках Прованса живет город Энтрево, и от его средневековья почти ничего не утрачено. Среди высоких скал, которые окружают его со всех сторон, где, в зависимости от времени года, река Шалвань течет струйками или впадает в реку Вар, и над которым возвышается форт, возвышающийся на острой вершине, находится самый странный из старых провансальских городов.

“ГОТИЧЕСКАЯ АЛЛЕЯ, КЛУАТР”. —АРЛЬ. [\[К списку\]](#)

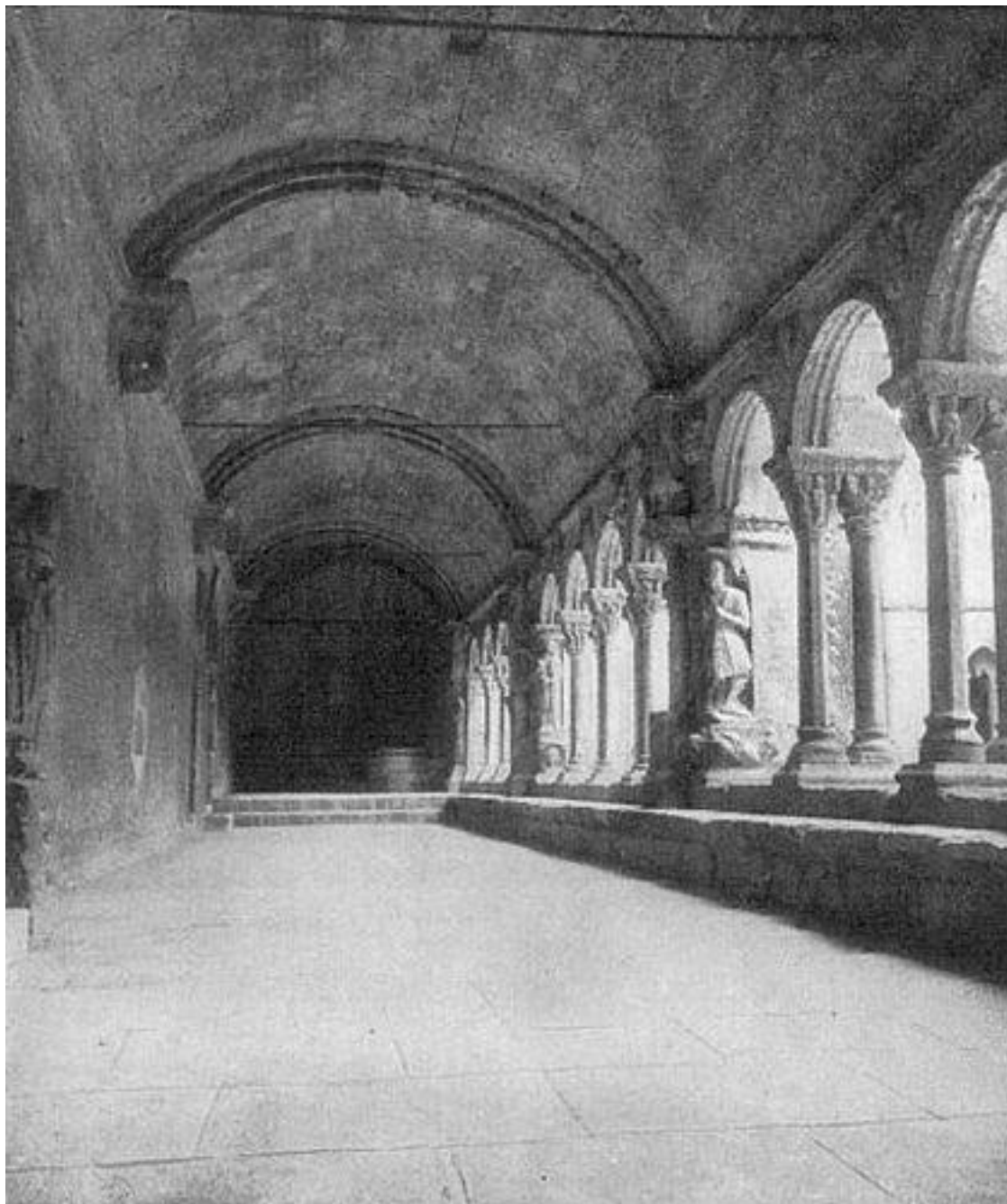
Именно с этой целью был основан крошечный епископальный город. Ближе к концу XIV века, во времена эпидемий, еврейских гонений, роста ересей и непрекращающихся опустошений вольноотпущенников, город Гландев, резиденция древнего епископства, был разрушен. Оставшиеся в живых покинули его заброшенные руины. В поисках более прочного и безопасного дома они выбрали место на левом берегу Вара и приступили к строительству Энтрево. Епископ

сопровождал свою паству, и хотя он сохранил старый титул Гландева, в память о древности престола и его затерянного города в Энтрево был основан кафедральный собор.

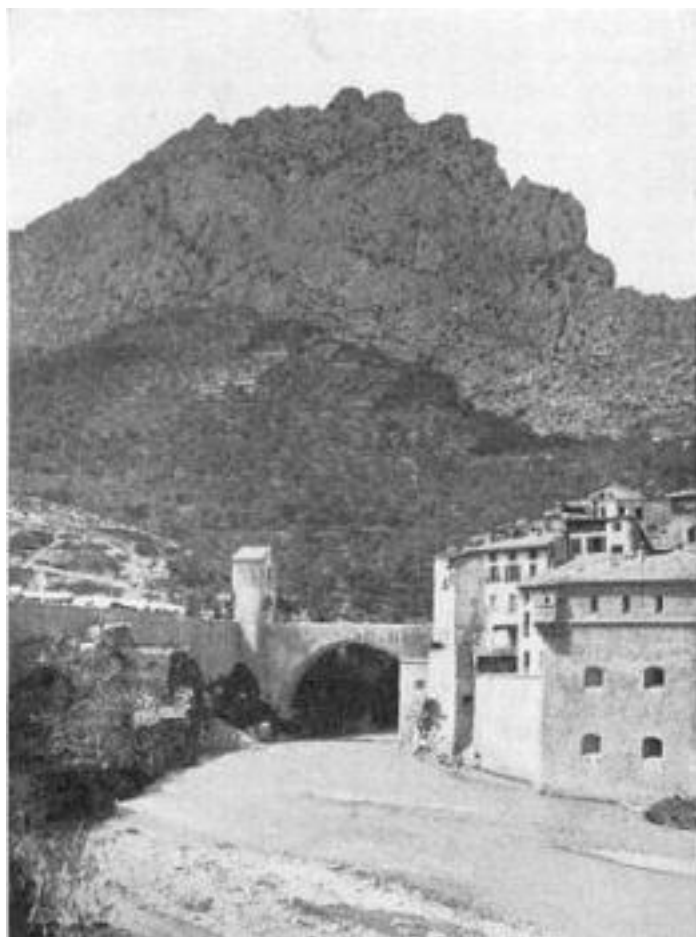
“ЭТОТ ИНТЕРЬЕР”.—ENTREVAUX. [\[Перечислить\]](#)

Первое здание, собор Святого Мартина, построенный вскоре после основания города, давно разрушен; а второе, начатое в 1610 году в честь Успения Пресвятой Девы Марии, сохраняло епископский сан до тех пор, пока престол не был упразднен великим Конкордатом. Хотя этот собор был построен в XVII веке, что опасно близко к эпохе упадка французской церковной архитектуры, он был расположен в таком глухом уголке Прованса, что на его планировку не повлияли новаторские идеи; это здание старого местного типа, с прочными стенами и тяжелыми контрфорсами, единственной башней, квадратной и прямой, и комнатой со сводчатым туннелем, местом собрания. Этот интерьер, без каких-либо красивых деталей, которых нельзя найти в других церквях, имеет столько недостатков итальянской школы, сколько могло позволить казначейство, — мраморные колонны, фрески, позолоту и другие украшения в стиле рококо, которые показывают, что вкусы жителей Энтрево были не выше и не лучше, чем у жителей Ниццы; и что старая, простая чистота формы церкви была скорее делом невежества или необходимости, чем выбора. Привлекательность епископальной церкви меркнет перед причудливой прелестью епископального города, и именно в рамках общей гражданской обороны она разделяет интересы Энтрево.

“РОМАНСКАЯ АЛЛЕЯ, КЛУАТР”.—АРЛЬ. [\[К списку\]](#)

Сойдя с поезда на ближайшей железнодорожной станции, путешественник двинулся вдоль извилистого Вара и, едва пройдя четыре мили, увидел за рекой острый пик с крепостью и длинные ряды стен, которые зигзагообразно спускаются по склону холма, пока не доходят до крыш, тесно сгрудившихся в очаровательной неправильности у берега.

“ОДИН ИЗ ТРЕХ НЕБОЛЬШИХ
РАЗВОДНЫХ МОСТОВ”. —ENTREVAUX. [\[К списку\]](#)

Вдоль кромки воды, единственной части города, которая не защищена скалами и холмами, тянется еще одна линия прочных стен и два тяжелых выступающих бастiona. Со средневековой точки зрения Энтрево действительно выглядит сильным. Сейчас, как и в те давние времена, въехать можно только по одному из трех небольших разводных мостов, и все улицы города настолько узки, что ни одной повозке не разрешается проезжать по ним, потому что, если бы она проехала по мосту, ее бы крепко зажало между домами. Когда путешественник ступал на подъемный мост, он чувствовал себя мелким торговцем, или бродячим менестрелем, или каким-то другим персонажем Средневековья, прибывшим сюда на несколько часов движения или отдохнуть в полдень, и когда он останавливался под низкой аркой ворот с опускающей решеткой, люди глазели на него, как на незнакомца в маленьких далеких городках.

“ОПУСКНАЯ РЕШЕТКА”. —ЭНТРЕВО. [\[К списку\]](#)

Оказавшись внутри, он свернул на улицу и тут же был вынужден шагнуть в подворотню, потому что приближался человек, ведущий лошадь, и им понадобилась вся ее ширина. Дома в несколько этажей высотой окаймляли эти невероятно темные, узкие улочки, а в некоторых окнах верхнего этажа были маленькие балкончики, столь любимые на Юге. День был ясный, жаркий, но солнце редко заглядывало на эти улицы, и в полдень в магазинах было тускло. Когда он подумал о мужчинах и женщинах средневековья, которые не осмеливались бродить по полям за городом, потому что их безопасность находилась за его крепостными стенами, внезапно маленькие общественные площади городов, окруженных стенами, предстали во всем истинном значении своего света, широты и солнечности.

“ФОРТ, ВОЗВЫШАЮЩИЙСЯ НА ОСТРОЙ ВЕРШИНЕ”. —ЭНТРЕВО. [\[К списку\]](#)

Пространство в Энтрево дорого, а открытых мест мало. В одном из них расположены отели и кафе, другой находится за подъемным мостом за башней собора и крошечный перед самой церковью. Это самое любопытное из всех, ибо это далеко не “Католическая площадь”, а настоящая “Площадь Армии”. Рядом с порталами, на деревянных дверях которых вырезаны митра и знаки папской милости, несколько ступенек ведут к узкому выступу, где лучники могли стоять и стрелять из отверстий в стенах. Пока путешественник сидел на этом выступе и гадал, какие сцены здесь разыгрывались, сколько смертоносных выстрелов вылетело из отверстий, какие толпы возбужденных горожан собрались в церкви, какие серьезные слова увещевания и благословения произносил с алтаря или порога взволнованный прелат, облаченный в мантию и митру для Молебна Богу Битв, появились скромные похороны — священник, крестьянин, несущий черный деревянный крест с написанным на нем именем покойного, обвязанный веревкой гроб, который несли горячие и невесомые люди. скорбящие женщины и небольшая процессия друзей. пышность и тщеславие прошлого рассеялись, как туман, в сознании путешественника, и он увидел Энтрево таким, какой он есть на самом деле, без удобств этого мира, без величия епископства, маленькой провансальской деревушки, совершенство причудливости которой — столь очаровательное для того, кто проходит мимо, — означает трудности и дискомфорт для тех, кто родился, должен жить и умереть там.

“Настоящее БОЕВОЕ МЕСТО”. —АНТРЕВО. [\[К списку\]](#)

И все же это очарование настолько сильно, что, когда путешественник снова переходил подъемный мост и смотрел вверх на острые зубья опускной решетки, которые все еще могут упасть и укусить, когда он выезжал на большую дорогу и снова и снова оборачивался, чтобы посмотреть на угасающий солнечный свет, играющий на спутанной массе крыш, иллюзия возвращалась. Бастионы выделялись смелым рельефом, церковная башня с зубчатой вершиной выделялась на фоне скалистых пиков, солнце внезапно опускалось за холм, и путешественник снова чувствовал себя менестрелем, блуждающим средневековой ночью.

“ДЛИННЫЕ РЯДЫ СТЕН, ЗИГЗАГООБРАЗНО СПУСКАЮЩИЕСЯ ПО СКЛОНУ ХОЛМА”. — ENTREVAUX. [\[К списку\]](#)

Систерон.

[Наверх](#)

Путешественник любопытен, откровенно любопытен. Почти каждый раз, когда он входит в собор, в его памяти всплывают слова Ренана: “Эти великолепные чудеса почти всегда являются плодом какого-нибудь маленького обмана”, и после того, как он насытит свой взор, он думает об истории и деталях, а также о Ренане, предвзятом, но хорошо информированном, и задается вопросом, что же здесь было за “маленьким обманом”. В Грассе он мечтал о бумагах одного юриста, которые многое рассказывают о жизни города сто пятьдесят лет назад, а в Систероне он сидел у Дюранса, размышляя, как бы ему побудить

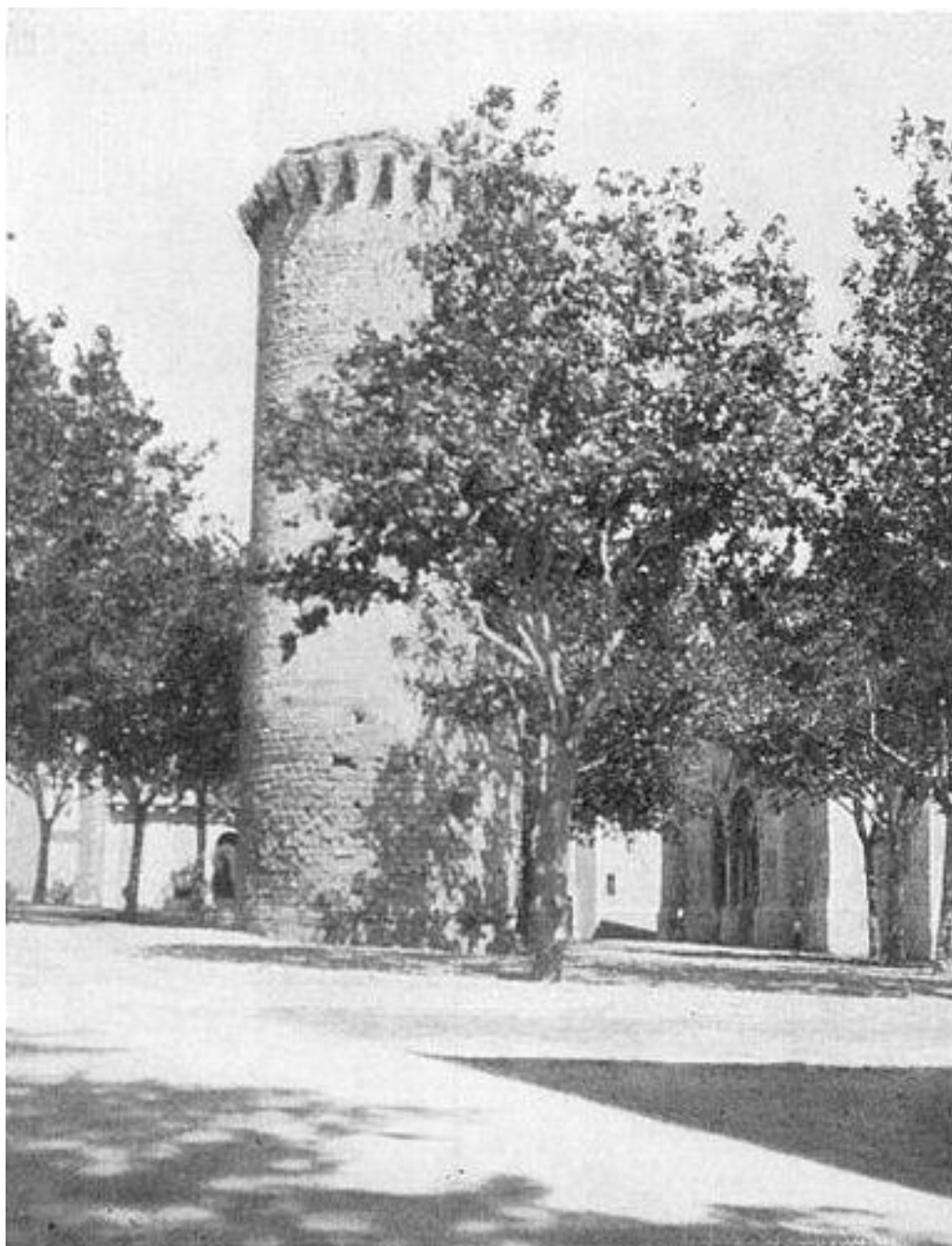
его к этому. добрая пожилая леди из отдаленного уголка Прованса одолжила ему древнюю рукопись, которую, по словам даже кроткого кюре, она “упрямо” отказывалась “передать”. Блаженны те, кто может довольствоваться путеводителями, как его друзья, которые посетили Авиньон и Арль, Тараскон и Сент-Мари-де-ла-Мер и увидели Прованс в полном его назидании, пока он просто осматривал Нотр-Дам-де-Дом и форт Сент-Андре. Обладая более ленивым и неторопливым складом ума, он страдает — и, возможно, справедливо — от своего радостного безделья, ибо даже юристы и добрые дамы с припрятанными бумагами встречаются редко. Революционные осады, пожары и мудрая осмотрительность привели к уничтожению многих прекрасных старинных страниц, и часто бывает напрасно ехать в эти разлагающиеся города Прованса. “Мы видим,” сказал он, уныло жестикулируя, “мы видим их башни и стены, но если мы говорим, что знаем это место, сколько раз мы обманываем самих себя? Слишком часто кажется, что мы утверждаем, будто знаем жизнь, мысли и страсти человека, глядя на его могилу”.

Но — рассмотрим то, что мы, возможно, знаем. Систерон - древнеримский город, наиболее прочно и живописно построенный в узком ущелье Дюранса. С одной стороны реки находится высокая голая скала Ла Бом; с другой - более высокая скала, где дома, поддерживающие друг друга выступающими контрфорсами, кажется, цепляются за отвесный склон, как кустарники в горных расселинах, и над ними возвышается и защищается большая и грозная крепость-замок, венчающая самую вершину пика. Городские стены почти разрушены; крепость заброшена; после Революции в Систероне больше нет епископов; но старый город мало утратил свою воинственную и романтическую атмосферу тех дней, когда он контролировал важный перевал и когда путь через Дюранс охранялся подъемным мостом и большой опускной решеткой, которая сейчас стоит в ржавом бездействии.

“ЦЕРКОВНАЯ БАШНЯ ВЫДЕЛЯЛАСЬ НА ФОНЕ СКАЛИСТЫХ ВЕРШИН”. —ЭНТРЕВО. [\[К списку\]](#)

Утверждается, что епископство этой крепости было основано в IV веке и сильно росло и процветало, пока епископ не поселился в безопасности на своей скале, у его брата из Гэпа была “ложа” на противоположном берегу, монастырь маленьких сестер-доминиканок находился выше по реке, и, помимо этой оживленной церковной жизни, в городе существовал мир бюргеров и его монастырь урсулинок. Однажды давным-давно сюда приехала жизнерадостная леди, которая добавила к этому тысячу живых интересов. Это была Луиза де Кабри, сестра великого Мирабо, “которая, будучи совсем девочкой, была замужем за маркизом де Кабри. Наполовину плут, наполовину дурак, пороки де Кабриса иногда заканчивались приступами безумия. Его брак с той, кто объединил жестокость Мирабо с распушенностью Вассанов, был неудачным; ... а после того, как Луиза воцарилась в большом мрачном доме на Кур-де-Грасс, в жизни никогда не было недостатка в происшествиях”. Положение не улучшилось с приездом ее брата, двадцатичетырехлетнего взбалмошного человека, который, как предполагалось, жил под “печатной буквой” в сонном маленьком городке Маноске. Вскоре эти двое оказались втянуты в такой возмутительный скандал, что их отец, любивший ссоры сами по себе, встал на сторону обвинения и, заявив, что “таких детей, как у него, никогда не видывали под солнцем”, выписал “секретное письмо” Луизе, которую отправили в Систерон, где он просил ее “покаяться в своих грехах на досуге в монастыре урсулинок”. Унаследовав блестящий, неугомонный ум и необузданную мораль, ее жизнь с глупым, порочным маркизом не улучшила ее природного характера, и вскоре она вывела Систерона из себя. Под предлогом деловых встреч все адвокаты стекались к ней; и, совершенно не притворяясь, гарнизон присоединялся к их кортежу. Когда урсулинки осмелились возразить, она развлекла их такими веселыми приключениями, каких никогда не было на страницах их молитвенников. В конце концов весь город разделился на два лагеря; враги называли ее “гадюкой”, и многие глаза всматривались в темные улицы, многие головы благоразумно прятались за опущенными ставнями, чтобы посмотреть, кто направляется к монастырю; пока благодаря остроумию и интригам и после нескольких месяцев самых удивительных происшествий Луиза не добилась своего, оставив добрых урсулинок на вполне заслуженный покой, и вернулась в замок Мирабо, чтобы посмеяться над жителями Систерона.

“СОБОР НАХОДИТСЯ РЯДОМ С ТЯЖЕЛЫМИ КРУГЛЫМИ БАШНЯМИ ВНЕШНИХ КРЕПОСТНЫХ ВАЛОВ”. —СИСТЕРОН. [\[К списку\]](#)

“МОСТ ЧЕРЕЗ ДЮРАНС”.—СИСТЕРОН. [\[К списку\]](#)

Находясь в городе, прелаты занимали свой замок Цитадель с высокими смотровыми площадками и оборонительными сооружениями, вдали от своего собора, который находится в нижнем городе, рядом с тяжелыми круглыми башнями крепостного вала. Эта церковь, которая была очень слегка и очень разумно отреставрирована, датируется неизвестным временем, вероятно, XII веком, она верна местной архитектурной традиции и в некоторых деталях более интересна, чем многие провансальские соборы. Его внешний вид небольшой и низкий. Здесь есть знакомые, дружелюбные маленькие апсиды в романском стиле; рядом с ними, над восточным концом северного нефа, приземистая башня со скромным современным шпилем; а сбоку от нее, над линией крыши, находится восьмиугольник, возвышающийся над куполом. Вся эта структура безукоризненно проста. Стены и контрфорсы, ограждающие проходы, простые, и только по сравнению с этим архитектурным пуританизмом фасад можно считать богато украшенным. В верхней части его стены, которая поддерживается прочными опорами, находятся три круглых окна с глубокими

растопыренными рамами. Самый большой из них находится прямо над высоким, стройным порталом, который чем-то напоминает итальянское влияние, столь искусно отмеченное дальше по долине, в Эмбрене. Закругленная арка дверного проема и его остроконечный фронтон повторяются с обеих сторон в виде полуарки и полуската. Рельефное аллегорическое животное возвышается над центральной аркой, а несколько колонн с изящными капителями завершают украшение входа, который, несмотря на то, что является самой декоративной частью церкви, наиболее сдержан.

“ВХОДЫ НА ДВЕ
УЗКИЕ УЛОЧКИ”.—СИСТЕРОН. [\[К списку\]](#)

Девять ступенек ведут вниз, в небольшой интерьер с очень обычной планировкой, сильно испорченный позолотой XVII века, но, по сути, величественный и впечатляющий. Устраните безвкусные алтари, уберите лепных Святых и раскрашенных Девственниц, пусть часовни будут просто темными уголками в темной перспективе, и маленькая церковь станет похожей на место встречи верующих раннего христианства. Его неф и каждый из узких боковых проходов поднимаются к круглым сводчатым туннелям; в нем всего пять отсеков, и последний покрыт небольшим восьмиугольным куполом. Вся церковь построена из темного, почти черного камня, ее освещение очень тусклое и сосредоточено в маленьких апсидах, где стоят самые священные статуи и совершаются самые священные обряды; а у молящихся, окутанных сумерками, больше атмосферы таинственности, чем обычно в соборах Прованса, тонкое влияние тихой сумрачной темноты, которая так сильна в церквях испанской границы.

Многие будут проезжать через Систерон и наслаждаться его суровой мощью, его солнечными днями, его узкими улочками и пиками, которые ночью с торжественной суровостью выделяются на фоне темно-синего неба. Нотр-Дам-де-Помери не обладает ни одной из этих выдающихся красот, и, чтобы оценить его древнее очарование, не следует забывать, что провансальский собор не отличается размерами или продуманностью более крупных соборов Гаскони, что он далек от изысканных оригиналов Лангедока, что он традиционен и, так сказать, клановый, и что его высшее достоинство - в простой тишине, которая никогда не вызывает благоговения. По правде говоря, в этой стране есть не одна церковь, которая нуждается в приукрашивании своей истории, чтобы сделать ее по-настоящему интересной. Но Нотр-Дам де Систерон не из таких. Это не большая пустая раковина Карпантраса и не маленький грубый собор Оранжа. Это меньший, более совершенный образ, более тонкое вдохновение, мимо которого многие пройдут, которым наслаждаются немногие.

IV.

[Наверх](#)

СОБОРЫ ДОЛИН.

Оранжевый.

Крошечное княжество площадью менее сорока тысяч акров расположено на берегу Роны и почти окружено папской Венецией. Это маленькое государство дало титул не одному выдающемуся европейцу, который никогда не переступал его границ и который был чужд ему не только по рождению, но и по языку и семье. Слава его правителей была так велика, что эта маленькая, изолированная полоска земли пострадала за их принципы и, вероятно, во многом обязана им своими разрушениями в ужасных религиозных войнах. Согласно хорошо известным убеждениям принцев Оранских, страна всегда считалась прибежищем еретиков всех мастей, и в 1338 году у них было достаточно сил, чтобы снести башню собора. Позже в истории Карл IX объявил Вильгельма Нассауского "вне закона", а его княжество "конфисковал"; а в 1571 году произошла трехдневная резня протестантов. Несмотря на эту ужасную оргию, реформаторы снова набрали силу и вскоре запретили всякое совершение католических обрядов. Беженцы, спасающиеся от драконьих атак Дофине и Севенн, хлынули в княжество; и когда принцы Оранские были достаточно сильны, чтобы защитить свое государство, его католики вели ограниченный образ жизни; но когда власть протестантов пошла на убыль, короли и военачальники Франции совершали набеги на землю во имя Церкви. А после смерти Вильгельма Оранского, короля Англии, Людовик XIV захватил столицу государства, сровнял с землей его огромный дворец и стены, а после того, как Утрехтский мирный договор передал княжество французской короне, обошелся с их единоверцами с той же беспристрастной жестокостью, с какой он обращался с их единоверцами в других частях королевства. Изменения в религиозной судьбе Оранжа мало чем отличаются от изменений в Ниме, с той существенной разницей, что здесь католицизм одержал триумфальную победу. Где десять человек совершают богослужение в маленьком протестантском храме, тысяча толпится на мессе.

Как по истории, так и по своим монументальным римским руинам столица этой провинции, Оранж, является одним из богатейших городов Юга, но ее собор очень беден и убог. План

представляет собой одну из самых простых провансальских концепций, “заловую базилику”, интересную с археологической точки зрения, но в ее нынешнем состоянии заплат и ремонта архитектурно банальную и некрасивую. Несмотря на протестантские атаки и католические реставрации, был сохранен тип XI века - прямоугольник, простые двойные арки которого поддерживают свод туннеля и делят интерьер на четыре пролета. Опоры тяжелые и суровые, а между ними есть ниши, используемые как часовни. Хору, более узкому, чем неф, предшествует обычный купол, а за ним находится небольшая неиспользуемая апсида, скрытая от остального интерьера стеной. Неважные окна, построенные с явно утилитарной целью, удачно освещают эту маленькую, простую комнату, и никакая приятная тень не скроет ее голости и не уменьшит унылого эффекта картин, которые уродуют стены. Снаружи собор настолько окружен старыми домами неправильной формы, что путешественник обнаружил его с некоторым трудом. В нем мало что достойно описания, и после того, как он вошел через явно убогий портал эпохи Возрождения только для того, чтобы выйти под неинтересным современным порталом, он был поражен тем, что строители собора Нотр-Дам-де-Назарет потерпели полное фиаско в городе, который предложил им такие вдохновляющие идеи, как великая Триумфальная арка и еще более величественный Императорский театр, помимо всех других остатков римской древности, которые спустя долгое время после постройки Нотр-Дама практичный Морис Оранский снес для строительства своего средневекового замка.

Кавайон.

Наверх

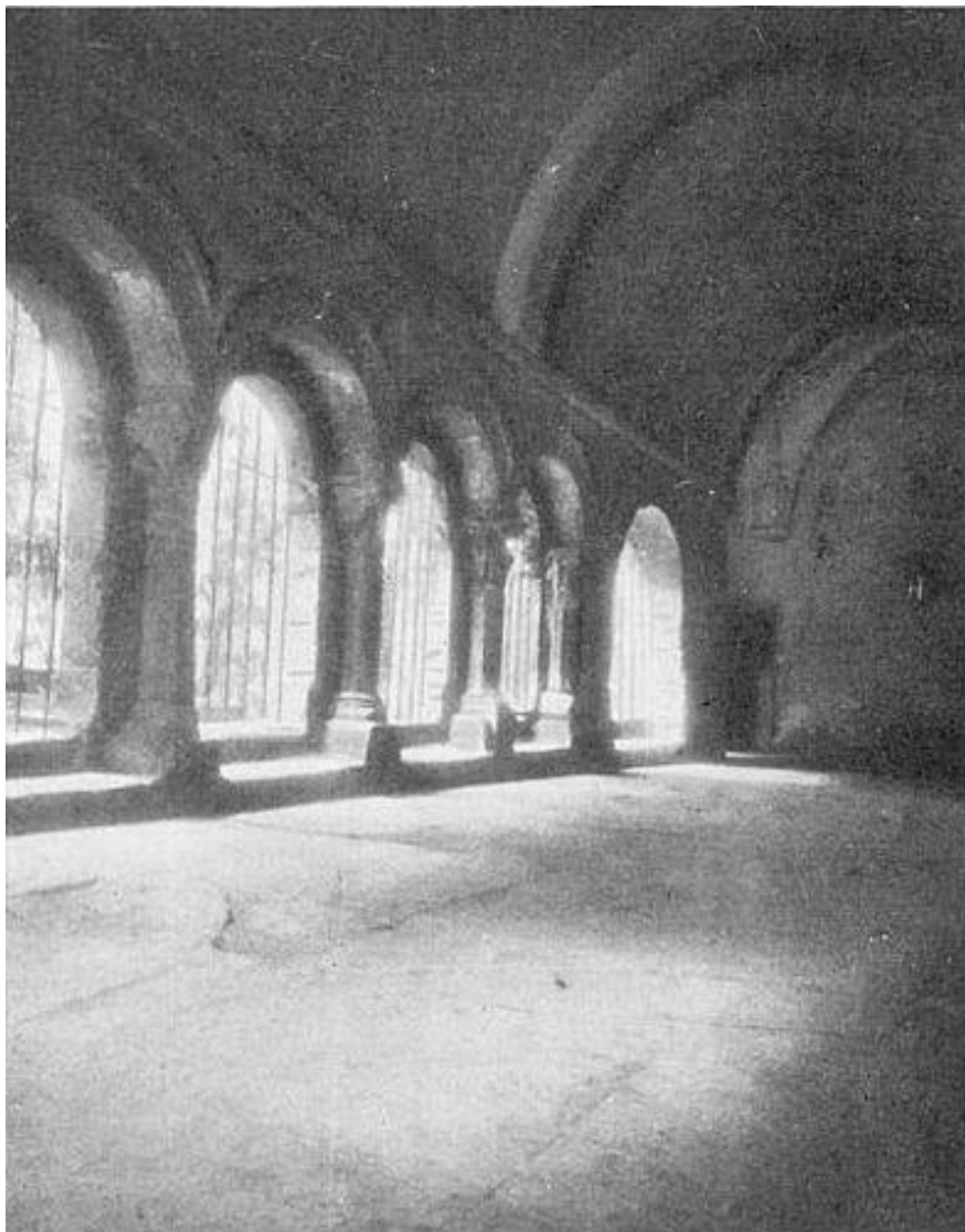
Весенним вечером сгущались сумерки, когда путешественник прибыл в Кавайон и, побродив по узким улочкам, набрел на Кафедральный собор. Раз или два над крышами домов мелькали интересные купола и башенки, что вызвало у него новый интерес, и было еще достаточно светло, чтобы произвести многие первые впечатления, когда он подошел к низкой двери монастыря. Но здесь не было места для мирной медитации. Войдя, пожилая женщина, причесанная и сгорбленная, прошла мимо него со стулом в каждой руке; и когда он прижался к стене церкви, мимо прошла женщина помоложе, тоже нагруженная стулом. Пришли еще двое или трое, оживленно разговаривая, маленькие девочки на всех стадиях возбуждения вбегали и выбегали, а маленькие мальчики приходили и уходили, разрываясь между напускной беспечностью и чувством необычной ответственности. Затем на пороге появился священник, но не в медитации, а по делу. Другой, старый, грузный и запыхавшийся, поспешил войти; и через дверь монастыря месье кюре с требником в руке усердно молился. Маленький человечек, убегая, упал, и священник подскочил, чтобы поднять его; ребенок был слишком мал, чтобы не хотеть плакать, но слишком торопился, чтобы остановиться и поплакать. Священник наблюдал за ним, добродушно пожимая плечами и улыбаясь, пока он бежал дальше; — не было времени ни на смех, ни на слезы, не было времени ни на что, кроме предстоящего таинственного дела.

“Что это?” - наконец спросил путешественник.

“Ах, месье, завтра день Первого Причастия. Мы все только что помолились, только что исповедались в церкви; и наши родители расставляют свои места. Потому что завтра там будет толпа — все. Вы тоже, месье, возможно, придете? Месса в половине седьмого.

Этот город вызывал такой живой интерес, что путешественник уезжал, не имея никакого четкого архитектурного впечатления о соборе, за исключением удивительно узкой колокольни и высоты купола.

Он не пошел на раннюю мессу, но около десяти снова побрел к собору и вошел в монастырскую дверь. Это был маленький мрачный монастырь с низкими сводами, который не могла оживить вся болтающая толпа. Раньше две стороны были огорожены воротами, и там ходили одни священники. С другой стороны были общественные проходы к церкви. Сейчас сохранились только железные пазы разделительных ворот, а четыре аллеи были забиты людьми. Маленькие девочки в белых платьицах для своего Первого причастия, с вуалями и венками из роз, спешили на свои места; пожилая бабушка, обняв одну из маленьких причастниц, стояла на коленях у колонны, глядя на Деву из монастыря-клоуз; гордые и встревоженные родители вели своих детей в церковь, а друзья встречались и целовались в обе щеки. В одном углу пожилая женщина оживленно торговала ячменными конфетами по пенсу. Миниатюрные служки у алтаря, в белых кружевных рясах и красных, отороченных мехом накидках, предлагали на продажу религиозные документы. Это был день сбора урожая для нищих, и “из любви к доброму Богу” много су было отдано в слабые грязные руки.

“ЭТО БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ МРАЧНЫЙ МОНАСТЫРЬ С НИЗКИМИ СВОДАМИ”. КАВАЙОН.

[\[Перечислить\]](#)

Некоторое время путешественник бродил по Монастырю, такому крошечному и изношенному, что в любой другой день он, должно быть, показался бы поистине унылым. Не часто встречаются настолько низкие своды, массивные и округлые, которые, кажется, давят, опускаясь, над головой. Колонны, которые помогают поддерживать его вес, короткие, тяжелые и толстые, настолько изношенные, что их капители иногда только наводят на размышления, а иногда и бессмысленны. С одной стороны резьба явно коринфская, с другой вообще отсутствует. Между колоннами можно было заглянуть в узкий проход, такой маленький, что его длину можно было измерить десятью шагами. Это было очаровательное местечко, сплошь усыпанное цветами и растениями, которые говорили о чьей-то постоянной, нежной заботе. Над покачивающимися цветами и листьями возвышалась статуя Мадонны с Младенцем.

Звон колокола созывал отстающих на мессу. Вместе с ними путешественник вошел в церковь и обнаружил, что она настолько переполнена, что только после многочисленных толчков от входящих детей и различных ударов по голове и плечам от дам, которые слишком небрежно несли свои стулья, после нескольких минут ожидания и запаса терпения он наконец добрался до убежища, уголка часовни Сен-Веран. Там, под присмотром Покровителя собора, он избежал дальнейших травм и присутствовал на долгой, интересной церемонии.

Месса уже началась, но голос священника и отвечающий орган потонули в движении возбужденных друзей, ропоте вопросов и стуке подбитых гвоздями туфель по каменному полу. Швейцарец с алебардой в руке, великолепный в треугольной шляпе и красно-золотом мундире своей должности, с твердой, но доброй настойчивостью держал проходы открытыми; и священники, наставлявшие детей в церкви, были достаточно мудры, чтобы не обращать внимания на беспорядок, который был вызван не непочтительностью, а интересом. В течение нескольких дней все думали об этой церемонии; все хотели “хороших мест”. Но немногие нашли их. Потому что маленький неф церкви был в основном отдан причастникам. Они сидели на длинных скамьях лицом друг к другу. Мальчики, человек шестьдесят-семьдесят, были ближе всего к Алтарю; девочки, которых было еще больше, - ближе к двери. Молодой священник ходил между рядами мальчиков, а старый, запыхавшийся Отец направлял девочек.

Весь интерьер церкви, на освящении которой председательствовал не кто иной, как папа Иннокентий IV, невелик, и ее планировка, по существу, выполнена в провансальском стиле. Высокий свод туннеля, как и в Оранжевом, опирается на двойные арки; и поскольку неф очень узкий, а освещение в нем очень тусклое, церковь кажется высокой, мрачной и впечатляющей, с очень серьезным достоинством, которого не передают ее детали. Часовни, расположенные между тяжелыми контрфорсами, представляют собой полутемные углубления, которые усиливают эффект затемнения интерьера. Из десяти только три существенно отличаются от общего плана; и хотя они относятся к XVII веку, их стиль настолько суров и они так плохо освещены, что не сильно портят церковь. Вход на хоры осуществляется из-под округлой арки, и его купол выше нефа и намного красивее, чем полукупол апсиды, крыша которой в наше практичное время была оконной.

То, что почти разрушает эффект тонких линий церкви и было бы невыносимо при более ярком освещении, - это масса позолоты и полихрома, которыми покрыто внутреннее убранство. Алтари чудовищно эффектны, стены и контрфорсы раскрашены, и даже интересные скульптурные фигуры под карнизами тщательно подкрашены. Мертвые встают с подобающей погребальной бледностью, нимб Христа - из чистого золота, а все одеяния Бога и Его святых имеют истинные, первичные оттенки.

От созерцания этого неправильного использования краски и печально неуместного внутреннего крыльца XVII века внимание путешественника привлек старый священник. Его рука была поднята, глаза каждой маленькой девочки были устремлены на него, и тотчас же своими мягкими, пронзительными голосами они начали куплет гимна. Путешественник бросил взгляд вглубь нефа. Каждый мальчик был на ногах, с правой руки храбро свисали белые ленты, в руке, затянутой в белую перчатку, правильно держался Терновый венец, к лацкану пиджака бантом было прикреплено распятие. Все взгляды были прикованы к молодому священнику, который тоже поднял руку. Затем они запели, как пели девушки, с правильным чувственным желанием. А затем, под руководством наставников, и мальчики, и девочки запели вместе. Наступила тишина, когда их голоса затихли вдали, и с алтаря низкий

голос медленно пропел “Ite; missa est”, и Торжественная месса в День Первого причастия закончилась.

Снаружи возле церкви стояли маленькие деревенские повозки, и отцы и братья в синих блузах ждали маленьких причастников, у которых было такое долгое и волнующее утро. Прогуливаясь в толпе, путешественник увидел здание, фасад которого был совершенно обычным, а голые боковые стены были залатаны и загромождены другими стенами. Наконец он добрался до апсиды, самой интересной части внешнего вида церкви; прислонился к стене кафе и посмотрел через маленькую площадь.

Внешне апсида Сен-Верана имеет пять сторон, и кажется, что каждая сторона поддерживается желобчатой колонной. Капители этих колонн украшены резьбой в виде листьев или с листьями и гротесками; на них покоятся круглые арки, а над ними - узкий карниз с листвой. В разительном контрасте с искусственным классицизмом Ренессанса интерьера, эта апсида по-настоящему древняя и языческая, и она не менее уникальна и не менее очаровательна из-за того, что расположена на фоне простой, неинтересной стены. Взгляд, устремленный вверх, над куполом хора, натывается на фонарь с его округлыми окнами и остроконечной крышей, а рядом с ним - на высокую маленькую колокольню, которая завершает любопытный внешний вид; внешний вид интересный и даже красивый в деталях, но неправильный и неоднородный в целом.

Кафедральный собор Кавайона - одна из многих возможностей. Несмотря на небольшой размер, как у его провансальских собратьев, в нем больше достоинства, чем в Апельсине, больше простоты внутренних линий, чем в нынешнем Авиньоне, и приходится сожалеть, что от реставрации он пострадал не меньше, чем от старости.

“БАШНЯ СОБОРА”. —КАВАЙОН. [\[К списку\]](#)

Подходящий.

[Наверх](#)

Немногие соборы-церкви Миди лишены святых реликвий, но ни одно из них не является более известным, более почитаемым и более аутентичным местом паломничества, чем базилика Апт. Это произошло таким образом, гласит местная история. Когда Марта, Лазарь и Святая Мария из Евангелий высадились во Франции, они привезли с собой почитаемое тело святой Анны, Матери Девы; и Лазарь, будучи епископом, хранил святую реликвию в своей епископской резиденции в Марселе. Начались гонения и неисчислимые опасности; и ради безопасности епископ перевез тело святой Анны в Апт и тайно замуровал его в стене. На протяжении веков христиане встречались и молились в маленькой церкви, не подозревая о

чудотворной реликвии, спрятанной так близко от них; и только чудом, во времена Карла Великого и, некоторые говорят, в его присутствии, было обнаружено святое тело. Это история, которую ризничий рассказывает любопытным паломникам, ведя их в подземный склеп.

Подземный склеп Святой Анны, одна из самых ранних галло-римских “церквей”, представляет собой не более чем узкий проход; ее низкий свод, кажется, давит на голову; воздух сырой и холодный; а единственная маленькая свечка, которую терпеливый ризничий передвигает из стороны в сторону, показывает простую, без орнаментов каменную кладку римских времен. Это была часть акведука, который доставлял воду в Театр во времена Империи, а в первобытную христианскую эпоху превратился в часовню. В конце, изогнутом в виде хора, находится тяжелый камень, используемый в качестве алтаря; а высоко в стене находится ниша, где на протяжении сотен лет покоилось тело покровителя церкви. Это мрачное, похожее на келью место, в высшей степени любопытное; и когда путешественник увидел веру в серьезном взгляде некоторых из своих попутчиков и сомнение в улыбках других, он задался вопросом, какие древние церемонии, тайные мессы или тайные молитвы произносились в этой крошечной комнате и какие ряды призрачных прихожан входили и выходили из темного коридора.

Прямо над ними находится верхний склеп церкви, миниатюрный, но настоящий хор с крошечным алтарем и амбулаторией — жемчужина романского стиля, тяжелая, простая, с прекрасными пропорциями, с колоннами и сводами в идеальной миниатюре. Это, благодаря абсолютной чистоте стиля, самая интересная часть церкви; и, поскольку это склеп, его также труднее всего увидеть. Напрасно ризничий бегал из стороны в сторону со своей маленькой свечкой, напрасно путник всматривался и всматривался, — маленькая церковь была полна теней и тайн, темная и затерянная под тяжестью большого хора наверху.

“ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ЦЕРКВИ”. — ПРИМ. [\[К списку\]](#)

Даже основная часть церкви, расположенная над землей, тускло освещена маленькими округлыми окнами над арками нефа и куполом часовни Святой Анны. Несомненно, по воскресеньям после Великой мессы, когда открываются большие двери, веселое солнце Прованса бросает свои веселые лучи далеко вверх по нефу. Но эта церковь лучше из-за своей тени. Романский придел IX или X века, построенный тем же епископом Альфантом, который был свидетелем строительства маленькой церкви-крипты, центральный неф XI века, романский по замыслу, и северный придел в бедной провансальской готике создают большой, но негармоничный интерьер. Реставрация за реставрацией, часовни XVIII века, новые своды, устаревшая и конгломератная готика, эффектные украшения из позолоченного дерева уничтожили архитектурную ценность и настоящую красоту внутреннего убранства собора. И все же в тусклом свете, который является светом ее повседневной жизни, огромная высота церкви и ее мрачная массивность не лишены впечатляющих.

Внешний вид доминирует над городом, но он настолько безнадежно запутан и банален, что утрачивается его естественное достоинство. Тяжелая арка, поддерживающая башню с часами, образует аркаду поперек узкой улицы и делает ее живописной, не добавляя достоинства самой церкви. Стены ничего не значат, часто скрыты зданиями, и нет ни одного портала, достойного описания. Здесь есть купол часовни Святой Анны с огромной статуей Покровительницы и фонарь центрального купола, заканчивающийся остроконечной крышей; но каждое дополнение к экстерьеру кажется лишь невежественным или злобным подчеркиванием общей архитектурной неразберихи.

Для верующих католиков интерес Святой Анны Аптской заключается в ее замечательных и славных реликвиях. Здесь покоятся тела святого Елеазара и его жены Святой Дельфины, пары настолько благочестивой, что каждое утро они украшали статую Младенца Иисуса, а каждую ночь раздевали ее и укладывали отдыхать в колыбель. Есть также четки Святой Дельфины, каждая бусинка которых содержала реликвию; а до революции здесь было неисчислимое множество других сокровищ. В течение многих лет Апт был местом паломничества верующих, и на протяжении многих веков к чудотворному телу святой Матери Девы возлагались большие и малые приношения.

БОГОРОДИЦА И СВЯТАЯ АННА.
Бенцони. [\[К списку\]](#)

Самой известной из пришедших помолиться и принести дары была Анна Австрийская, чье прошение о даровании сына, наследника Франции, было удовлетворено при рождении Людовика XIV. В знак благодарности королева обогатила церковь облачениями, расшитыми золотой нитью, и множеством священных украшений; и, наконец, она приказала Мансару заменить маленькую часовню, в которой она молилась, на более просторную, несколько неинтересное сооружение в эффектном стиле XVII века, которое сейчас является местом упокоения святой Анны. В этой часовне находится самое красивое из церковных сокровищ, которое, как ни странно, представляет собой произведение современной скульптуры, подаренное нынешним “монсеньором Авиньонским”. Он маленький и неудачно расположен на мраморном алтаре неблагозвучных тонов, на заднем плане которого задрапирован занавес из красного бархата с позолоченной бахромой. И все же, несмотря на это нехудожественное окружение, оно не утратило своего нежного очарования. Сидя со свитком на коленях, пожилая мать усердно учит юную Деву, которая стоит рядом с ней. Тонкая пожилая рука с поднятым указательным пальцем подчеркивает урок, а любящее выражение морщинистого аскетичного лица, внимательность Пресвятой Девы и ее стройная юная фигура создают трогательную картину и прекрасный пример мощи современного резца. И все же вера в святыни и чудотворную силу в этом XX веке не так чиста и не так универсальна, как в дни прошлого; и вера в провансальца Апта, которому принадлежит такая большая часть тела Святого, не так проста и, следовательно, не так сильна, как в бретонку Оре, у которой есть только часть пальца. Республиканство на юге страны не слишком дружелюбно относится к Церкви, короли и королевы больше не приходят с расточительными дарами, а святая Анна Аптская не обладает крестьянской силой Святой Анны Орейской. И, несмотря на великий июльский праздник, несмотря на гордость аптуазянцев, несмотря на преданность и молитвы верующих прихожан, кафедральный собор Апта - это церковь скорее прошлого, чем настоящего величия.

Riez.

[Наверх](#)

Как раз в тот день ранней осени, когда церковные колокола отбивали утренний звон и всходило теплое солнце, из старого Маноска выехал путник. У него не было ружья, следовательно, он пришел не на охоту; у него не было черных коробочек в медных переплетах, и поэтому он не мог быть “Комиссаром”. Он хорошо знал, что то, кем он мог быть, тревожило мозг сидевшего перед ним широкоплечего мужчины, который с протяжным “Оу-оу-у-у...” управлял маленькой толстой лошадкой. Но врожденная вежливость победила естественное любопытство, и они молча доехали до длинного красивого моста, перекинутого через реку с дурной репутацией:

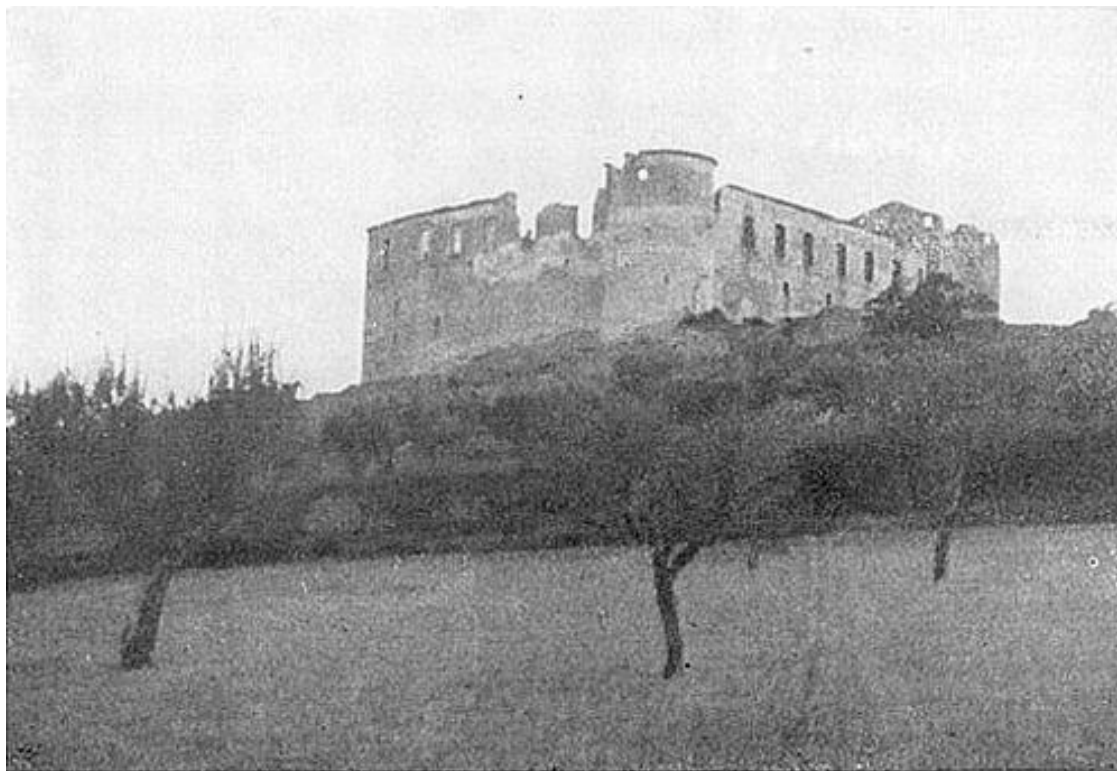
“Парламент, "Мистраль" и "Дюранс"

Это три бича Прованса”.

Однако в это время года Дюранс обычно выглядит мирно и безобидно; половина его широкого русла сухая и галечная, а вода, которая течет под большими арками моста, невелика по объему. Но размер и прочность самого моста и некоторых огромных камней, расположенных на большом расстоянии по обе стороны дороги, свидетельствуют о наводнениях и весеннем пробуждении чудовищной реки, у которой, подобно доктору Джекилу и мистеру Хайду, две жизни.

“СЕН-МАРТЕН-ДЕ-БРОМ С ЕГО ВЫСОКОЙ, СТРОЙНОЙ БАШНЕЙ”. [\[Перечислить\]](#)

“УКРЕПЛЕННЫЙ МОНАСТЫРЬ ТАМПЛИЕРОВ”. — (БЛИЗ ГРЕУ). [\[К списку\]](#)

Дорога петляла по невысоким холмам Альп, мимо массивного укрепленного монастыря тамплиеров, окна которого зияют руинами; мимо Сен-Мартен-де-Бром с его высокой, стройной зубчатой сторожевой башней; мимо множества тихих маленьких деревушек, где в старые времена, по словам Тэна, “Хорошие люди жили, как в орлином гнезде, счастливые, пока их не убили, — это была роскошь феодальных времен”. Между этими деревнями раскинулись обширные рощи серо-зеленых оливковых деревьев, большие цветущие фермы, а еще дальше - суровые горы Нижних Альп. Водитель поворачивал именно к ним, потому что над улыбающейся маленькой долиной, окруженной полями созревшего зерна, возвышался Риз. Донжон возвышается над разрушенной стеной, дома на склоне холма группируются вокруг церковного шпиля, и только на вершине холма стоит маленькая часовня Сен-Максим, единственная реликвия Великой семинарии, разрушенная революционерами 89-го года. Здесь, после разрушения одного из нескольких соборов Рица, епископ служил мессы, но маленькая часовня так и не была освящена как кафедральный собор. Он был недавно отреставрирован и перестроен в неинтересном стиле — внешний вид голый до уродства, интерьер так раскрашен, что шесть старых римских колонн, поддерживающих хоры, поражают банальностью окружающей обстановки. Плато, на котором построена часовня, сейчас почти голое; по краям растут оливковые деревья, и от семинарии, которая когда-то была так полна активной жизни, не осталось и следа. Путешественник, сидя в тени нескольких сосен, смотрел вверх широкого пейзажа на вершины, чьи голые скалы вздымаются с ужасающей суровостью, и на небольшие холмы, которые стоят между ними и долиной, пока, наконец, его взгляд не остановился на городе внизу и на твердых, широких дорогах, которые подходят к нему со всех сторон. Ведь Риз, хотя и находится в затерянных глубинах Прованса, вдали от железных дорог и туристов, является промышленным ульем, в значительной степени обеспечивающим эти уединенные маленькие городки всем необходимым. Его шляпные, веревочные и кожевенные фабрики весьма важны; магазины на

его главных улицах не лишены заманчивой привлекательности, и здесь сохранилось все провинциальное величие Сен-Реми с гораздо меньшим застоем.

Риц был Королевским Аполлинарием в римской колонии Джулия Рейорум, но от города с таким звучным названием сохранилось очень мало следов. Вся атмосфера маленького городка перенесена в XII век. До сих пор стоят двое его старых ворот, часть стены и зубчатая башня с разрушенными монастырями капуцинов, кордельеров и урсулинок; и по остаткам епископского дворца и широкой набережной, которая была одной из его аллей, а также по епископскому замку в Монтаньяке можно заключить, что церковное состояние в Рице поддерживалось не менее достойно, чем в других епархиях Юга Франции.

Однако прелаты, строившие собор, столкнулись со многими трудностями. Их первая церковь, Нотр-Дам-дю-Сьеж, датируемая частично основанием престола в IV веке, частично X и XII веками, была разрушена штормом и наводнением, а ее место рядом с коварной маленькой речкой сочли слишком опасным, и было начато строительство нового собора Нотр-Дам-дю-Сьеж и Сен-Максим; и именно тогда епископы временно отслужили службу в церкви Сен-Максим на холме.

Во время революции престол был закрыт; церковь была сильно перестроена и изменена; так что о различных соборах Риза сохранились только башня, являющаяся частью нынешнего Нотр-Дам-дю-Сьеж, и следы самого раннего фундамента возле малого Колостра.

“БАШНЯ НОТР-Дам-ДЮ-СЬЕЖ”. —РИС. [\[К списку\]](#)

Рядом с самой старой церковью находится один из немногих памятников очень раннего христианства, избежавших опасностей времени. Дата его постройки неизвестна, и хотя говорят, что он был частью собора, стоявшего между ним и рекой, похоже, что он всегда был независимым и обособленным зданием. Крестьяне говорят, что в память об их предках оно использовалось как часовня, они называют его неопределенно “Пантеоном”, “Храмом” или “Часовней Сен-Клер”, но почти наверняка это был баптистерий того любопытного и красивого типа, от которого отказались так рано в развитии христианской архитектуры.

“НИЧТО НЕ МОГЛО БЫТЬ БОЛЕЕ ПРИЧУДЛИВО СТАРЫМ И СКРОМНЫМ, ЧЕМ БАПТИСТЕРИЙ”. —РИС. [\[К списку\]](#)

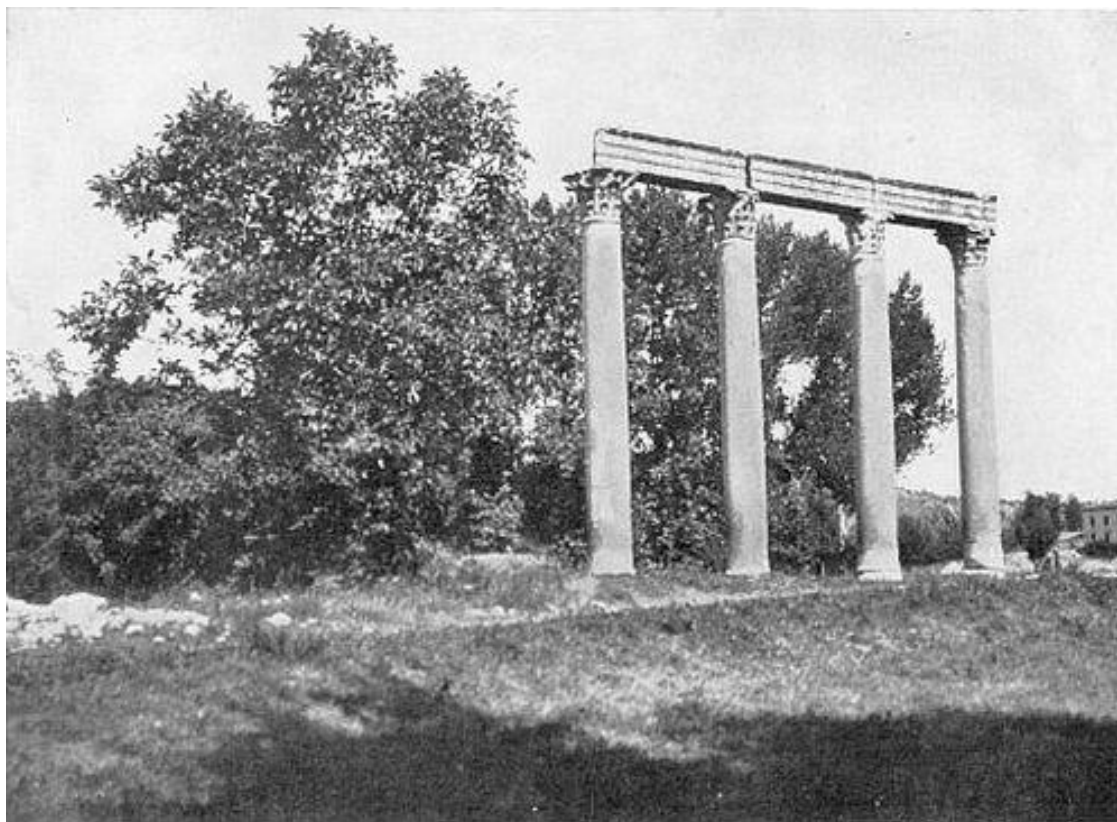
Следуя по дороге, указанной хозяином гостиницы, путешественник был настолько поглощен оживленным движением на общинном молотильном поле, прибытием желтого зерна, женщинами, которые орудовали вилами, и лошадьми, которые двигались кругами в торжественном ритме, что чуть не проехал мимо низкого здания, объекта своих поисков. Ничто не может быть более причудливо старым и скромным, чем баптистерий Риза. Это небольшое квадратное здание из грубого цементированного камня, штукатурка которого стерлась. Крыша покрыта черепицей, и из-под приплюснутого купола редко пробиваются травинки. Крошечная колокольня и арка в передней стене завершают убранство этого скромного архитектурного сооружения, и если бы не то, что оно отличается от обычной провансальской манеры строительства, можно было бы много раз проходить мимо, не заметив его.

“МЕЖДУ КОЛОННАМИ БЫЛ УСТАНОВЛЕН АЛТАРЬ”. —БАПТИСТЕРИЙ, РИМ. [\[К списку\]](#)

Спускаясь по ступенькам, отмечающим изменения, внесенные временем в уровень земли, и входя в небольшой восьмиугольный холл, взгляду открывается один из самых интересных интерьеров Прованса. “Каждая из его четырех сторон, ” пишет Жюль де Лорьер, “ которые соответствуют углам внешнего квадрата, имеет полукруглую апсиду, встроенную в сами стены. Восемь колонн, расположенных по кругу вокруг центра здания, делят его на круглый неф и центральную ротонду и поддерживают восемь арок, которые, в свою очередь, поддерживают восьмиугольный барабан, а над ним находится купол ”. Эта комната имеет простую и очаровательную архитектурную концепцию, и даже в печальных руинах она обладает большой красотой. Он выигрывает по сравнению с реконструированными баптистериями Прованса, поскольку в нем сохранилось нечто от первобытного характера, для чего такие современные алтари и атрибуты XVII века, как в Экс и Фрежюсе, являются фатальными. Под толстым слоем пыли виден неудачный слой побелки, на стенах все еще чернеют следы пожара, повсюду разбросаны фрагменты римской скульптуры, а между

колоннами для сохранности был установлен языческий алтарь. Сами колонны языческой постройки, и поскольку они несколько отличаются по размеру и капителям, не исключено, что они возникли из руин нескольких крупных общественных зданий Рица. Во время строительства баптистерия началось варварское вторжение, и эти римские памятники, возможно, лежали в руинах; но в любом случае, у христиан был благочестивый и оправданный обычай брать из языческих сооружений, устоявших или рухнувших, камни и колонны, которые служили бы для строительства церквей "единому, истинному Богу". Колонны, приобретенные для этой похвальной цели в Рице, с их красивыми резными капителями, стали единственным украшением маленького баптистерия и, отнюдь не нарушая простоты его стиля, придают изящество, высоту и гармонию помещению, которое без них было бы слишком чопорным. В ротонде, которую они образуют, раскопки выявили бассейн для крещения и трубопроводы, по которым в него подавалось достаточное количество воды для погружения — полного или частичного, — которое было частью службы крещения в ранней Церкви. Но археологическая работа внезапно прекратилась, и вызывает глубокое сожаление тот факт, что здесь, в этом пустынном месте, где Церковь не желает нынешних реставраций в соответствии с особыми обрядами или современными стилями архитектуры, не должно быть полной реабилитации, баптистерия, восстановленного до фактического состояния его собственной эпохи.

“ПРЕКРАСНЫЕ ГРАНИТНЫЕ КОЛОННЫ”.—РИЗ. [\[Перечислить\]](#)

Бродя по полям, охваченный манией реконструкции, путешественник наткнулся на прекрасные гранитные колонны, которые с их капителями, основаниями и мраморными архитравами являются последним сохранившимся памятником римского величия Рица. Фрагменты скульптур, куски камня, вделанные в ее стены, существуют в большом количестве; но они слишком разрозненны, слишком расплывчаты, чтобы передать утраченную красоту и величие, которые выражают эти одинокие колонны. Он с удивлением смотрел на них. Ступал ли он там, где когда-то был грандиозный и оживленный Форум,

смотрел ли он на Храм какого-то великого римского бога? Весело звучали голоса молотильщиков, ярко и тепло светило провансальское солнце, но перед ним стояла одна из величайших тайн — безмолвная тайна мертвого прошлого, которое когда-то было живым настоящим. Он сидел у реки и бросал камешки в ее мелководье; косые лучи солнца придавали колоннам нежные оттенки, старые желтые, серые и фиолетовые, и, наконец, с наступлением вечера они, казалось, становились выше и белее в более бледном свете, пока не стали похожи на одинокие погребальные колонны, напоминая забывчивому человеку о давно умершем величии Риза.

Senez.

Наверх

В комфортабельной цивилизации Франции дилижанс обычно отправляется с того места, где заканчивается железная дорога; и каким бы отдаленным ни был пункт назначения или утомительным ни было путешествие, конечное и безопасное прибытие является достаточно вероятным. Это было размышлением, которое ободрило путешественника, когда он начал искать Сенес, древний город римлян, который был обращен в христианство в первые века и имел статус епископства вплоть до революции 89 года. Несмотря на это почетное звание и прочность древнего фундамента, он находится так далеко от современного, что даже достойные люди, живущие в пятидесяти милях от него, могут сказать только, что “Сенез - местечко небольшое, но его, несомненно, можно найти в десяти— может быть, пятнадцати или даже двадцати километрах за железной дорогой”.

“ Если месье сошел в Барреме, вероятно, почта для Сенеза тоже осталась бы там. А там, куда отправляются письма, какой-нибудь человек или зверь должен нести их, и за ними всегда можно последовать”.

Получив эти туманные указания, путешественник весело отправился в Баррем, где провел больше времени, чем он сам, одной унылой мартовской ночью во время тревожного путешествия от Эльбы до Парижа. В городе нет и следа поспешного визита Наполеона. Это выглядит просто сонной деревушкой, и когда путешественник сошел с поезда, он уже решил продолжить свое путешествие.

“ В Сенез? В ответ на его вопрос к нему подошел мужчина. “ Конечно, туда можно было добраться, почтовая карета отправлялась через час. И отель? Очень хороший отель — возможно, не парижский, но зато горячая еда, бутылка хорошего вина и чистая постель. Можно ли желать большего на этой земле?”

Путешественник так не думал и покинул станцию, чтобы застыть, как вкопанный, перед самым унылым средством передвижения, которое когда-либо носило звучное название “почтовая карета”. Маленькая повозка, внутри которой могли бы уместиться шесть тощих человек, старые окна в трясущихся рамах, остатки слоя желтой краски и сиденье спереди, защищенное от солнца выступающим куском крыши, — это была почтовая карета Сенеса, запряженная удрученным маленьким коричневым мулом, оборванным от старости, и тощей белой лошадью, возвышавшейся над ним. Чтобы завершить экипировку, эту меланхоличную пару связали веревками.

Через положенное время пришел водитель, прикрепил к приборной доске древнюю жестяную коробку с надписью “Lettres”, бросил туда мешковину и, взяв в руки кепку, пригласил путешественника подняться с ним “туда, где есть воздух”. Повелительно щелкнул

длинный кнут, почтальон, красивый черный пес, запрыгнул на крышу, и почтовая карета из Сенеса с грохотом и скрипом тронулась в путь по расписанию.

“Оп-ля, ты, мешок ленивых костей, завернутый в коричневую кожу! Эй, ты, белая гробница, думаешь, я выйду и понесу тебя? Возьми то-то и то-то.

“ПОЧТОВАЯ КАРЕТА СЕНЕСА”. [\[Перечислить\]](#)

По обе стороны дороги свирепо стегали кнутом, но старые вьючные животные философски качали головами и медленно трусили дальше, прекрасно зная, что их никто не тронет.

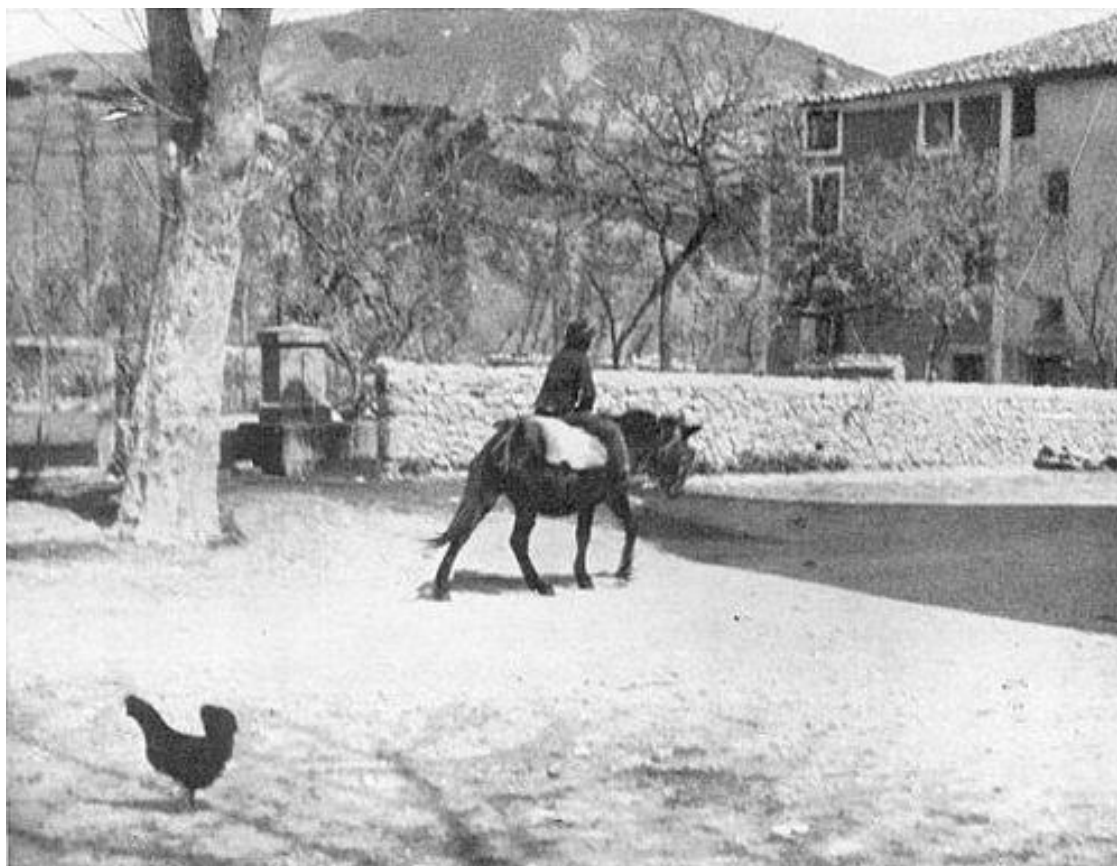
Жаркое солнце Прованса, которое “пьет реку, как человек выпивает бокал вина”, освещало длинную белую “национальную трассу”, которая монотонно тянулась через долину, которую вполне можно было бы назвать “Пустошь”. По обе стороны возвышались горы, представлявшие собой огромные массы голых, иссушенных скал, свидетельствовавших о разрушительных действиях забытых ледников; почва, которая когда-то покрывала их, лежала у их подножий. Из расщелин едва пробивался кустарник, и даже вдоль дороги немногочисленные тонкие тополя находили скудное питание.

Перейдя небольшой мост, мы увидели древнюю деревню, всего лишь горстку деревянных крыш, неправильной формы, сломанных и обветшалых.

“ Это был город в те дни, когда мы были римлянами, ” сказал Курьер, - и говорят, что под нашей землей спрятаны сокровища. Но кто может сказать, когда люди так много говорят? И, конечно, за два су, заработанных на поверхности, можно купить более горячий суп, чем за многие поиски за двадцать франков внизу ”.

Он пришпорил лошадь для подходящего и эффектного въезда в город, свернул в переулок и, с большим трудом удерживая поводья, остановился перед “отелем”.

Путешественник, спустившись вниз, вошел в комнату, которая могла бы послужить сюжетом причудливого голландского полотна. Он увидел низкий потолок, закопченные стены, длинные ряды скамеек, посыпанный песком пол и столы из сосновых досок, которые тянулись к открытой двери, а за открытой дверью виднелся котелок, покачивающийся над тлеющими в кухонном очаге углями. Хозяйка гостиницы, крепкая седовласая женщина лет семидесяти, поспешила поприветствовать своего гостя. “Было поздно”, - сказала она и быстро поставила таз с водой, новый кусок мыла и свежее полотенце на стул у кухонной двери; и когда путешественник готовился к обеду, он услышал, как потрескивают свежие сучья в огне и весело поет котелок. Были зажжены маленькие лампы, и когда он подошел к своему столику, то обнаружил хорошее деревенское вино и дымящийся капустный суп. Другие приходили поужинать, покурить и поболтать, а позже из окна своей спальни он видел их призрачные фигуры, движущиеся взад и вперед по неосвещенным улицам, и слышал, как они желали друг другу спокойной ночи. Дверь гостиницы была с шумом и надежно заперта на засов, и когда удаляющиеся шаги и голоса затихли вдаль, тишина темноты не нарушалась до тех пор, пока мимо не прошел сторож с мерцающим фонарем и громко не крикнул: “Все в порядке”.

“ОТКРЫТАЯ ПЛОЩАДЬ”. —СЕНЕЗ. [\[Перечислить\]](#)

На следующее утро солнце ярко осветило СенеЗ, и путник поспешил на открытую площадь. Мимо медленно прогуливалась лошадь, везущая фермерского мальчишку, тут и там щипали курицу, а из крошечного крана деревенского фонтана медленно сочилась вода.

“ДВОРЕЦ ЕГО ПРЕЛАТОВ”. —СЕНЕЗ. [\[К списку\]](#)

В этом тихом месте, недалеко от уединенных холмов, находится Кафедральный собор. Дворец его прелатов, который находится напротив, сейчас превратился в фермерский дом, где во дворе перед домом стоят скирды сена, а окна замурованы, потому что в Провансе холодные ветры, а стекло дорого.

“СОБОР”.—СЕНЕЗ. [\[Перечислить\]](#)

Глядя на эту резиденцию, можно подумать, что последние епископы Сенеса были незначительными священниками, погрязшими в деревенском вине и деревенском застое. Но такое предположение очень далеко от истины. Ибо мы знаем, что в XVIII веке Жан Соаннен, епископ города, был вызван на Собор в Эмбруне, чтобы ответить по обвинению в сопротивлении широко известной булле “Unigenitus”, и настолько сильны были его убеждения и так велика его преданность своей совести, что он воспротивился как Совету, так и Булле, и был лишен своего престола как янсенист и непокорный и сослан в аббатство Ла-Шез-Дье. В тихом Сенеze, должно быть, всегда было время для размышлений, и можно представить себе ожесточенную борьбу этого храброго человека, когда он ходил по комнатам Дворца, пересекал и вновь пересекал небольшую площадь, направляясь к собору. Можно представить себе его борьбу с Богом и своей совестью каждый раз, когда он служил мессу для народа перед алтарем собора. Можно понять ожесточенную борьбу между двумя высокими идеалами, непримиримыми в его жизни, — идеалом труда в Божьем винограднике или чистоты доктрины, как он ее видел. Ему пришлось выбирать между ними, этому епископу Сенеза, и когда он покидал город, чтобы ответить на вызов Совета в Эмбруне, его сердце, должно быть, болело, он, должно быть, со многим попрощался. Немногие решения могут быть серьезнее, чем отказ от семьи и дома ради служения Богу, немногие более торжественны, чем борьба между плотью и духом; но не может существовать более трогательной картины, чем эта печальная фигура Жана Соаннена; ибо он отрекся от семьи и мира и ради “общепринятой истины”, которая была для него ложной, терпел беспомощное, одинокое ничтожество под наблюдением подозрительных и недружелюбных монахов. Путешественник вспомнил свою могилу, ту могилу в маленькой часовне у подножия лестницы в знаменитом далеком аббатстве, и, вздохнув, понадеялся, что в своем скорбном изгнании епископ, возможно, осознал, что “служат и те, кто только стоит и ждет”.

Считается, что Булла Unigenitus, ставшая причиной его падения, вызвала в последние годы фанатизма Людовика XIV преследование тридцати тысяч уважаемых, умных и порядочных французов. Де Ноай, несколько епископов и парламент Парижа отказались принять его, хотя и не решились на открытое восстание, и даже Фенелон “покорился”, а не присоединился к нему. Этот знаменитый и вызывающий досаду документ был несчастной эманацией папы Климента XIII. Под давлением своих верных сторонников, иезуитов, он обнародовал его в 1713 году, и в нем с большой ясностью осуждаются сто одно положение, которые взяты из янсенистского “Размышлений моралеса о Новом завете” Кенеля. Иезуиты внушали янсенистам ужас, на который янсенисты отвечали взаимностью; папа был почти в неоплатном долгу перед орденом Святого Игнатия и был вынужден вернуть его. Но Булла, вместо того чтобы принести мир, принесла величайшее горе и душевное опустошение Его Святейшеству, и когда позже французский посланник спросил его, почему он осудил такое странное количество предложений, папа, схватив его за руку, разрыдался.

“ Ах, месье Амело! Месье Амело! Что вы от меня хотите? Я изо всех сил старался сократить список, но отец Ле Телье — последний исповедник Людовика XIV и преданный иезуит — дал слово королю, что книга содержит более сотни ошибок, и, наступив мне ногой на шею, заставил меня доказать его правоту. Я осудил еще только одного!”

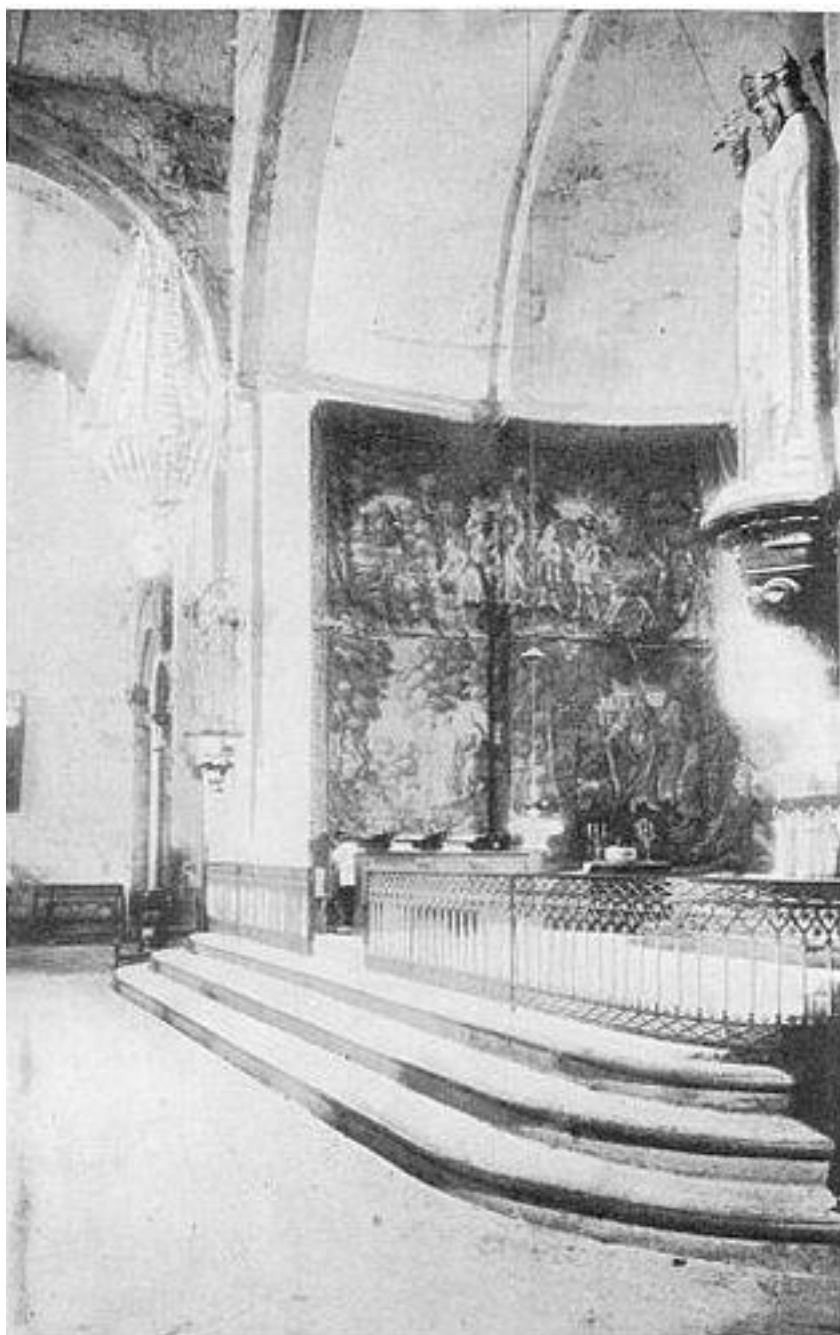
Кафедральный собор Сенеса - скромная деревенская церковь, в которой откровенная бедность сочетается с остатками древнего великолепия. Он небольшой, как и все церкви в его стиле, и хотя ему не хватает домашнего достоинства, это скромное произведение романского искусства XII века, а звучное название его освящения в 1242 году “Успение Пресвятой Девы Марии” предполагает внушительность, которой собор никогда не имел.

Две тяжелые опоры, поддерживающие стену фасада, напоминают более величественный Нотр-Дам-дю-Бур-де-Динь, и на них покоятся концы остроконечной двускатной крыши. Между этими контрфорсами стену пронзает длинное и изящное окно с круглой аркой, а под окном находится единственный стрельчатый портал, колонны которого исчезли, а изящная листовая резьба и лепнина, к сожалению, стерлись. Нарисованные на стене солнечные часы показывают время суток, а на самом остром конце фронтона изображен дерзкий маленький ангел с трубой во рту, дующий на ветру.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР.—СЕНЕЗ. [\[Перечислить\]](#)

Войдя в маленький портал, путешественник увидел сбившиеся в кучу бедные деревянные скамьи прихожан, а за ними - скамьи давно ушедших каноников. Перед этими старыми прилавками стояла новейшая церковная роскошь - мелодеон, а над ними висели гобелены, свидетельствующие о его богатом прошлом. Стены хоров также украшены гобеленами, а по обе стороны от них расположены узкие трансепты и апсиды в добром старом стиле. Есть также бедные и безвкусные алтари, которые составляют странный, жалкий контраст со старыми стенами и прекрасными сводами туннеля, величественной архитектурой прошлого.

“СТЕНЫ ХОРОВ УКРАШЕНЫ ГОБЕЛЕНАМИ”. — СЕНЕЗ. [\[К списку\]](#)

Выйдя из здания, где одинокий крестьянин преклонил колени в молитве, путешественник увидел боковые стены, голые, как горы вокруг, приземистую башню, возвышающуюся чуть выше крыши, и, подойдя к концу апсиды, он обнаружил сад при пресвитерии. Из сада, за упавшими воротами, он увидел церковь такой, какой ее видел кюре: три круглые апсиды с маленькими колоннами, декоративные арки карнизов поменьше, остроконечную крышу и между ветвями, усыпанными цветущими яблонями, смягченные линии низкой квадратной башни. Здесь, вторгшись на чужую территорию, кюре и нашел его. И после того, как они прогулялись по городу и целый день говорили о великом мире, который лежал так далеко за его пределами, они отправились в маленький сад, когда солнце уже садилось, и погрузились в размышления над чашечками кофе. Первым заговорил священник.

Возможно, под этими старыми церковными стенами погребены свидетельства нашей ранней истории, камни какого-нибудь древнего Храма или статуи его богов; ибо когда-то мы были

Санициумом, римским городом в стране шести римских дорог. Возможно, повсюду вокруг нас были великие памятники языческого богатства, Мавзолеи возле этих голых старых скал, подобные тому, что одиноко возвышается возле Сен-Реми, Виллы, Бани или Триумфальные арки”.

Проницательный взгляд смягчился, когда он продолжил с мягкой иронией: “Внизу, в этой маленькой долине Ассе-де-Блие, наш город кажется далеким от любой сцены, в которой принимали участие великие мира сего. Хотя я знаю, что это правда, мне часто кажется легендой, что веселый и доблестный Франциск I, мчавшийся на безумную войну, остановился по пути, чтобы причинить нам вред; и что четыреста лет назад банда гугенотов бесновалась вокруг нашего старого собора и пыталась разрушить его до основания ”.

“И вы думаете, это может быть правдой, - спросил путешественник, - что епископы держали таинственных узников в этой башне в течение очень долгого времени?”

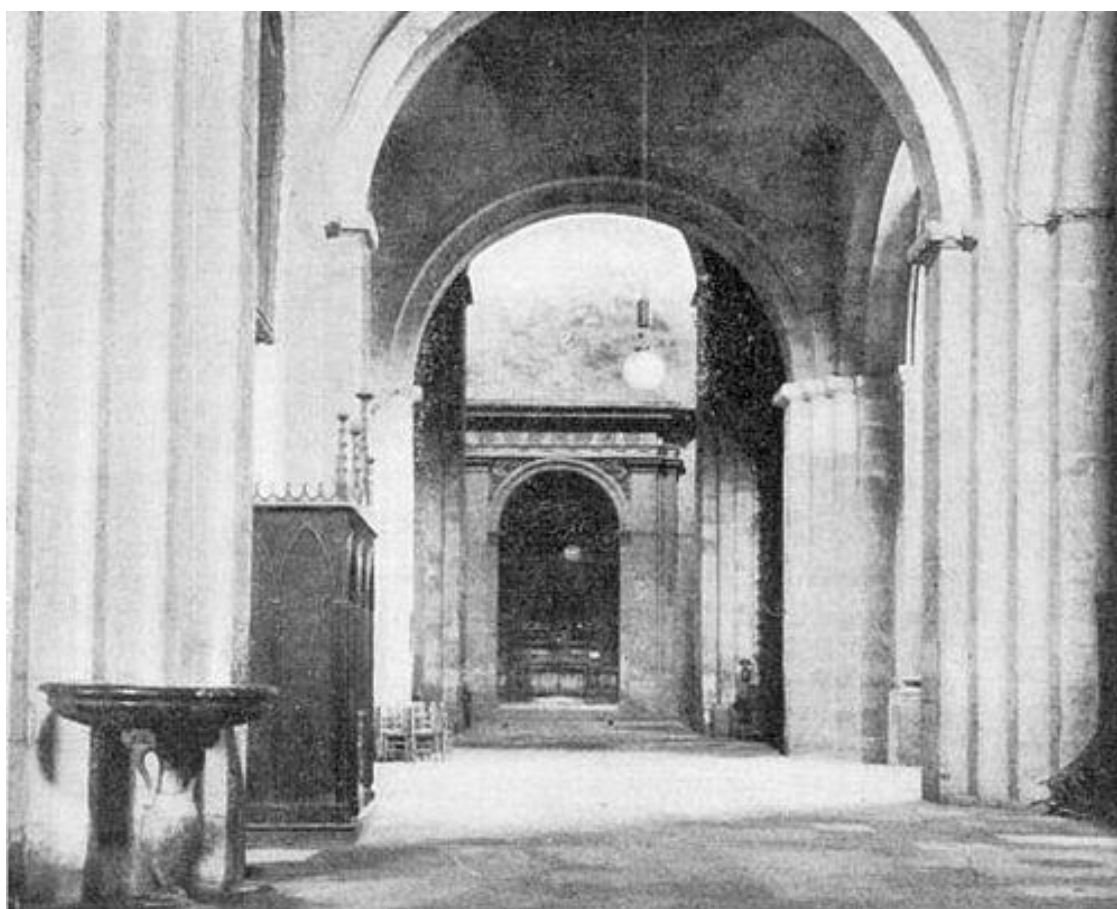
“МЕЖДУ ВЕТВЯМИ, УСЫПАННЫМИ ЯБЛОНЯМИ, ЦЕРКОВЬ, КАКОЙ ЕЕ УВИДЕЛ КЮРЕ”. - СЕНЕЗ. [\[К списку\]](#)

Кюре улыбнулся и покачал седой головой. “ Это история, которую рассказывают крестьяне, старая традиция этой страны. Возможно, это правда, поскольку священники - смертные люди и, несомненно, имели дело с грешниками. Он снисходительно улыбнулся. “За многие годы, что я здесь, я часто задавался вопросом обо всех этих вещах, но редко могу высказать свои мысли вслух. Иногда, когда я остаюсь здесь один, я теряю ощущение настоящего и, кажется, вижу призраки прошлого. Затем надвигаются сумерки, как надвигаются сейчас; ночь стирает Сенез из моего поля зрения, как судьба стерла его запись из истории, — и я понимаю, что наша человеческая память тщетна ”.

Aix.

[Наверх](#)

Старый собор Сен-Совер в Эксе - не одна из тех редко встречающихся красивых церквей, где полная и успокаивающая однородность радует глаз, и это не церковь грубых и шокирующих переходов. Это довольно хорошо организованный музей церковной архитектуры, где в достаточной исторической преемственности и гармонии представлены многие провансальские концепции, и можно очень полно проследить эволюцию провансальской архитектуры. Как и во всех коллекциях, красота Сен-Совера заключается не в общем виде или взгляде в дальнюю перспективу, а в внимательном и любовном изучении деталей, которые он заключает в себе; и так очаровательны, так по-настоящему красивы многие из разнообразных маленьких сокровищ Экса, что такое изучение здесь окупается лучше, чем в любом другом провансальском соборе. Ибо это один из крупнейших соборов провинции, и здания, составляющие церковную группу, являются наиболее завершенными. С его баптистерием, монастырем, церковью и архиепископским дворцом, он представляет не только множество эпох и стилей, но и множество исторических неопределенностей, и гипотез о его строительстве достаточно, чтобы ошеломить самого закаленного археолога.

“ЮЖНЫЙ ПРОХОД”.—ЭКС. [\[Перечислить\]](#)

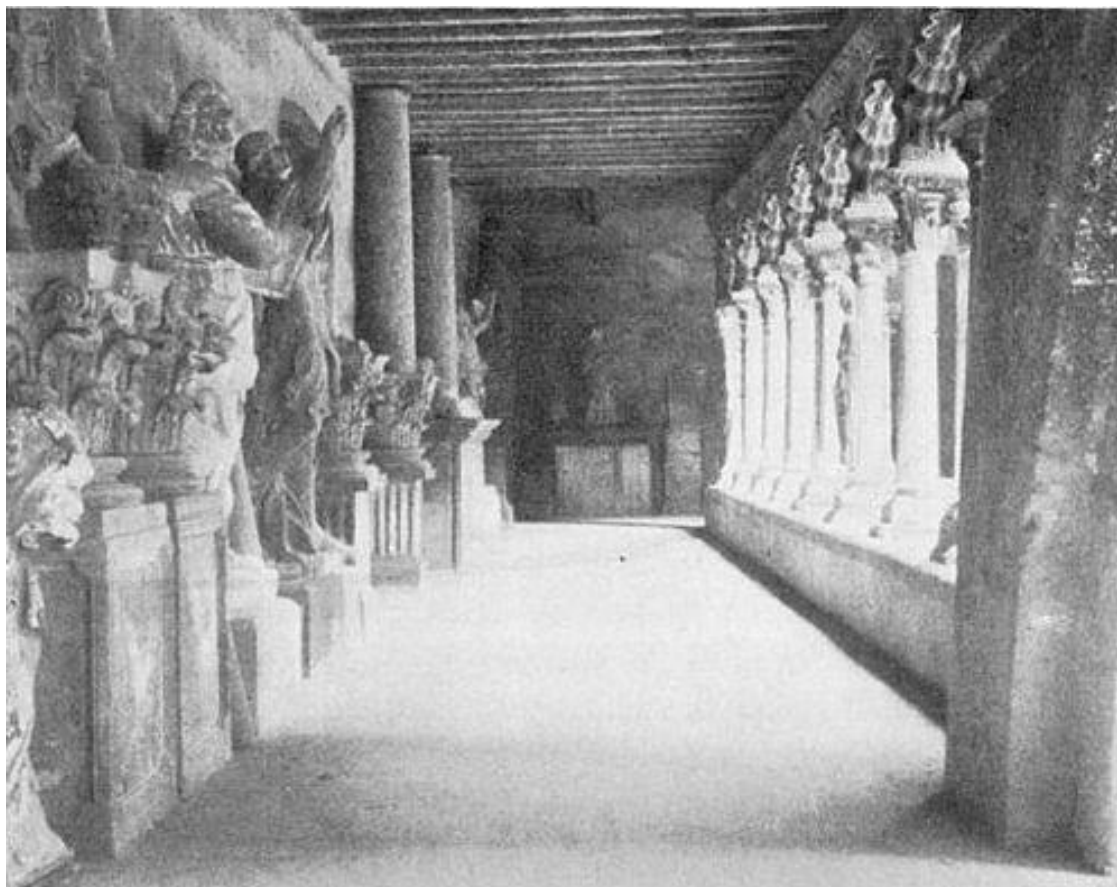
Самой старой частью собора является баптистерий, и дата его возникновения неизвестна. Большая часть его облика была утрачена при реставрации XVII века, но его старая круглая форма, великолепные римские колонны из гранита и зеленого мрамора, которые, как говорят, были частью Храма Аполлона, придают ему атмосферу достоинства и древнего очарования, которое не смог разрушить даже XVII век, столь могущественный в архитектурном зле.

РОМАНСКИЙ ПОРТАЛ. [\[Перечислить\]](#)

В 1060 году, после разрушительных перипетий первых веков, архиепископ Ростен д'Йер издал пастырское письмо, призывающее верующих помочь ему в восстановлении нового собора; и можно разумно предположить, что неф, который в настоящее время является южным приделом, баптистерий и Монастыри были зданиями, которые были освящены менее чем через пятьдесят лет. Это единственные части церкви, которые можно отнести к столь раннему периоду, и с низкой входной дверью, единственным нефом и прилегающей галереей они представляют собой обычный план романского стиля XI века. Рассматривая это как раннюю церковь, почти в первоначальном виде, можно увидеть, что портал представляет собой очень интересный пример провансальского использования не только римских идей, но и реальных фрагментов римского искусства, которые избежали вторжения; что южный придел, сам по себе заверченный интерьер, имеет большое сходство с авиньонским; и что Монастырь, хотя сейчас он очень изношен и даже поврежден, должно быть, был одним из самых причудливых и изящных, поскольку он один из самых крошечных в Провансе. Три

стороны его аркад поддерживают простые здания более поздней постройки; четвертая стоит свободно, словно в руинах. Маленькие спаренные колонны, некоторые изящно округлые, некоторые витые, а некоторые многоугольные, опираются на низкую стену; опоры, очень искусно вырезанные по-разному, находятся под каждым из углов аркады; маленькие капители колонн когда-то были красиво вырезаны, и даже поверхности арок имеют небольшие слоистые диски и розетки и выполнены в виде рулонов и углублений. К сожалению, очень большая часть этой детальной работы настолько испорчена, что ее сюжеты едва намечаются, некоторые настолько изъедены, что лишены красоты, как этот бесплодный маленький четырехугольник; и весь Монастырь, кажется, достиг грани той трогательной старости, которую описал Шекспир, и что еще один шаг в марше времени оставил бы его “без всего”.

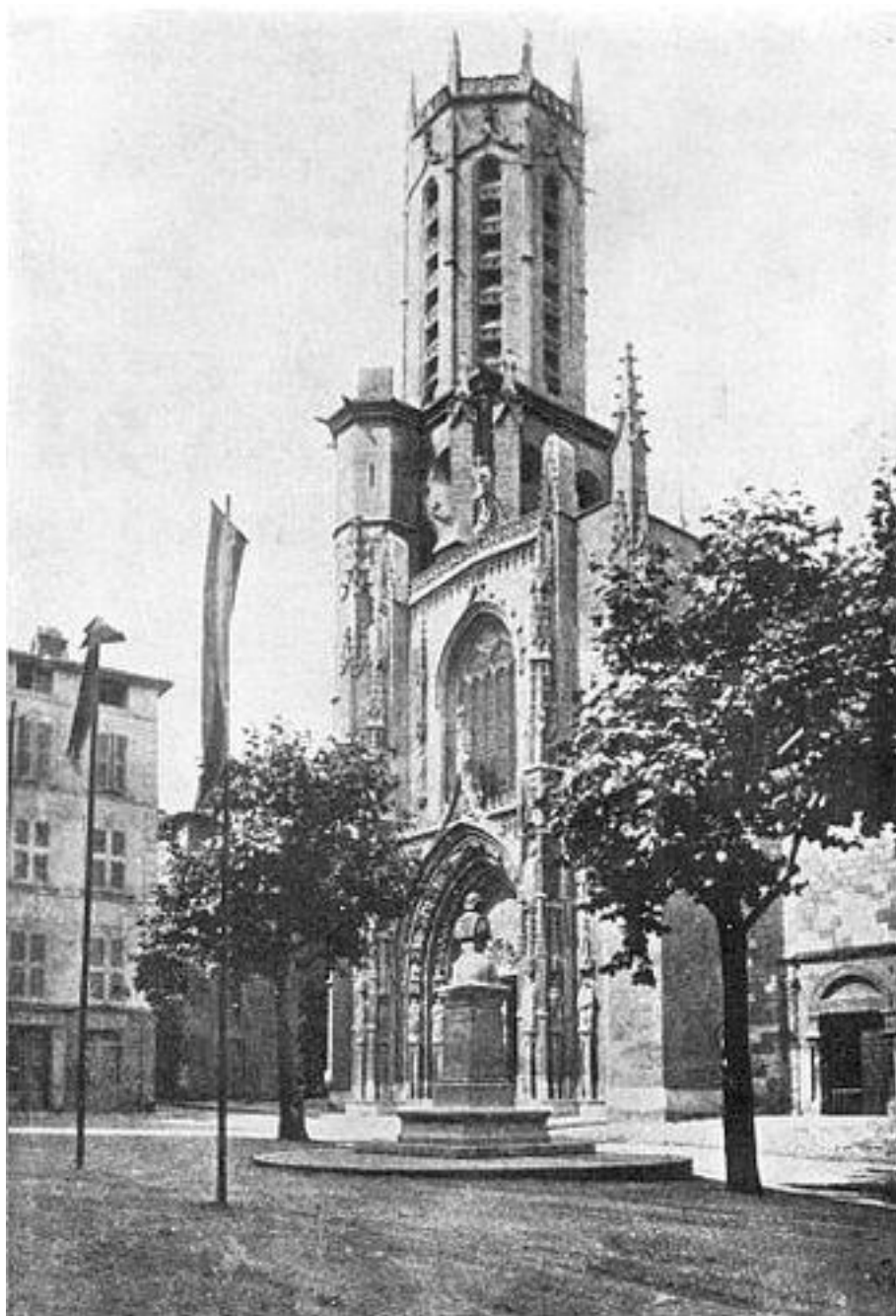

МОНАСТЫРЬ.—ЭКС. [\[Перечислить\]](#)

Примерно двести лет спустя, в 1285 году, архиепископ Эксский счел собор слишком непритязательным для ранга и достоинства престола и приступил к пристройке в готическом стиле. Как и у многих других прелатов, его амбиции превышали его средства; и история Сен-Совера с XIII по XIX век - это часто рассказываемая история о новых поблажках, предлагаемых за новые пожертвования, остановках и отсрочках в строительстве, опустошении казны и снова призывах и новых усилиях. Начало строительства увеличенного собора было архитектурно неожиданным. Старый неф, ставший южным нефом, был соединен с новым двумя небольшими проемами; он сохранил большую часть своей обособленности и, несмотря на пристроенные часовни, был фактически изолирован. Готический неф, северный придел и его многочисленные часовни, апсида и трансепты, строительство и реконструкция которых растянулись на длительный период между XIII и XVII веками, сравнительно правильны, однообразны и неинтересны. Самый грандиозный вид открывается на центральный неф, вся длина которого настолько незначительно нарушена

входами в боковые нефы, что кажется, что он почти полностью окружен массивными стенами. Здесь, в готических бухтах, находятся те округлые продольные арки, которые принадлежат романскому стилю и какому-то сооружению, чья идентичность похоронена в таинственном прошлом. Хоры с их длинными узкими окнами и группами колонн очень привлекательны, а их семь сторон, чуждых Провансу, напоминают об итальянских и испанских конструктивных формах и навевают воспоминания о странных прогулках - к далекому Фрари в Венеции и более холодному лондонскому аббатству. От хора Сен-Совер открываются две часовни; и одна из них представляет собой очаровательное произведение архитектуры, точную копию самой главной апсиды в миниатюре. Росписи этой главной апсиды нейтральны, ее стекло не претендует на роскошь, а киоски очень непритязательны; но над ними висят гобелены, приписываемые Матсису, великолепные драпировки фламандской школы, которые когда-то были в старом соборе Святого Павла.

Этими прекрасными деталями богатая сокровищница интерьера исчерпывается, и можно перейти к изучению деталей экстерьера. Единственная башня собора, возвышающаяся за линией фасада, была одной из частей, которой дольше всего пренебрегали, — возможно, потому, что башня менее важна для ритуала, чем любая другая часть церковного здания. Начатая в 1323 году, работа сопровождалась многими периодами абсолютного безделья, пока в 1880 году к верхней восьмиугольной ступени не была пристроена балюстрада с остроконечиями под каждым углом, и таким образом строительство башни было завершено. Восьмиугольник с узкими окнами покоится на простом квадратном основании с массивными опорами. Это скорее приятная, чем примечательная башня, и взгляд прикован к более красивому фасаду. Здесь, окруженный строго простыми опорами, находится один из самых очаровательных порталов провансальской готики. Украшенные контрфорсы стоят по обе стороны большого неглубокого углубления с высокой остроконечной аркой, а в центре тонкий пирс разделяет вход на две части, предвосхищая окончательное разделение на Справедливых и Неправедных. Множество прекрасно выполненных статуй раньше были спрятаны в нишах, под изящными балдахинами и в сотнях маленьких уголков, которые скрываются за настоящими готическими порталами. Стоящие апостолы и сидящие Патриархи, выглядывающие херувимы—младенцы и более драматичная композиция тимпана — Преображение - все это придавало Сен-Соверу достоинство и богатство. К сожалению, многие из этих скульптур были вырваны из своих щелей во время великой революции; и лишь немногие из небесного воинства — милостивая Мадонна, Святой Михаил и Пророки, — остались как прообразы тех, кто был так бессмысленно уничтожен. Низкие, пустые фронтоны, приютившие утраченные статуи, их стройные, сужающиеся башенки и изящный внешний изгиб арки представляют собой восхитительную, если не внушительную композицию. Деревянные двери портала, защищенные простыми наличниками, изобилуют резьбой, частично ренессансной, частично готической. Сивиллы и Пророки стоят под навесами, окруженные листвой, плодами и цветами, или отделены друг от друга маленькими контрфорсами или пилястрами. Этот готический портал своей изящной проработкой затмевает меньшую дверь, стоящую рядом с ним, в более простом и не менее мощном очаровании романского стиля. И бок о бок эти порталы предлагают удивительно интересное сравнение существенных различий и качеств двух их великих стилей. Если романский стиль Сен-Совера намного превзойден в Арле, Дине и Систероне, то нигде в Провансе готика не имеет более богатых деталей; и если самые благородные из провансальских творений нужно искать в других маленьких городах, то любитель архитектурных сравнений, деталей, множества второстепенных вещей, а не гармонии единого целого, надолго задержится в Эксе.

КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР.—ЭКС. [\[Перечислить\]](#)

В самом старом городе едва ли сохранились следы многих исторических драм, ареной которых он был, — мрачной трагедии времен Водуа, яркой, веселой комедии двора доброго короля Рене, коротких сцен оккупации Карлом V, борьбы парламента с Ришелье и Мазарини, дня пламенного Мирабо, мрачной мелодрамы Революции, — все это прошло, и время разрушило их памятники почти так же полностью, как сарацины разрушили памятники ранних римских времен. В стенах Сен-Совера сохранилось лишь несколько бесформенных фрагментов великого Храма Аполлона. Самый ранний собор, Сент-Мари-де-ла-Сед, полностью исчез, старые термальные источники окружены современными зданиями, и только статуя “доброго короля Рене” и церковь мальтийских рыцарей придают Эксу слабую атмосферу его былого величия. Кому могло присниться, что здесь были дома элегантных и образованных придворных блистательной столицы короля Рене, кто бы подумал, что этот город был самым ранним римским поселением в Галлии, Акве Секстией Бань, Храмов, театров и огромного богатства? Экс — величественный город, столица провинции, которую

вполне мог бы описать Бальзак, со старыми, тихими, немного унылыми улочками, с прекрасной аллеей, затененной высокими деревьями, в тени которых журчит несколько фонтанов, с рядами маленьких дилижансов, которые каждый день приезжают из деревни, — город, жизнь которого по духу так же далека от соседнего современного Марселя, как и от Парижа, такой же причудливо-восхитительно провинциальный, как и другой маленький провансальский город, Тараскон времен короля Рене и Тартарена.

Лангедок.

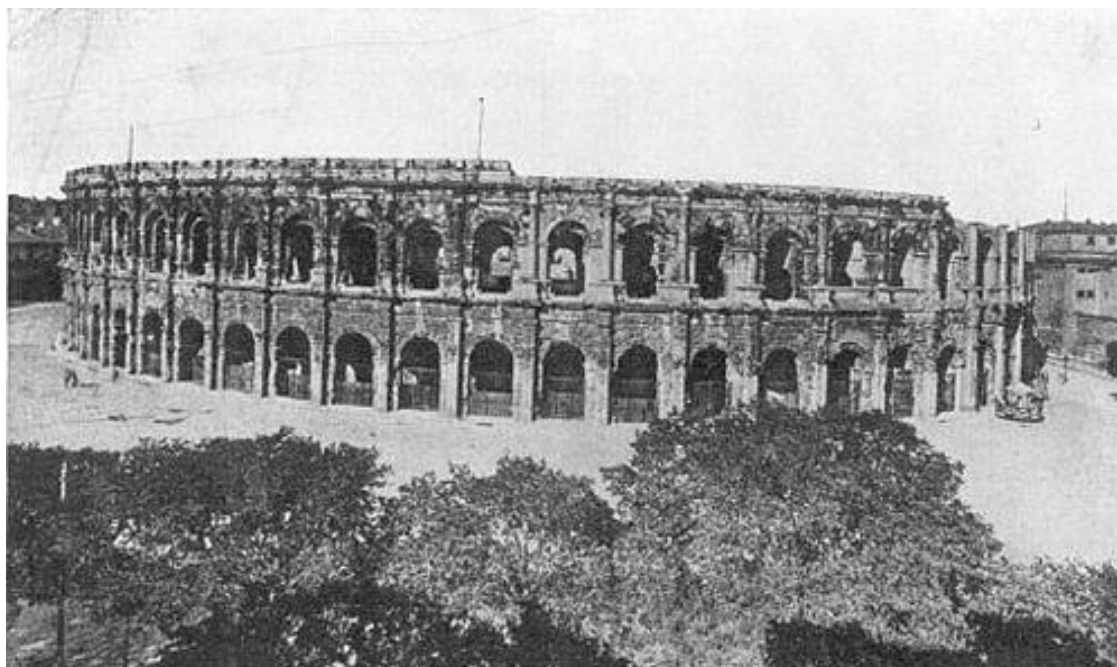
Я.

Наверх

ГОРОДСКИЕ СОБОРЫ.

Nîmes.

Приезжая в Лангедок из долины Роны, любитель кафедральных соборов обречен на разочарование в городе Ним. Вся эта напряженная внутристиенная жизнь Средневековья, кажется, прошла мимо этого города, и его следы, которые он так стремится найти, не оказываются ни примечательными, ни красивыми.

“АМФИТЕАТР, КОТОРЫЙ СОПЕРНИЧАЕТ ПО ИСКУССТВУ С КОЛИЗЕЕМ”.—НИМ. [\[К списку\]](#)

Великое прошлое Нима имеет более отдаленные корни, чем возраст здания собора. Небольшой, но изысканный храм, Нимфей, Бани, части прекрасного портала, римские стены и Амфитеатр, который по искусству может соперничать с Колизеем, — вот руины нимского

величия. По сути, она была городом римлян, и то, что даже сегодня она не утратила память о своей славной древности, было хорошо проиллюстрировано в 1874 году, когда немцы с большой помпой и гражданской гордостью открыли статую “своему соотечественнику” императору Антонину Пию. Это воспоминания, которыми наслаждается Ним. И все же ее история более поздних времен, если и не славная, то полная странного и любопытного интереса. Как и все древние города Юга, она попала в руки многих диких и чужеземных врагов, и наконец в 737 году Карл Мартелл прибыл к ее воротам. При полном невежестве в искусстве ни одна красивая вещь, вставшая у него на пути, не избежала огня и топора; и следы дыма на стенах арены показывают сегодня, как чудом они избежали непоправимого разрушения, уничтожившего Форум, Капитолий, Храм, Бани и все великолепие римского Нарбонна. Как для раннего, так и для позднего Средневековья римские руины имели едва ли большее значение, чем для франков. Изящный храм жены Траяна, презираемый за свои языческие ассоциации, использовался как конюшня, склад, и, очищенный надлежащими церемониями, он даже стал христианской церковью. У Амфитеатра была еще более странная судьба. Для средневекового виконта это, естественно, было немыслимо как место развлечений, и столь же естественно, что он видел в его стенах крепость, где он мог жить так же надежно, как всегда жил лорд в замке. Как крепость, успешно бросившая вызов Карлу Мартеллу, это было место немалой силы, и в 1100 году оно превратилось “в настоящее осиное гнездо, кишачье войнами”.

За несколько лет до этого папа Урбан II высадился в Магуэлоне и направился в Клермон, чтобы проповедовать о Первом крестовом походе. На обратном пути он остановился в Ниме и провел Совет с той же святой целью. Раймон де Сен-Жиль, граф Тулузы и сюзерен Нима, отправился туда, чтобы встретиться с Верховным понтификом, и среди удивительного брожения энтузиазма, вызванного “Священной войной”, Юг был вновь посвящен этому романтическому и воинственному этапу дела Христова. Тренкавель, виконт Нима, верный Богу и своему Сюзерену, последовал за Раймондом в Палестину. Его естественные защитники исчезли, и город сформировал оборонительную ассоциацию под названием “Кавалеры Арены”. Как следует из названия, это любопытное братство состояло из солдат древнего амфитеатра. Как и многие другие в то время, он был полувоенным, полурелигиозным, его члены были связаны множеством торжественных клятв и церемоний, и, таким образом, по причуде судьбы, эта старая языческая игровая площадка превратилась в крепость, предназначенную для защиты христианами, арену многих торжественных месс.

Разногласия в христианской вере, последовавшие за пылкими крестовыми походами, были самыми пагубными для Нима. С XIII по XVII века религиозные войны прерывались подозрительными и незамеченными перемириями, которые, в свою очередь, нарушались новыми вспышками ожесточенного соперничества. Союзник новых “крестоносцев” во времена Симона де Монфора, Ним в XVI веке стал в значительной степени протестантским; и в 1567 году, словно в отместку за обиды, которые их предки когда-то нанесли альбигойцам, Ним разграбили дворец своего епископа и сбросили всех католиков, которых смогли найти, в городские колодцы. Это празднование Дня святого Михаила было вознаграждено Резней Святого Варфоломея. Мудрый Нантский эдикт положил конец этим военным действиям — его отмена, новые преследования и бегства. Сто лет спустя гугеноты снова были в силе и, воспользовавшись беспорядками революции, успешно истребили католиков города; а во время “Белого террора” 1815 года католики восстали и отомстили за себя с не меньшей энергией. Если вспомнить, что этот дикий и мстительный дух характеризовал нимуа последние шестьсот лет, то едва ли удивительно, что они предпочитают останавливаться на отдаленной древности своего города, а не на поучительных эпизодах его христианской истории.

Между славой ее язычества и спорами христиан Вера боролась и выжила; но в эпоху строительства соборов религиозный энтузиазм так часто выливался во взаимную ярость и репрессии, что ни времени, ни мыслей не оставалось на это обычное и мягкое выражение средневекового рвения - церковную архитектуру. А церковь Нотр-Дам-э-Сен-Кастор, которая, казалось бы, пострадала от пренебрежения и невежества как меценатов, так и строителей, является одним из наименее интересных соборов в Лангедоке.

Примечательной частью интерьера является изящная галерея нефа, которая также окружает хоры, а незначительность внешнего вида смягчается только фризом XI и XII веков. На этом фризе во многих интересных деталях изображены библейские истории первых лет существования человечества; но, к сожалению, он расположен так высоко на передней стене, что кажется плохо пропорциональным фасаду, и как резная деталь его почти невозможно отличить. Как было прекрасно сказано, вся церковь "измождена" и некрасива; это удручающая смесь стилей, римского, романо-византийского и готического; и изучение одной ее мелкой детали, фотографии или рисунка приносит гораздо больше удовлетворения, чем час мучительных усилий увидеть оригинал.

Montpellier.

Наверх

Монпелье - "приятный город, чистый, хорошо застроенный, пересеченный открытыми площадями с широкими горизонтами и прекрасными широкими бульварами, город, отличительными чертами которого, по-видимому, являются богатство и вкус к искусству, досугу и учебе". "Вкус" и "искусство" - это в основном псевдоклассический стиль, имитация "древней Греции и императорского Рима", которые французы XVIII века довели до такого неприятного избытка. Общие характеристики имитации, размер и напыщенность, хорошо отражены в главной статуе прекрасного Марсова поля в Монпелье, которая представляет роскошного Людовика XIV на высоких каблуках в неподходящих доспехах римского императора, восседающего на огромном и беспокойном коне. Такая вычурность в архитектурных сюжетах наносит смертельный удар по всей настоящей красоте и оригинальности, и Монпелье мало что получил от своих покровителей Бурбона, за исключением ряда прекрасных широких пейзажей. Ни один город не мог бы предложить большего контраста с древним и величественным классицизмом Нима.

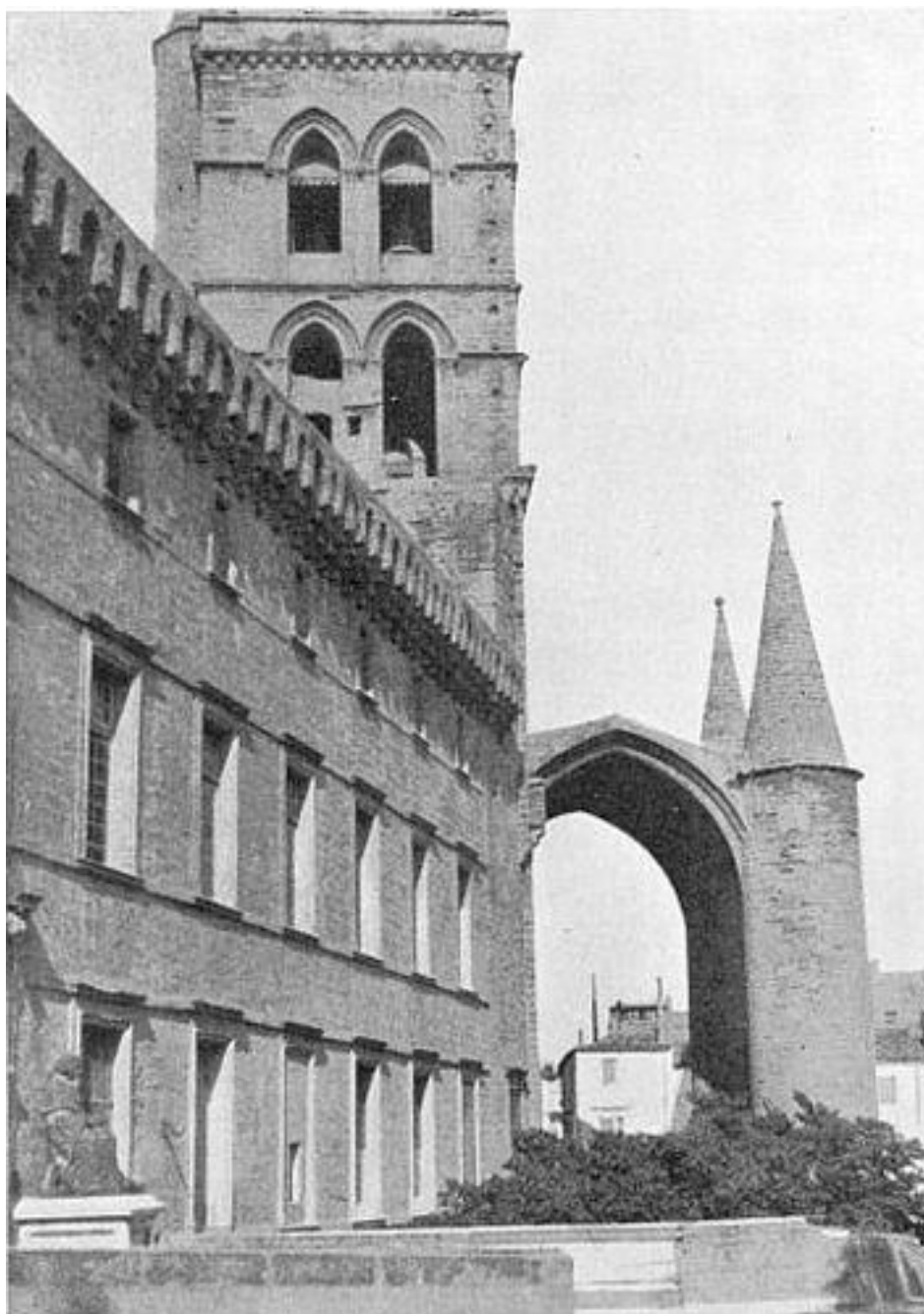
Если бы средневековое происхождение Монпелье не было хорошо известно, можно было бы подумать, что это творение эпохи Возрождения, и несколько узких, извилистых улочек прежних времен мало напоминают о его бурном прошлом, когда город рос как никогда прежде и после, когда его искали знатоки гения Петрарки и остроумия Рабле, когда он принадлежал Арагону или Наварре, а не королю Франции. Это интересный Монпелье.

В XIII веке у нее был университет, официально санкционированный папой римским, и медицинская школа, основанная арабскими врачами, которая соперничала с парижской. Что еще более важно для Лангедока, ее процветание начало затмевать процветание соседнего епископства Магуэлон, и между двумя городами возникло ожесточенное соперничество. С самого начала Магуэлон был обречен. В ней не было школ, которые могли бы соперничать со школами Монпелье; она перестала расти по мере того, как молодой город набирал известность и размеры, пока даже история не обошла ее стороной, и волнующие события того времени не произошли на улицах ее более крупного и процветающего соседа. В конце концов, она была покинута своими епископами, и ее больше не поддерживало их епископское достоинство, ее падение было настолько ошеломляющим, что сегодня ее средневековые стены рухнули до последнего камня, и только одинокий старый собор

остался в память о ее величии. В 1536 году милорд епископ с подобающей помпой и церемонией выехал из ее ворот и впервые въехал в Монпелье в качестве титулярного епископа.

Он не обнаружил, что горожане настолько воодушевлены новым достоинством города, чтобы заложить фундамент для нового собора, и сам он не казался амбициозным, как его предшественники из Магуэлона, построить церковь, достойную его ранга. Однако, поскольку епископ должен иметь кафедральный собор, часовня бенедиктинского монастыря была выбрана для этой чести и торжественно освящена собором Сен-Пьер в Монпелье. Эта часовня была построена в XIV веке, и во время этих епископских перемен был закончен только неф. Однако он был готическим; и поскольку этот стиль стал очень популярен на Юге в этот поздний период, епископ, должно быть, полагал, что положил начало очень прекрасному и достойному восхищения собору. В религиозных войнах, последовавших за 1536 годом, сменившие друг друга прелаты обнаружили, что многое отвлекало их от дальнейшего строительства; сам собор был настолько поврежден, что еретики уделяли необходимое внимание простым архитектурным деталям, насколько это было возможно, поэтому были проведены необходимые реставрации и перестройки, и завершенный Сен-Пьер сегодня представляет собой здание удивительной современности.

Внутри неф и проходы частично старой постройки, но прекрасный хор - это здание Ревуиля XIX века. Что касается внешнего вида, то вся апсида также принадлежит ему, и поскольку портал южной стены был построен в 1884 году, а северная сторона собора включена в стену Епископского дворца, средневековыми являются только башня и фасад.

“ЕГО ОБЩИЙ ЭФФЕКТ В ЧЕМ-ТО НАПОМИНАЕТ ПОРТ—КОШЕР”.-МОНПЕЛЬЕ. [\[Перечислить\]](#)

Ни одна из башен не имеет большого архитектурного значения, будь то красота или оригинальность. По сравнению с отделкой фасада они не производят особого впечатления. Это украшение имеет больше оригинального несоответствия, чем любая деталь, когда-либо применявшаяся к фасаду, будь то готический или романский стиль, и является крайним примером вольности, которую южные строители позволили себе в адаптации северного стиля. Это причуда, которая понравилась некоторым англосаксонским путешественникам, но французские власти, почти не выражая несогласия, извиняющимся тоном называют ее “непростительной”. Его общий эффект в некоторой степени напоминает порт-кошер, крыша которого, непосредственно примыкающая к передней стене, имеет готическую форму и поддерживается двумя огромными колоннами. Колонны заканчиваются конусами, которые ни на что в мире так не похожи, как на сахарные батоны, и вся конструкция удивительно уникальна. И все же, как ни странно, эффект фасада с гладкостью и округлостью его колонн и бескомпромиссной прямоугольностью башен, хотя и в целом плохой, не является совсем уж

неприятным. Стоя перед ним, путешественник был одновременно сбит с толку и очарован, увидев, что даже при всей экстравагантности своих сочетаний строители с истинно южным изяществом избежали как гротеска, так и чудовищного.

“САМЫЙ ПРЕКРАСНЫЙ ВИД ОТКРЫВАЕТСЯ ИЗ АПСИДЫ”.—МОНПЕЛЬЕ. [\[Перечислить\]](#)

В целом Сен-Пьер - прекрасный собор; на протяжении многих этапов строительства, расширения и реконструкции его стиль оставался созвучным; но общее впечатление не совсем гармоничное. Перспектива западного фронта, которая должна была бы быть впечатляющей, разрушается холмом, который резко поднимается вверх перед самым порталом. Фасад примыкает к огромной, цельной стене старого Епископального дворца, и величественность, которая является Соборной только благодаря своей высоте, полностью разрушается кажущейся бесконечной шириной стены. Нарушая естественный порядок вещей, самый прекрасный вид открывается на апсиду. И эта современная часть на самом

деле является главной архитектурной достопримечательностью этого сравнительно нового собора и его сравнительно современного города.

Béziers.

Наверх

“Вам стоит только издали взглянуть на любой старомодный город-собор, и вы сразу увидите средневековые отношения между Церковью и государством. Собор - это город. Первый объект, который бросается в глаза при приближении, — это шпиль, уходящий в небо, или огромные башни, занимающие центральное место в пейзаже, величественно красивые и внушительные уже одним своим размером. По мере приближения вершины сверкают в лучах заката, когда внизу, на улицах и переулках, сгущаются сумерки. И даже сейчас, когда города втрое увеличились в размерах по сравнению с древними, ... Собор по-прежнему является движущей силой картины, единственным объектом, который обладает воображением и отказывается быть затмеваемым”. Эти слова являются лучшим и наиболее впечатляющим описанием Безье. Издалека собор и его крепостные стены возвышаются внушительной массой, являясь прекрасным примером силы, гордости и превосходства Церкви.

По мере приближения собор становится все менее внушительным, а его фасад производит впечатление неприятного нагромождения стилей. Это не церковь-крепость, но она, очевидно, была построена для обороны; она готическая, но легкость и изящество этого искусства принесены в жертву массивности и стойкости, которые настоятельно требовались южным соборам во времена войн и воинственных еретиков. Все здание кажется компромиссом между необходимостью и искусством.

Это, однако, примечательный пример южной готики и модификаций, которым неизменно подвергался этот стиль из-за художественного каприза его строителей или политической дальновидности их покровителей, епископов.

“БАШНЯ С ЧАСАМИ ОЧЕНЬ КВАДРАТНАЯ И ТОЛСТАЯ”. - БЕЗЬЕ. [\[Перечислить\]](#)

Фасад Сен-Назер-де-Безье украшен готическим порталом хороших, но не примечательных пропорций и большим и красивым окном-розеткой. Словно для того, чтобы защитить эти слабые и декоративные попытки, строитель пристроил к ним две квадратные башни, чьи зубчатые вершины и прочные, тяжелые стены могли служить опорными пунктами. Возможно, чтобы примирить непримиримое, над окном-розеткой были размещены зубцы, соединяющие башни, а на обоих концах портала в стене башни было вырезано несколько дюймов готической резьбы. В результате получилось откровенное несоответствие. И путешественник без сожаления ушел, чтобы посмотреть на апсиду. Нельзя отрицать, что башня с часами, которая попадает в поле зрения, очень квадратная и толстая; но, несмотря на это, она обладает простым достоинством, а поскольку сама апсида не вычурна, это оказался действительно приятный детальный вид собора. Открытая площадь за церковью крошечная, и там лучше всего можно разглядеть любопытную железную решетку, которая во

времена средневековых восстаний защищала прекрасные окна хора и сохранила их для будущих поколений прихожан и почитателей. Было уже за полдень, когда путешественник закончил свои исследования Сен-Назера; и поскольку церкви на юге закрываются между двенадцатью и двумя часами дня, он отправился перекусить в маленькое кафе неподалеку и терпеливо дождался часа повторного открытия. Если бы не было ничего, что можно было бы исследовать, кроме интерьера, он не смог бы провести два часа в таком довольном ожидании. Но там был Монастырь, и без двух ударов они с ризничим встретились перед порталом.

Описывая свои "памятники", французские путеводители ограничиваются фактами и прилагательными "прекрасный" и "замечательный"; они почти всегда строго обезличены, и путешественник, используя их как чичероне, испытывает чувство неожиданного открытия, особый восторг от нахождения памятника редкой красоты; но он никогда не испытывает того разочарованного раздражения, которое возникает, когда стоишь перед "памятником" и чувствуешь, что твои ожидания были неоправданно преувеличены. Монастырь Безье - "прекрасный памятник", но, прогуливаясь по нему, путешественник не испытывал чувства восторга. Он нашел небольшой монастырь, готический, как и кафедральный собор, с громоздящимися колоннами и небольшим количеством украшений. Она была отреставрирована не совсем полностью и обладала печальным, меланхоличным очарованием, как одинокая веточка лаванды в старом прессе или листок розы между страницами потрепанного и забытого молитвенника. Рядом с монастырем стоит готический фонтан; но те дни, когда его воды падали и звенели в тишине, когда их звук смешивался с бормотанием молитв и медленными шагами священников, — те дни давно забыты. Причудливый и красивый фонтан сейчас высох и покрыт пылью; в то время как вокруг него деревья, растения и сорняки растут как попало, обломки монастырских колонн отвалились, а в нишах нет Святых, охраняющих их.

“ПРИЧУДЛИВЫЙ И КРАСИВЫЙ ФОНТАН”. —БЕЗЬЕ. [\[К списку\]](#)

Напротив, сам собор кажется полным жизни. Его интерьер представляет собой готическую комнату без проходов, чья высокая высота и отсутствие колонн или деталей придают ему вид огромного и хорошо продуманного помещения. За исключением действительно красивых окон на хорах, которые сами по себе являются кабинетом, в этом интерьере очень мало чего, что могло бы привлечь внимание; человек теряется в приятном ощущении общей симметрии. Когда путешественник сидел в нефе, несколько священников вышли на хоры и дрожащими голосами начали нараспев читать молитвы, и в тишине церкви, в дрожащем однообразии слабых, старых голосов его мысли обратились к волнующей истории, которая происходила вокруг Собора и в самих его стенах. Ибо Безье был и всегда оставался рассадником еретиков. Здесь в IV веке, задолго до строительства Собора, император Констанций II вынудил католических епископов Галлии присоединиться к своим еретическим арийским собратьям на Совете; здесь столь же еретические вестготы придали новую силу раскольникам; и здесь, опять же, после столетий ортодоксальности, которую навязал Хлодвиг, образовался новый центр религиозной бури. Примерно в этот период, в XII и XIV веках, был построен собор; и, возможно, именно из-за силы французских протестантов против Римской церкви, альбигойцев, его по сути готический стиль был так искажен военными дополнениями. В начале смутных времен, о которых напоминают эти башни, Раймон-Роже Тренкавельский, галантный и романтичный сеньор Каркассона, был также виконтом Безье; и вопреки фанатичному энтузиазму своего времени, был очень расположен к религиозной терпимости; поэтому в первые войны католиков и протестантов город Безье стал убежищем не только для запуганных верующих из окрестностей, но и для многих преследуемых протестантов. В XIII веке рвение католической партии, подкрепленное политическими интересами ее членов, стало наиболее горячим и опасным. Святой Доминик

пришел на Юг; и в своих страшных, пламенных проповедях он не только пророчествовал, что альбигойцы увеличат число проклятых в Судный день, но и выступал за то, чтобы при жизни они познали ад инквизиции. Сторонники католической веры были торжественно посвящены папой Иннокентием III в “Крестоносцы” и носили крест в этих войнах на Уничтожение так же, как они носили его в Священных войнах в Палестине. В 1209 году их армия выступила против Безье, и на своем Совете вожди послали епископа города увещевать свою паству.

Всех жителей вызвали встретить его, и они собрались на хорах и трансептах собора,— единственных частях, которые были закончены к тому времени. Можно представить себе встревоженных горожан, толпящихся в церкви, появление разгневанного прелата, чье состояние и хмурый вид были хорошо рассчитаны на то, чтобы запугать колеблющихся, и напряженное молчание, когда он с серьезным благословением проходил к алтарю. В нескольких словах он предупредил их об опасности, грозящей им, духовной и материальной; он сказал им, что хорошо знает, кто верен Церкви, а кто лжец, что у него есть письменный список имен еретиков, которых они, по-видимому, укрывают. Затем он умолял их передать этих предателей в его руки, а их город - легату Святого Отца. Менее словесным был их ответ: “Преподобный отец, все, кто здесь, - христиане, и мы видим среди нас только наших братьев”. Такие слова были отказом, отвратительным грехом, и ужас, должно быть, был написан на каждом лице, поскольку без единого слова или знака благословения разгневанный епископ покинул церковь и вернулся в лагерь их врага.

Советы крестоносцев были бурными; ибо некоторые из знати желали спасти католиков, другие призывали к истреблению всего мятежного края, и, наконец, желчный легат Арман-Амори, аббат Сито, не выдержал больше и яростно закричал: “Убейте их всех! Бог узнает Своих”. Слова их легата были окончательными, армия атаковала город, и, как прекрасно пишет Анри Мартин, “ни похоронный звон, ни колокольный звон, ни каноники во всех их священнических одеяниях не могли помочь, все были преданы мечу; никто не спасся, и это было самое печальное зрелище, которое когда-либо видели или слышали”. Город был разграблен, обстрелян, опустошен и сожжен, “пока не осталось ни одного живого существа”.

“Не осталось ни одного живого существа”, которое могло бы поведать эту ужасную историю, и все же со временем и усердием новый и забывчивый Безье возвысился до всего своего бывшего престижа и во много раз превысил бывшие размеры; остался только собор, и его самая запоминающаяся история до наших дней - это история не о незыблемом мире Веры, а об ужасной пародии на религию, произошедшей двадцать второго июля сотни лет назад.

Narbonne.

Наверх

“Нарбонна по-прежнему могущественна и полна здоровья, если судить по деятельности наших дней; она живописна и приятна, и расположена гораздо комфортнее, чем многие города с более великолепным расположением”. Эти слова, вертевшиеся в голове путешественника, становились все более и более насмешливыми, все более ироничными по мере того, как он бродил по Нарбонне. Не на всем Юге Франции он видел столь унылого города. Его упадок продолжался долгих пятьсот лет, с тех пор как рухнули римские дамбы и он оказался отрезанным от моря. Агде, почти такой же старый, демонстрирует упадок достойной, вышедшей на пенсию старости; Сен-Жиль-дю-Гар был таким же грязным, но ни на йоту не таким претенциозным; Ним был величественно античным; Нарбонн - просто убогим.

Грустно думать, что более двух тысяч лет назад она была вторым Марселем, что она была первой из трансальпийских колоний Рима и что при Тиберии ее школы соперничали со школами Столицы мира. Еще печальнее думать, что все великолепие римской роскоши, скульптурного мрамора — Форум, Капитолий, Храмы, Бани, Триумфальные арки — стояло там, где сейчас стоят унылые ряды полусовременных домов. Почти невозможно поверить в утраченное величие этого города и в то, что он действительно находился под опекой такого великого и величественного бога, как Марс.

Богатый событиями христианский период Нарбонны был очень заметным, но не очень долгим. Ее меланхолический упадок начался еще в XIV веке. От ее великой древности не осталось ничего, кроме нескольких изрубленных и изуродованных резных фигурок; от ее амбициозного средневековья не осталось ничего, кроме незаконченной группы церковных зданий. Давно исчез величественный “Нарбо”, посвященный Марсу, исчез город латинской поэтессы, чьи слова, повторяемые сегодня на ее улицах, являются горькой насмешкой, и исчез оплот средневековья. Остается редким явлением для чистой Франции — грязный город, старые кварталы которого напоминают о некрасивой старости, дряхлые и немытые; и чьи недавно спроектированные бульвары отличаются безвкусной и претенциозной молодежью.

В центре этого города находится группа средневековых церковных зданий, дворец прелата, его кафедральный собор и примыкающий к нему монастырь. Все они либо запущены, незакончены, либо перестроены заново; но имеют настолько благородный план, что путешественник чувствует “божественный гнев” за то, что они никогда не достигли своего полного величия завершения, что это великое архитектурное произведение было начато так близко к концу процветания города и что, несмотря на многочисленные усилия, оно так и не было завершено наполовину. Как будто над всем этим местом нависла угроза, и как будто все величие, задуманное Нарбоном, было обречено на разрушение или незавершенность.

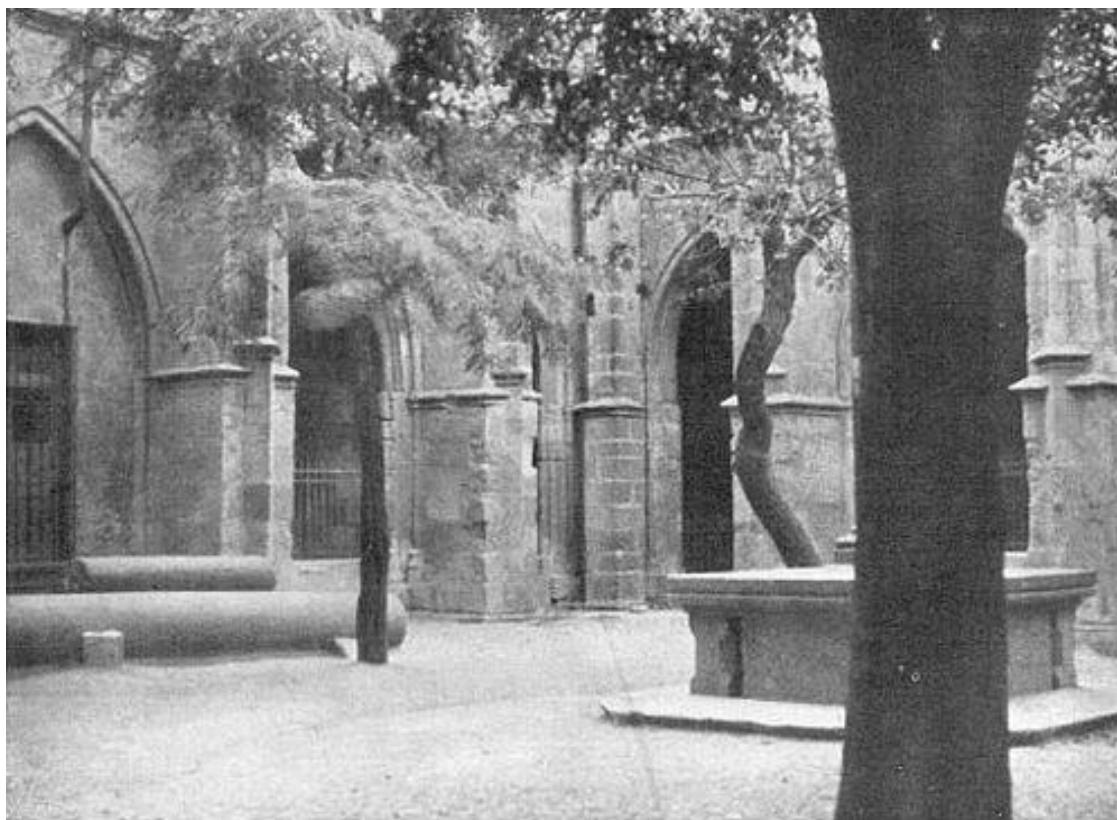

“ДВЕРЬ МОНАСТЫРЯ”. —НАРБОННА. [\[К списку\]](#)

Из трех сооружений наименее интересным является бывший дворец архиепископов. Сейчас это Отель-де-Виль, и поскольку все здание между башнями XII века было построено в наши дни Виоле-ле-Дюком, можно с уверенностью сказать, что от старого дворца сохранилось очень мало. Помимо двух главных башен, сохранились еще одна поменьше, ворота и часовня. Виоле-ле-Дюк построил отельde-Ville в совершенно соответствующем стиле XIII века, но его камень настолько новый, а атмосфера настолько современная и республиканская, что путешественник покидает его без сожаления и направляется вверх по темному, крутому, плохо вымощенному переулку, который ведет к дверям монастыря.

Этот монастырь, отделявший Дворец от собора, сейчас уныл, заброшен и заброшен. Как и собор, он готический, с печально разрушающимися следами изящного орнамента. Небольшой участок огороженной земли, который следует засадить травой или несколькими цветами, представляет собой всего лишь грязный дворик, по которому топчут

немногочисленные прихожане, входящие в собор этим путем. Два или три дерева растут как им заблагорассудится, корявые или прямые. Здесь не хватает ощущения мирной меланхолии, которое путешественник испытывал в монастыре Безье. Это место пустынного уединения; и, вздохнув о красоте, которая могла бы быть, путешественник пересек ограду и вошел в церковь через монастырскую дверь.

“ЭТО МЕСТО ПУСТЫННОГО ОДИНОЧЕСТВА”. —НАРБОННА. [\[К списку\]](#)

Несмотря на архитектурные различия, судьба этого собора мало чем отличается от судьбы Бове. Каждому из них было суждено иметь завершенный хор, и каждому - остаться без нефа. В Бове добавление трансептов очень существенно увеличивает красоту собора. В Нарбонне трансептов нет. Здесь есть просто хор, что придает церкви очень необычное расположение как в религиозном, так и в архитектурном плане. Войдя в ворота, ведущие из амбулатории на хоры, путешественник обнаружил, что Благословение только началось. Непосредственно справа от него, перед алтарем, залитым светом, стояли священники и служки; слева, на хорах, в партере каноников сидела паства; а сзади, как в конце нефа, возвышался орган.

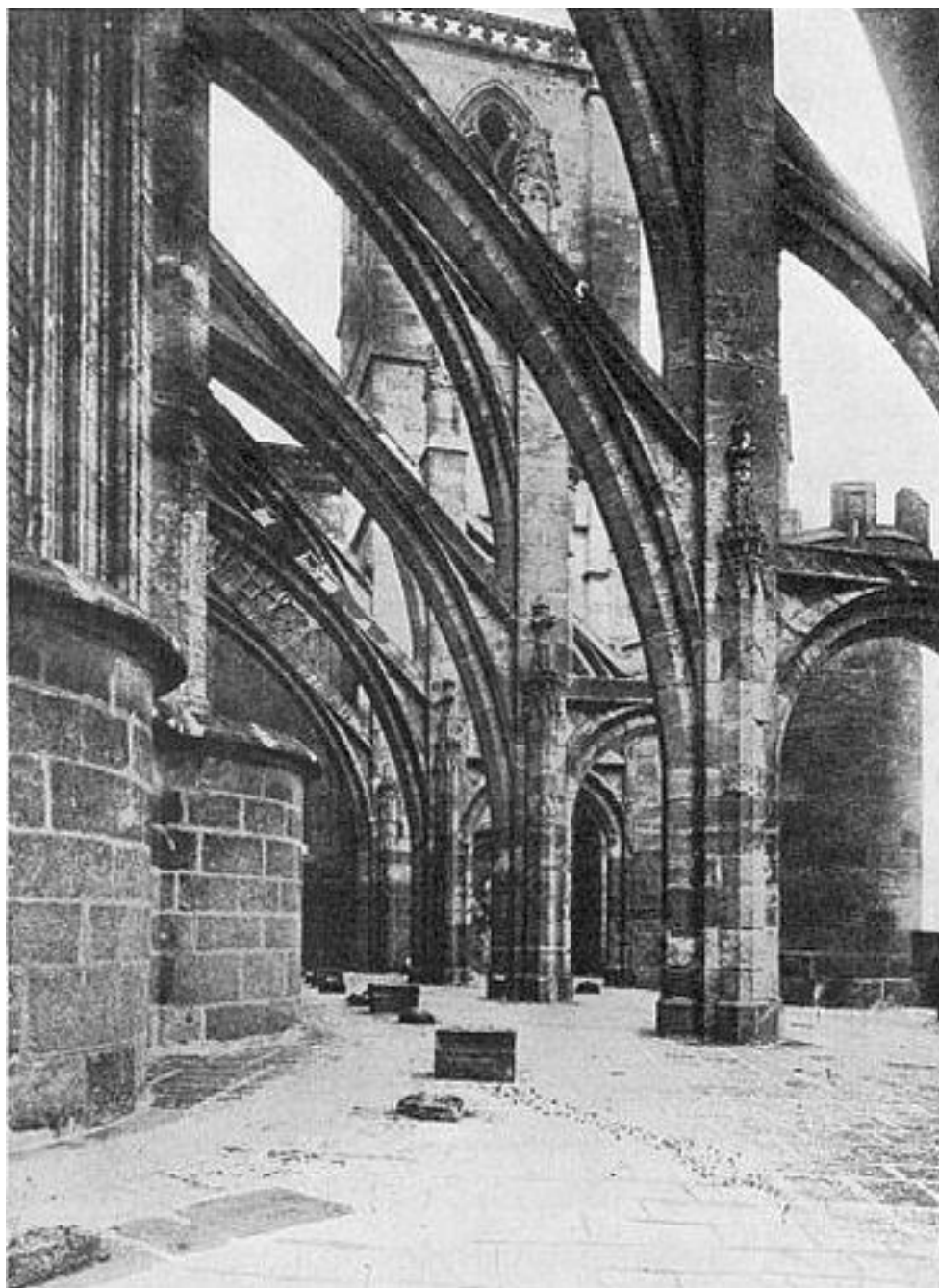
Путешественник обошел амбулаторию и, прислонившись к самой дальней стене, попытался рассмотреть церковь, но был сбит с толку. Перспективы не было. Амбулатория очень узкая, а перегородка на хорах очень высокая. Впечатления, которые он произвел, были отчасти образными, отчасти индуктивными; и самым ясным из них было впечатление абсолютного роста, прямого, сверхчеловеческого роста, который является одним из непревзойденных достоинств французской готики. Здесь путешественник снова подумал о Бове и пожелал, как он так часто желал в северном соборе и примерно с такой же силой, чтобы эта свобода и величие высоты были великолепно продолжены и завершены в нефе. Такая церковь, какую рисовало его воображение, была бы достойна места с лучшими образцами северной готики. Теперь это предложение, начало величия; и его главная слава заключается в простоте и прямоте его высоты. Собранные в группы колонны четко поднимаются к остроконечной готической крыше. Здесь настолько заметно отсутствие резьбы, что кажется, будто

орнаментация ослабла бы и скомкалась. Это не голость, а прекрасная твердость, которая освежает и возвышает сердце человека, как вид какой-нибудь островной горы, отвесно поднимающейся из моря.

Внешний вид собора, впечатляющий издалека, довольно сложен из-за незавершенного компромисса деталей. В XV веке были построены две башни, примыкающие к западному торцу, поскольку башни обычно примыкают к фасаду; и это придает церкви эффект укороченного ракурса. Настоящего фасада здесь нет, а передняя стена, защищающая хоры, явно временная. Перед этой стеной находятся части недостроенного нефа, камни и другие строительные материалы, строительные леса и дощатый забор; и единственным удовольствием, которое путешественник мог найти в этом беспорядке, была фантазия о том, что он обнаружил старинный вид строящегося собора.

Апсида практически достроена, и возникает странное ощущение, что это здание без порталов. Не имея фасада, он не имеет ни одного из больших парадных входов, характерных для готического стиля; нет в нем и обычной боковой двери. На хоры можно попасть через временные двери псевдофасада; в амбулаторию можно попасть через Клуатр, или симпатичную маленькую готическую дверь, которая, если бы не была главным входом в церковь, казалось бы, была построена скорее для духовенства, чем для людей, которые сейчас ею пользуются. Хотя эти порталы на удивление неважны, их незначительность существенно не умаляет величия апсиды, которое создается ее огромной высотой — сто тридцать футов по внутреннему измерению — и великолепными контрфорсами.

Эти контрфорсы придают экстерьеру самый любопытный и красивый эффект. Они представляют собой форму готики, редко применяемую на Юге, и существуют здесь в довольно исключительном виде. Над часовнями, окружающими апсиду, возвышается ряд двухарочных опор, внешние из которых заканчиваются маленькими башенками с зубчатыми выступами. На эти опоры после великолепного поворота наружу опираются опоры пролетных арок. Они обладают прекрасным уверенным изяществом и вместе с тем легкостью, которая снимает тяжесть, налагаемую на церковь башнями, и огромную прочность корпуса апсиды. Они являются главным и наиболее заметным украшением внешнего вида и придают собору его особую индивидуальность.

“ЭТИ ВЫСТУПАЮЩИЕ КОНТРФОРСЫ ПРИДАЮТ ЭКСТЕРЬЕРУ САМЫЙ ЛЮБОПЫТНЫЙ И КРАСИВЫЙ ЭФФЕКТ”. -НАРБОНН. [\[К списку\]](#)

Если не считать контрфорсов, Сен-Жюст не отличается декоративным стилем. Его зубцы и башенки носят военный характер, а не вычурный. Ибо церковь имела как оборонительную, так и религиозную цель, и раньше была соединена на севере с укреплениями Дворца и способствовала защите своих прелатов, а также их архиепископскому престижу.

Несмотря на заботу французского правительства, Дворец, Монастырь и Кафедральный собор, похоже, находятся в руках незнакомцев. Путешественник, который жаждал увидеть их во всем их завершенном великолепии, понял тщетность этого желания, но отвернулся с другим, столь же тщетным, что он мог бы узнать их даже в незавершенном виде, когда они были в руках Церкви, когда архиепископ все еще правил в своем Дворце, когда каноники молились в Монастыре, а собор все еще строился.

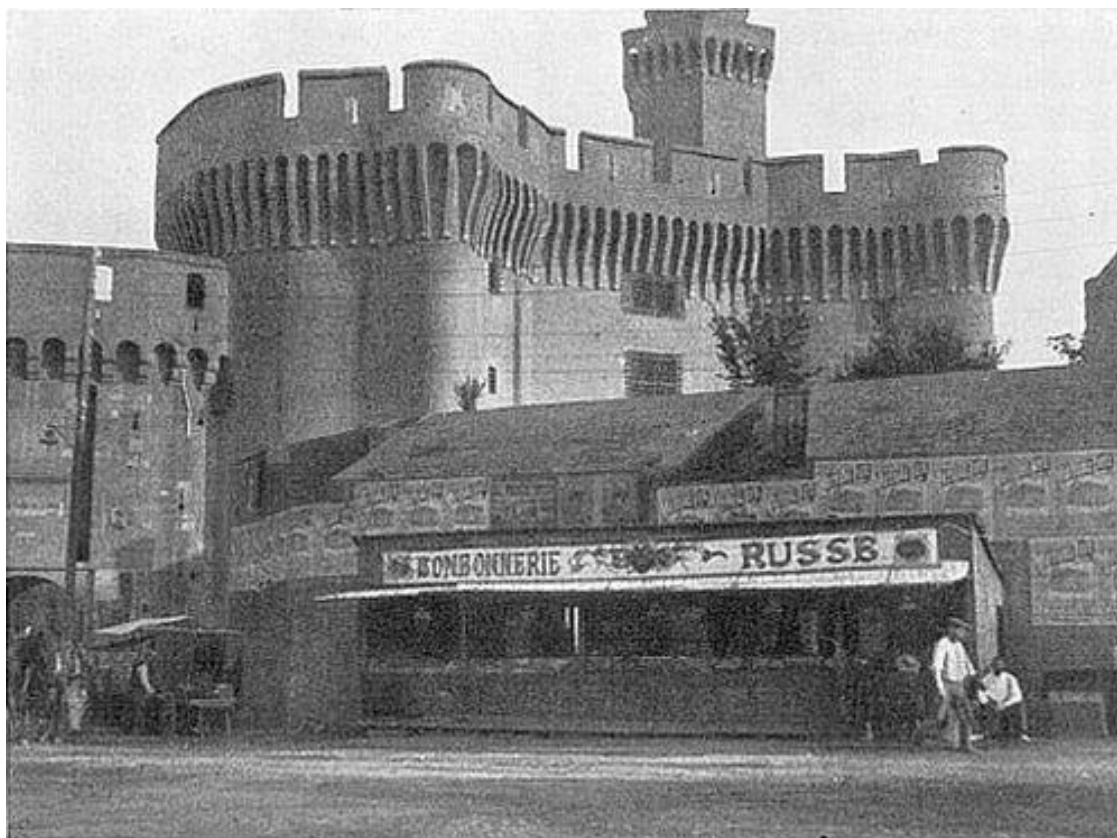
Перпиньян.

Наверх

Перпиньян, как и Эльне, находится в Руссильоне. Период его самого блестящего процветания пришелся на период доминииона Майорка в XII веке. Позже она вернулась в Арагон и по-прежнему оставалась таким прекрасным городом, что в течение двухсот лет Франция жаждала ее, пока, наконец, не уступила алчной проницательности Ришелье и не была официально присоединена к королевству Людовика XIII. Перпиньян - веселый маленький городок, сильно пострадавший от гениальности и праздности испанской расы. Утро - время работы, полдень - сиеста, но вторая половина дня и вечер были созданы для удовольствий; и каждый погожий день, когда солнце начинает отбрасывать тени, люди заполняют узкие, тенистые улочки и прогуливаются по набережной у мелководной реки под прекрасными платанами. Тротуары перед кафе заставлены маленькими круглыми столиками, и тут и там небольшие группы мужчин весело бездельничают за крошечными рюмочками ликера и чашечками холодного черного кофе; возможно, они немного разговаривают о делах, но уж точно много сплетничают. Шумные маленькие группы, наполненные веселыми людьми, сбегают с Набережной к берегу моря; и после часового купания почти в тени высоких Пиренеев те же веселые люди, смеясь, возвращаются в более прохладный Перпиньян. Вечером они ищут ярко освещенные кафе, и официанты деловито снуют туда-сюда между переполненными столиками; узкие, плохо освещенные улочки полны движущихся теней, а в открытых церковных дверях свечи колеблются на порывистом сквозняке, и тихие прихожане переходят от алтаря к алтарю в покаянии или в молитве.

Все старинные здания города имеют испанское происхождение. Тюрьма представляет собой кирпичный замок с зубцами майоркинского Санчо, Цитадель такая же древняя, а Арагонская биржа разделена между ратушей и самым популярным кафе города.

Строительство собора Сен-Жан, выходящего окнами на заброшенную маленькую площадь, также было начато во времена Майорки и при том Санчо, который правил в 1324 году. Сначала это была просто церковь, ибо Эльне всегда был резиденцией епископства Руссильон, и хотя город пострадал от многих войн и долгое время приходил в упадок, он не был лишен своей епископской славы до тех пор, пока для этого не появились достаточные политические причины. Это возникло в 1692 году и было основано на давних притязаниях Франции и Испании на одно и то же графство, к которому принадлежали эти два города.

“ВСЕ СТАРЫЕ ЗДАНИЯ ГОРОДА ИСПАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ”. —ПЕРПИНЬЯН. [\[К списку\]](#)

Более ста лет назад Карл VIII полностью уступил Фердинанду и Изабелле всю власть в Руссильоне, даже тот призрачный феодальный сюзеренитет, которым, за неимением фактического владения, многие бывшие французские короли утешали себя и раздражали брата королевской крови Испании. Фердинанд и Изабелла незамедлительно посетили свои новые владения и торжественно въехали в Перпиньян. К несчастью, инквизиция последовала за ними, и безграничное рвение Святой Канцелярии привело ко все возрастающей немилости испанского правления, которое ее защищало. Напрасно Филипп III снова даровал Перпиньяну титул “верного города”, который он впервые получил от Иоанна Арагонского за верноподданническое сопротивление Людовику XI; напрасно он облагородил нескольких его жителей и передал ей из Эльне епископскую власть. Город был готов к появлению новых и более добрых хозяев, чем большинство католических королей, и в 1642 году французов приняли как освободителей.

Все эти годы собор рос очень медленно. Строительство было начато в 1324 году, но прошло более столетия, прежде чем хор был закончен, а к строительству нефа приступили только сто лет спустя. Главный алтарь, Притвор и железная решетка башни были пристроены с такой же тщательностью, и даже сегодня они все еще недостроены. Самая красивая часть - сильно укрепленная апсида; самая бедная - незаконченный фасад, который был очень уместно описан как “простой и убогий”. Безутешно глядя на него с пустынной площади, едва ли испытывая искушение подойти ближе, путешественник был поражен мыслью, что на протяжении нескольких столетий эта неприглядная стена взирала на поколения верующих, не побуждая их к каким—либо безумным действиям - ни разрушительным, ни созидательным. Его единственным утешением были строительные леса, которые возводились вокруг него и которые, казалось, обещали лучшее.

“НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ФАСАД”.—ПЕРПИНЬЯН. [\[Перечислить\]](#)

Интерьер собора очень большой и величественный. В нем нет проходов, а часовни незаметно спрятаны между опорами. Высоко над головой изгибаются ребристые готические своды, а вокруг - сплошное пространство, которое заканчивается темнотой или смутными очертаниями алтаря, тускло освещенного мерцающей свечой. Стены выкрашены в насыщенные, мрачные тона, а свет очень мягко проникает через старые добрые витражи. Это южная церковь, темная, прохладная и несколько таинственная; совершенно чуждая блеску и жаре реальности. Люди теряются в его торжественных просторах, и даже при множестве верующих это уединенное место, где можно было бы совершать самые священные бдения, мистическое место, где воображение южанина вполне могло бы погрузиться в такой священный пыл, какой испытывала святая Тереза. Путешественнику нравилось задерживаться здесь; днем, когда он тщетно всматривался в перестроения Солер-де-Барселона, во время мессы, когда зажженные алтарные свечи мерцали на его прекрасном старом мраморе, но больше всего ему нравилось приходить сюда ночью. Те летние ночи в

Руссильоне были жаркими и полными гула голосов. Собор был единственным тихим местом, более чем когда-либо наполненным таинственным - ощутимым и невидимым. Когда кто-то входил, свет в святилище сиял, как звезда среди ночной тьмы; в соседней часовне свеча с шипением погасла, и женщина — старая или молодая, разглядеть было невозможно — зажгла новую свечу. Иногда мужчина опускался на колени и перебирал четки, иногда входили две женщины и расходились по своим разным нуждам и молитвам. Иногда человек какое-то время сидел в медитации или неподвижно преклонял колени; однажды ребенок принес новую свечу святому Антонию; всегда кто-то приходил или кто-то уходил до самого закрытия. Затем прозвенел звонок, смутно видимая рука закрыла дверь, и последние несколько наблюдателей вышли — через маленькую площадь, по той или иной улице, пока не растворились во тьме летней ночи.

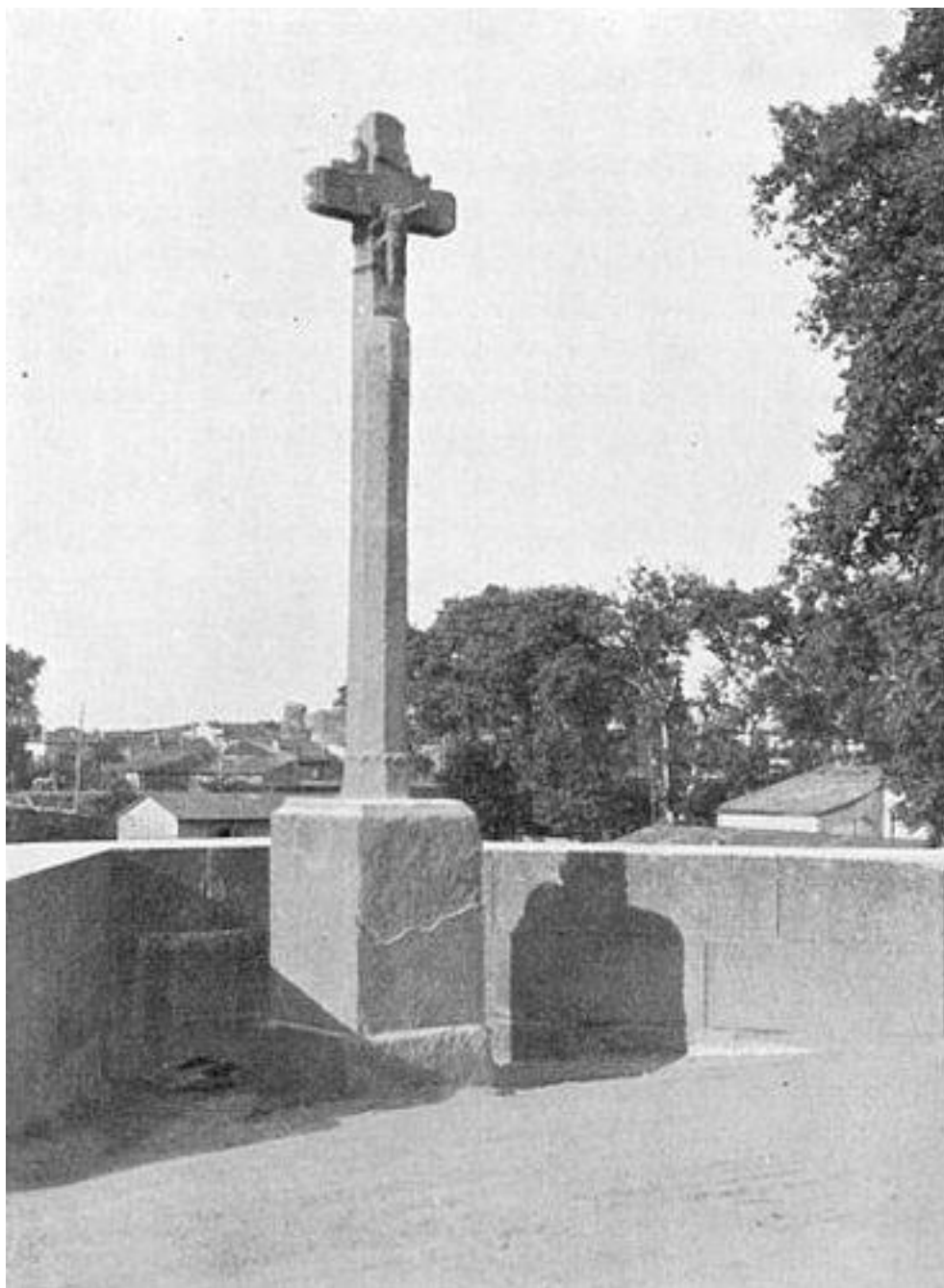

“КАМЕНИСТАЯ УЛИЦА НА СКЛОНЕ ХОЛМА”. —КАРКАССОН. [\[К списку\]](#)

Каркассон.

Наверх

Поезд, пытаясь, подъезжал к станции Каркассон, и нетерпеливый путешественник, бросив свои чемоданы в гостиничный омнибус, спрашивал, где находится кафедральный собор, и с нетерпением шел дальше пешком, чтобы быстрее “увидеть в очереди город на холме”, “стены замка, величественные, как в Вавилоне”, и “наконец взглянуть на Каркассон”. Его мысли были заняты стихотворением, и, точно следуя указаниям, он спешил по чистым узким улочкам, пока, наконец, не наткнулся не на поэтическое видение зубчатых стен и башен, а на самый прозаичный из бульваров и церковь Сен-Мишель, которая была кафедральным собором с 1803 года, большое, неуклюжее здание с большой недостроенной башней. Фасадного портала нет, а небольшая дверь на северной стороне ведет в большой сводчатый зал, одну из самых обычных форм готического интерьера Юга. В эту расписанную комнату проникает свет из красивого окна-розы на западе, и ряд маленьких роз, похожих на миниатюры большой, вырезан в верхних стенах нефа; а маленькие часовни, отличающиеся той же тяжелой монотонностью, которая нависает, как покров, над всем собором, теряются в просторных стенах церкви.

“ДРЕВНИЙ КРЕСТ”.—КАРКАССОН. [\[Перечислить\]](#)

Потеряв большую часть своего энтузиазма, путешественник спросил, где находится старый — он чуть было не сказал “настоящий” — собор, и, получив новые указания, начал все сначала. Покинув хорошо построенный, приятный, заурядный “Нижний город” равнины, он подошел к мосту и там, сидя на его парапете, рядом со старинным Крестом, устремил свой тоскующий взор на это совершенное видение средневековья. Перед ним возвышался высокий, засушливый и почти изолированный холм Сите, на вершине которого в два ряда возвышались зубчатые стены и фланговые башни, ошетинившиеся, воинственные и мощные, но красивые в своей массе неровных остроконечных крыш и зубцов. Он устало поднялся по каменистой улочке на склоне холма и, проходя через открытые ворота, понял, что Ханневелл был прав, когда сказал, что “Каркассон - это роман о путешествиях”. Ибо он вошел в город такой тихий, на улицы такие тихие, такие заросшие сорняками и одинокие, и все же такие хорошо сложенные, что почувствовал себя “сказочным принцем”, проникшим в какой-то заколдованный замок, и казалось, что жители спят в верхних комнатах, за этими

изогнутыми окнами, и как будто, когда прозвучит таинственное слово разочарования, все выйдут толпой: воины, спешащие почистить свои ржавые мечи, старухи, бредущие наполнять свои пыльные кувшины у колодца, и женщины помоложе. выглядывают из дверей и окон, чтобы увидеть незнакомца на своих улицах.

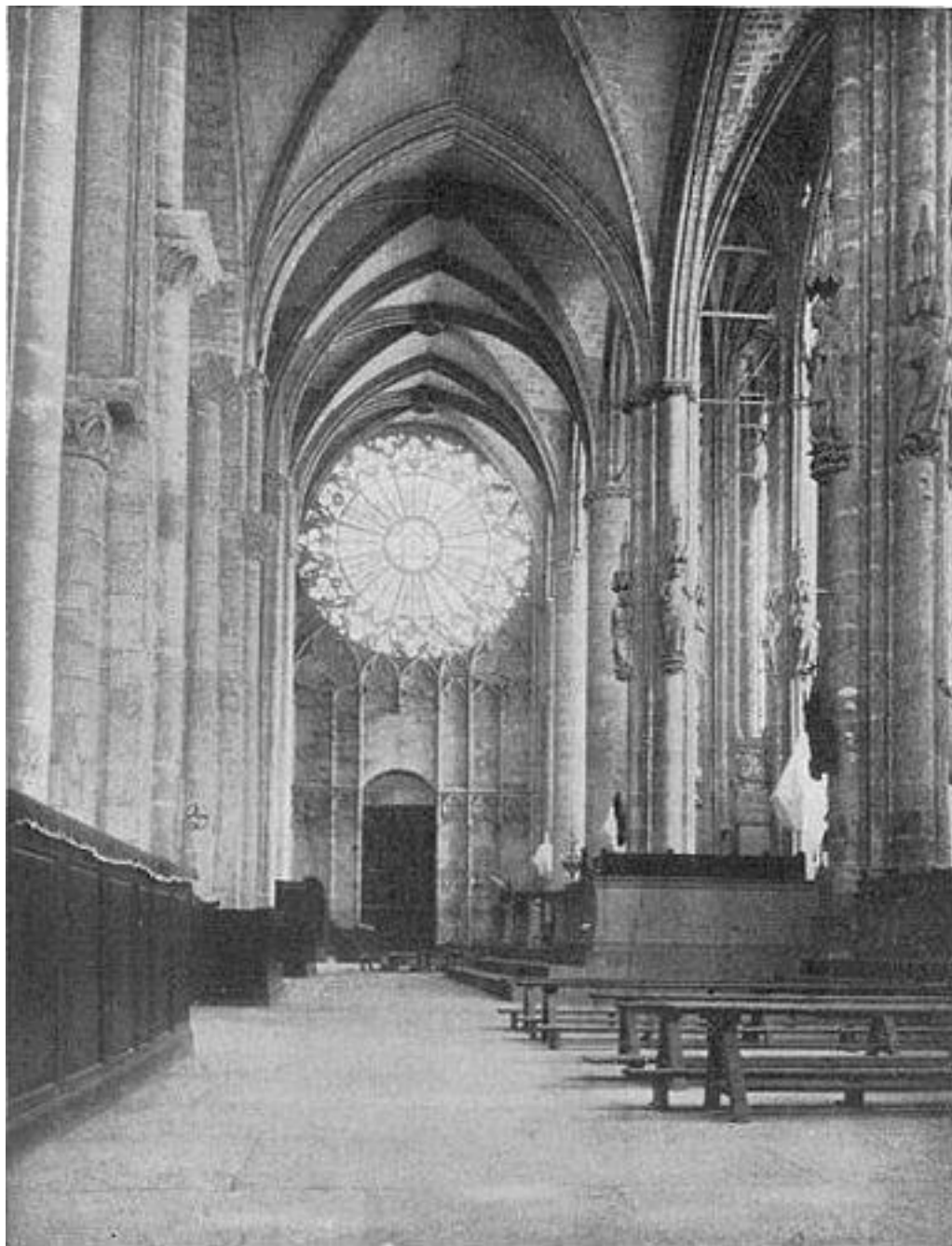
Гасконские кадеты знали город еще до того, как на него были наложены злые чары современности. Они знают его и скучают по нему сейчас. И хотя они, возможно, больше не носят шляпу с плюмажем и бряцающий меч своих предков, дух под их более традиционной одеждой такой же веселый и дерзкий, как у кадетов, более живописных. Они задумали план, столь же захватывающий, как любое старое приключение, идею, которую они представляют миру, не так, как Сирано, их самый знаменитый участник, имел обыкновение выражать свои мысли острием шпаги, но тем не менее ловко и восхитительно. Этот план, как и волшебное слово в воображении путешественника, состоит в том, чтобы заставить старый Каркассон снова ожить, не так, как путешественник робко воображал, в мирное время, а в волнующие времена войны и сражений, и его волшебное слово - "осада Каркассона". На самом деле это всего лишь бенгальские огни, холостые патроны и хлопушки, хотя, если уж на то пошло, карета Золушки была всего лишь тыквой, но эффект от этого не стал менее реальным.

“ЧАСТО НА СТУПИЦУ ТРАТИТСЯ СЛИШКОМ МАЛО ВРЕМЕНИ”. —КАРКАССОН. [\[К списку\]](#)

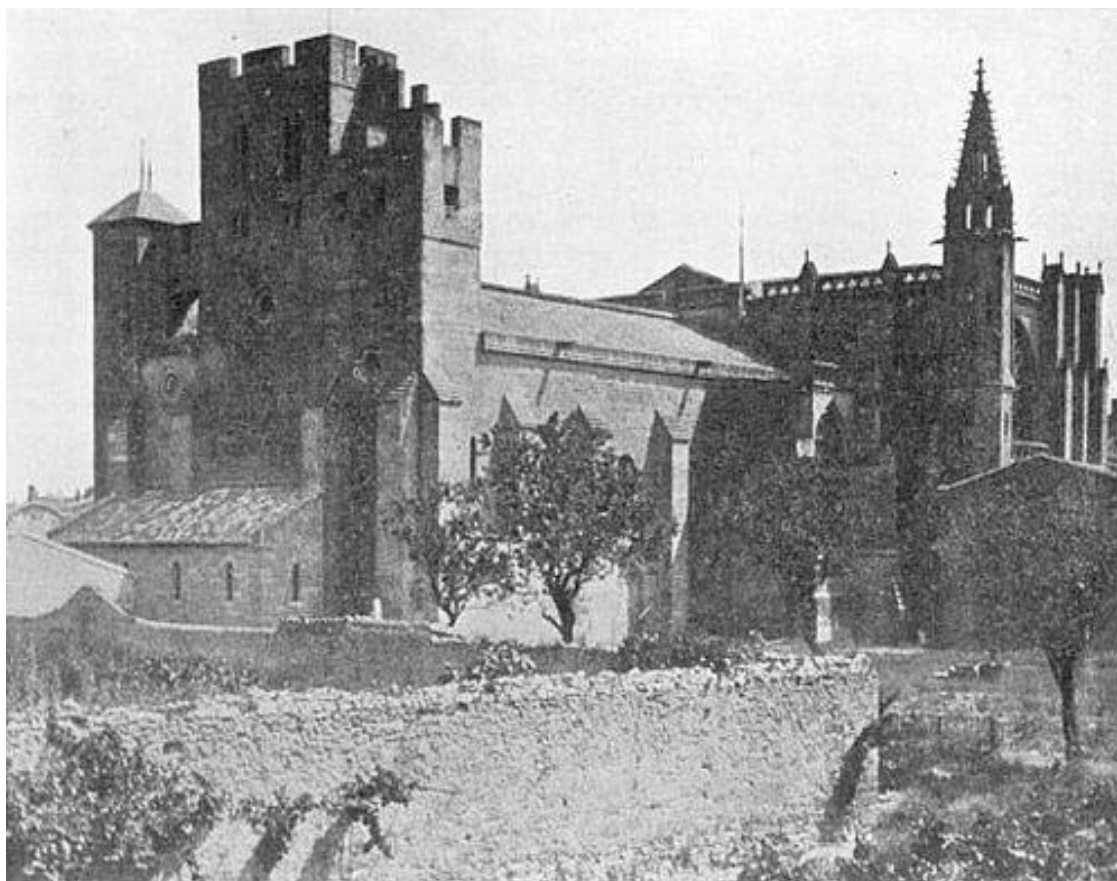
Вечером "осады", редкого большого праздника, кадеты со своими фонарями и амуницией находятся в "верхнем городе", и задолго до наступления темноты их друзья и все жители страны на многие мили вокруг собрались в домах, выходящих окнами на Сите, на мостах и по берегам малой Оды. Когда солнечный свет меркнет и напозаают тени, всех охватывает странное чувство ожидания, тишины, почти страха перед опасностью. Башни на вершине холма темнеют на фоне неба, зубчатые стены ошетиываются в лунном свете, из Сите не доносится ни звука, и кажется, что оно пребывает в беззаботной безопасности. Воспоминания об осаждающих армиях, которые напрасно расположились лагерем в этой долине, возвращаются в сознание путешественника, воспоминания о предательстве Симона де Монфора, и он задается вопросом, расхаживал ли когда-нибудь какой-нибудь часовой "крестоносного похода" там, где он сейчас стоит, наблюдая вдоль реки Од, подкрадывался ли когда-нибудь так близко к стенам для разведки какой-нибудь шпион или даже сам ужасный Симон. Внезапно все вздрагивают от звука далеких выстрелов, которые

повторяются ближе к стенам. Все вглядываются в темноту. На стене или башне нет никаких признаков жизни, атакующие силы, должно быть, все еще взбираются на холм, вне досягаемости камней и горящего масла защитников. Раздаются новые выстрелы, и теперь со стороны осажденных раздаются ответные выстрелы; и шум настолько естественно усиливается, что можно следить, прислушиваясь, за ходом атаки и медленным, уверенным продвижением захватчика. Некоторая иллюзия тревоги и психического напряжения, которые приносит война, овладевает наблюдающей толпой, и они, затаив дыхание, ожидают исхода борьбы. Атакующая сторона теперь видна под стенами — теперь на них — они бросают комки горячей ваты, которые сначала тушат. Они все еще побеждают — они обстреливают стены в нескольких местах; и защитники, которых можно увидеть во вспышках света, отчаянно бегут к опасным местам; но их постепенно побеждают, отбрасывая назад сильным жаром. Пламя вырывается из башни; раздается взрыв, и огонь беспрепятственно ползет по стенам. Следует еще один взрыв, еще один всплеск пламени, которое поднимается все выше и выше. Жители Города кажутся еще более обезумевшими и бессильными. Все башни теперь выделяются рельефно, как будто они вот—вот рухнут в бурлящую массу внизу. Крыши внутри стен охвачены огнем, и, наконец, красный язык облизывает башню собора. Через несколько секунд его стены ужасно светятся, и люди в долине — хотя они и знают правду — громко стонут, настолько реальна иллюзия. Очертания нефов собора вырисовываются по мере того, как он горит, огни вдоль стен становятся ярче, сначала распространяются постепенно, затем быстро, и весь Город становится добычей огромных, колышущихся облаков пламени и дыма. Мужчины и женщины, словно очарованные этим зловещим и величественным разрушением, устремляются вперед, чтобы в последний раз полюбоваться прекрасной розой собора или остроконечной крышей какой-нибудь дорогой им башни. Но постепенно темно-красное пламя становится бледнее, менее сильным и не таким высоким. Затем сияние тоже начинает гаснуть; огонь превращается в дым, а свет становится серым и туманным. “Все кончено”, - шепчет кто-то, и, оглянувшись на обугленную, тлеющую вершину холма, они молча поворачивают к дому.

“ХОР XIV ВЕКА”. —КАРКАССОН. [\[К списку\]](#)

Некоторые, сидя на каменном парапете моста, остаются, чтобы поговорить о волшебстве вечера, о вдохновении гасконских кадетов и других сценах, которые всплывают в их памяти, о войнах и слухах о других войнах. И когда, наконец, они поворачиваются, чтобы уйти, то видят, как лунный свет заливает мерцающий Од, мирный нижний город, а над ним Каркассон — Непобедимый, восстающий из пепла.

“ФАСАД — ПРЯМОЙ И МАССИВНЫЙ”. —КАРКАССОН. [\[К списку\]](#)

Кафедральный собор Сите достоин больших защитных стен, и есть немного церквей, разрушение которых стало бы таким печальным ударом по архитектуре Миди. Сен-Назер одновременно типичен для оригинальности южных строителей, их идеализма и их радостной свободы от традиционного рабства. Фасад, прямой и массивный, обладает хмурой строгостью стены старого донжона. Его башни представляют собой сплошные массивы тяжелого камня; вместо шпилей здесь зубчатые стены; вместо изящных контрфорсов по бокам - прочные, вертикальные опоры на прочных, гладких боковых стенах. Это настоящий старый романский стиль. Еще несколько шагов, и появляется апсида, столь же разительный контраст с корпусом церкви, как кусочек мехлизового кружева с кольчугой. Маленькая башенка с горгульями, другая с башенкой изящной резьбы, окна, изящные узоры которых могли быть разбиты ударом, и верхняя балюстрада, которую было бы так же легко раздавить, как яичную скорлупу, в руках похотливых гугенотов, — вот украшения его стен, столь же истинно готических XIV века, сколь неф романский XII века. Печально видеть Монастыри в неинтересных руинах, но церковь внутри настолько прекрасна, что все остальное не имеет значения. Окна сияют великолепием своего стекла, а надгробия, особенно в нижней часовне епископа, украшены чудесной резьбой. Первое место захоронения де Монфора, ужасного гонителя врагов своей Церкви, находится рядом с Главным алтарем, а на стене есть грубый барельеф, изображающий его осаду Тулузы. Все эти замечательные детали кажутся ничтожными по сравнению с интерьером, в котором они находятся. Следует опасаться, что часто на неф тратится слишком мало времени. Даже в полдень, освещенный южным солнцем, его красивые, строгие линии мало смягчаются, и человек инстинктивно обращается к готике, к большей легкости за ее пределами. И все же это неф чрезвычайно изящной, суровой силы, и пренебрегать им легкомысленно, принижать его по сравнению с более яркими хорами - значит бессмысленно упускать из виду в огромных круглых колоннах, тяжелых опорах и сводах темного туннеля концепцию поколений

людей, которые всегда думали — и буквально верили — “Могучая крепость - это наш Бог”. Хор построен в XIV веке, в те времена, когда “красота святости”, кажется, была идеалом архитектора собора. Изящные, сгруппированные колонны, с которых смотрят Святые, длинные окна с прекрасными прожилками, великолепная роза в конце каждого трансепта и высокие сводчатые арки, переходящие в стройную остроконечную грацию, - все это имеет изысканные пропорции; а блестящие витражи придают смягчающую теплоту цвета, но не слишком яркое сияние холодной хрупкости каменных колонн. Ничто в готическом искусстве Юга, да и вообще мало что из готики где-либо еще, не создано с такой вдумчивостью и любовью, как этот хор в Сен-Назере, и немногие церкви в романском стиле построены более изящно, чем его неф. Снаружи готический хор и романский неф настолько различаются по стилю, что кажется, что они волей-неволей должны быть антагонистичными, что изящество готики должно заставлять романскую простоту казаться скучной, или что благородная простота округлой арки должна заставлять готические арки, здесь такие особенно высокие и стройные, казаться почти хрупкими и недостойными. На самом деле такое сопоставление стилей оправдало себя; и, переходя от одного к другому, путешественник больше впечатляется тонкими аналогиями, которые они наводят, чем различиями их архитектурных форм. В будние дни, когда церковь пуста, они, кажется, олицетворяют два идеала религии, которой они служат — суровый, самоотверженный аскетизм святого Доминика и изысканные, лучезарные видения, которые видела святая Сесилия, когда ее удостаивала небесная музыка. Или, если у кого-то есть время пофантазировать дальше, неф - это эпос своей великой религии; хор - песня, которая является выражением самого тонкого стремления, самого нежного поклонения. В воскресенье, когда к этой красоте божественного жилища добавляется вся красота богослужения, музыка старейших органов Франции, медлительные движения священников в роскошных облачениях, сладко пахнущие благовония, песнопения и молитвы самого величественного ритуала, возникает искушение прочесть в этих камнях символическое значение, - как будто тяжелый неф, где преклоняют колени неясные фигуры молящихся, был типичным для их жизни борьбы, — и их взгляды, обращенные к алтарю, где все светло и прекрасно, предвещали их окончательное вхождение в присутствие и славу Божью.

РОМАНСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА.—КАРКАССОН. [\[К списку\]](#)

Ханневелл прекрасно написал, что “в то время как страсти и ужасы свирепого, грубого века сделали невыносимой прекрасную землю, по которой мы можем сейчас так мирно путешествовать ... и в то время как религия, ставшая политической, забыла милость своего Господа и правила безраздельно, ... искренняя вера и посвященный гений создавали одни из самых благородных подношений, которые человек когда-либо воздавал своему Создателю”, и можно с уверенностью сказать, что одной из самых благородных является церковь, зародившаяся в ту самую жестокую эпоху Святого Доминика и де Монфора, в самом сердце страны, которую они создали. опустошенный в городе, который один завоевал хитростью, а другой замучил инквизицией, старый собор Сен-Назер в Каркассоне.

Кастры.

[Наверх](#)

В VII веке Кастр, который раньше был римским лагерем, превратился в бенедиктинское аббатство; и вокруг этого фундамента, как и вокруг многих других, на протяжении средневековья рос город, благополучно достигший процветания и значимости. Вопреки своим ранним защитникам и в противовес ревностной ортодоксальности соседнего города Альби, Кастр стал протестантским оплотом, и его благосостояние росло и падало в связи с вероятностью религиозных войн. Возможно, это был один из самых бесстрашных и упрямых центров ереси, и столетия борьбы, по-видимому, только укрепили ярость его веры. В 1525 году, когда герцог де Роган отсутствовал и королевская армия снова призвала его к покорности и обращению, герцогиню перенесли от постели больного к воротам города, которому угрожала опасность, и рассказывают, что жители всех классов, мужчины, женщины и дети, без различия пола или возраста, вооружились и победоносно бросились ей на помощь. Тридцать пять лет спустя их дети разграбили церкви, разрушили алтари и изображения и изгнали монахов и монахинь.

Военные инциденты превращают историю в захватывающую историю, но они сопровождаются такими материальными разрушениями, что слишком часто лишают город его величайших сокровищ и превращают его, что касается архитектурных интересов, в безводную пустыню. Таким местом является Кастр, процветающий, индустриальный, исторически драматичный, но на самом деле обычный. Старые дома, живописные и заплесневелые, с неправильными, нависающими карнизами, стоят вдоль берегов маленькой речки, как они обычно стоят вдоль берегов всех старых ручьев Миди, и почти все они представляют собой остатки средневековья Кастра. Для нее улицы хорошо заасфальтированы, туда-сюда ездят троллейбусы, часто встречаются универмаги, а самое современное транспортное средство - автомобиль - не кажется анахронизмом. Ни одно здание не может быть более гармоничным с атмосферой неинтересного процветания города, чем его собор, и тот, кто входит сюда в поисках красоты и покоя, обречен на горькое разочарование.

Столкнувшись в XIV веке с растущей ересью, Иоанн XXII изобрел, среди других менее христианских методов борьбы, создание Епархий, чья сила и достоинство ранга должны были сдерживать продвижение врагов Церкви; и в 1317 году, в тот год, когда было положено начало столь многим из этих новых епархий, старое бенедиктинское аббатство Кастр, расположенное в самом центре протестантизма, было создано епископством. Век, пусть и неблагоприятный для католицизма, был благоприятен для архитектуры, аббатство имело древний фундамент, и, исходя из любого из этих фактов, можно было обоснованно надеяться на прекрасный собор — тусклую аббатскую церковь, округлые арки которой теряются во мраке сводов, или немного южной готики, которую, возможно, амбициозно планировал новопосвященный прелат. Но собор Сен-Бенуа не является ни тем, ни другим, поскольку он был перестроен в XVII веке, XVII веке со всей его путаницей идей, отсутствием вкуса, пародией на стили. Налицо обычное множество деталей, обычная недостойность. Некрасивые порталы, незаконченный фасад, темные, уродливые стены, чья голость недостаточно скрыта окружающими домами, тяжелые контрфорсы, нелепо увенчанные каменными шарами, — таковы характерные черты экстерьера Сен-Бенуа.

"Просторность" интерьера дала место если не для беспристрастного представления, то, по крайней мере, для напоминания обо всех стилях архитектуры, наследником которых был XVII век. В орнаментальных колоннах прослеживается ренессансная концепция античного; в окне-розетке дань готике; традиции Юга поддерживаются множеством цветов, хотя и приглушенных; а планировку нефа и боковых часовен можно было бы назвать романской.

Хотя своды высокие, а помещение большое, в этом интерьере нет ни простоты, ни красоты, ни художественных достоинств.

Напротив церкви находится епископальный дворец, построенный Мансаром, большое сооружение, которое прекрасно служит городской ратушей. За ним, вдоль реки, раскинулись очаровательные сады, спроектированные Ленотром, где епископы прогуливались и медитировали, глядя на свой не слишком верующий город Кастр. На этом самом месте находилось древнее аббатство и резиденция бенедиктинцев; и, словно в память об этих монашеских предшественниках, епископ и строитель XVII века оставил в углу дворца старую башню Аббатства. Это сокровище прошлого Кастра, романская колокольня с остроконечной крышей итальянской колокольни, тяжеловесная по сравнению с их изяществом, прочная.

Тулуза.

Наверх

Тулуза - один из самых очаровательных городов Юга Франции. Это также одна из крупнейших; но, несмотря на свои размеры, она не шумная и не глупо заурядная; напротив, это идеальная провинциальная “столица”, где все, даже климат, соответствует нашему предвзятому и несколько романтическому идеалу южного типа. Когда ветер дует из пустыни, он налетает с яростной и внезапной страстью, солнце светит жарко, и под навесами на открытой площади мужчины лениво обмахиваются веерами во время долгого обеденного перерыва. Под этой видимостью субтропической истомы скрывается стойкая энергия великих южных народов, энергия, не менее реальная, потому что она нарушается долгими сиестами, неторопливыми приемами пищи и дневным бездельем, которые кажутся такими беспорядочными и такими странными северным умам. Однако именно эта энергия сделала Тулузу богатым городом — городом с широкими бульварами, открытыми площадями и прекрасными зданиями, городом веселого Возрождения, а не сурового Средневековья. И все же для Тулузы средние века были мрачным временем. То, что можно было получить мечом, было взято мечом, и даже разум человека в ту грубую эпоху был принужден и контролировался агонией его тела. Это время, когда самые мирные внешние приметы - церкви - были сохранены в Тулузе, а боевые знаки, башни, стены и укрепления, темницы и пыточные кандалы инквизиции — теперь — и мудро - спрятаны или уничтожены. От жестоких трагедий, разыгравшихся в Тулузе, даже до дней великой революции сохранилось мало следов — суровая ортодоксальная фигура Симона де Монфора и графа Раймона, его чересчур политизированного врага, и муки осады крестоносцами, согбенная фигура Жана Каласа и пронизательное, пронизательное лицо Вольтера, который издали оправдывал его, - эти воспоминания кажутся потускневшими; а те, что живы, - это беззаботные трубадуры и ярко одетые дамы веселого города., беззаботный Ренессанс, для которого аутодафе было праздником между беззаботным облачением утра и серенадой при лунном свете. Свирепые и стойкие, сентиментально изнывающие, умирающие за различие в вере или умирающие столь же жестоко, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное нахмуренным взглядом или приподнятыми бровями, - таковы жители Лангедока, которых вызывает в памяти Тулуза, близкие к гасконцам и сродни им. Здесь находится Академия Жо-Флорой, “Колледж веселого остроумия”, который был основан в XIV веке и до сих пор третьего мая вручает поэтам и авторам прекрасной прозы призы в виде золотых и серебряных цветов; и здесь много “домов Возрождения”, богатых и красивых домов старой тулузской знати, при дворах которой слишком тихо. Здесь находятся отель дю Вье-Изен, Дом Пьера и отель д'Ассеза, где жила Жанна д'Альбре; а неподалеку стоит статуя ее сына, самого сильного,

здравомыслящего и обходительного из всех великих людей Юга, Генриха Наваррского. Здесь, в Тулузе, действительно есть материал для тысячи фантазий.

“НЕФ XIII ВЕКА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ПОМЕЩЕНИЕ БЕЗ ПРОХОДА, НИЗКОЕ И С ШИРОКИМИ СВОДАМИ”. -ТУЛУЗА. [\[К списку\]](#)

И здесь искателя кафедрального собора, который обычно гордился тем, что находил самое красивое здание в каждом городе, который он посещал, ждало разочарование. Напрасно он пытался утешить себя тем фактом, что в Тулузе было два собора. От одного не осталось и следа; в другом царила неразбериха; и он столкнулся с аксиомой, верной в архитектуре, как и в других вещах, что два безразличных объекта не составляют одного хорошего объекта. Дальбаде, бывшее место поклонения мальтийских рыцарей, имеет более элегантную башню; церковь якобинцев - более интересную; портал старого Шартреза красивее; церковь Быка более любопытна; а базилика Сен-Сернен настолько интересна и поистине великолепна, что собор меркнет в бесцветной незначительности.

Некоторые города средневековой Франции обладали в одно и то же время двумя соборами, двумя сводами канонов и двумя Капитулами под руководством одного и того же епископа. Таким городом была Тулуза; и до XII века соборы Сен-Жак и Сент-Этьен были соперничающими. Затем, по какой-то непонятной нам причине, Сен-Жак был лишен епископского сана и оставался простой церковью до 1812 года, когда был разрушен. Нынешний собор Сент-Этьена представляет собой сочетание стилей и нарушение всякого рода архитектурного единства и представляет собой хаос, который едва ли могло вообразить самое извращенное воображение. Согласно всем правилам строительства, собор не только плох с художественной точки зрения, но и математически невыносим. Пропорции отвратительны, а внутреннее убранство, самая прекрасная часть церкви, неотразимо напоминает плохо сложенную головоломку. Слабая башня является достаточным оправданием отсутствия другой; с башни крыша резко и неоправданно наклонена, а окно-роза расположено с неуместной развязностью слева от главного портала. Вся структура - это не столько каприз архитектора, сколько забава Судьбы, самоочевидное выживание двух неподходящих фасадов. Прогуливаясь по узким улочкам, натыкаешься на апсиду, как на другую церковь, настолько отличается ее стиль. Он непропорционально выше фасада; вместо того, чтобы быть конгломератом, он однороден; вместо приземистого вида, неинтересно гротескного, он обладает достоинством высоты и единства. И хотя он слишком тесно окружен домами и узкими улочками, и хотя вид на всю апсиду полностью закрывает высокая стена какого-то церковного сооружения, это единственная достойная часть экстерьера, и по сравнению с ним даже его довольно скромные контрфорсы и незначительные каменные узоры впечатляют.

“НЫНЕШНИЙ СОБОР ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СОЧЕТАНИЕ СТИЛЕЙ”. —ТУЛУЗА. [\[К списку\]](#)

Неф начала XIII века представляет собой помещение без проходов, низкое и с широкими сводами. По мере того как взгляд проходит по всей длине, он упирается в южный придел хоров, выходящий прямо в центр нефа. За исключением этого на удивление неудачного сопоставления, обе церкви построены нормально, и каждая настолько отличается по стилю готики, что они создают эффект двух соседних церквей. Строительство хора было начато в конце XII века на новой оси и, очевидно, стало началом полной и усовершенствованной реконструкции. Несмотря на плохо спланированную реставрацию в XVII веке, достойная концепция этого хора все еще реализуется. Это строгая, возвышенная готика, величественная по своей собственной сути и вдвойне по сравнению с неотесанным эффектом коробки-головоломки в целом. Его единство вызывало у путешественника шок удивления, приносящий облегчение и красоту, и после того, как он прошелся по его высоким, узким проходам и освежил свое разочарованное зрение, он быстро покинул Собор, не глядя ни направо, ни налево, без следа искушения жены Лота “оглянуться назад”.

Montauban.

Наверх

Хотя Монтобан был основан на месте римской станции Монс Альбанус, на самом деле это город позднего Средневековья, воссозданный, так сказать, Альфонсом I, графом Тулузским в 1144 году. И это был еще больший рассадник еретиков, чем Безье. Подстрекаемый сначала ненавистью к соседним монахам Ле Мустье, а затем жестокими муками инквизиции, он стал ярым альбигойцем и столь же ярим гугенотом; и даже сейчас в нем много протестантских жителей и протестантский факультет преподает теологию.

Современный Монтобан - оживленный и процветающий город, очень красиво расположенный на мутном маленьком озере. Несмотря на ее неизменную преданность делу гугенотов, возможно, отчасти из-за этого, у нее было три собора подряд: Сен-Мартен, сожженный в 1562 году; сторонник собора Сен-Жак; и, наконец, Нотр-Дам, нынешняя епископальная церковь, тяжелое сооружение в итальянском стиле XVIII века. Большое, светлое и голое, внутреннее убранство выглядит неуклюжим, а чопорный внешний вид, украшенный статуями, производит такое же приятное впечатление, как одежда на перекрещенных бобовых шестах. Он искусственный и манерный; последний из городских соборов Лангедока и самый маленький. Если пресловутые пороки XVIII века были столь же ужасны, как и стиль церковной архитектуры, они должны были быть действительно чудовищными.

КОНЕЦ ТОМА I.